49

БИБЛІОТЕКА „ПРОСВѢЩЕНІЯ“

ИСТОРІЯ ГЕРМАНСКОЙ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ

СОЧИНЕНІЕ ФР. МЕРИНГА

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОСЛѢДН. НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ

ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ

на 45 коп.

Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“
С.-Петербургъ, 7-ая рота, собств. домъ, № 20

Библіотека „Просвѣщенія“.

Исторія германской соціалъ-демократіи.

Соч. Фр. Меринга.

Перев. съ посл. нѣм. изд. **А. Вейнберга** и **Г. Зива**.

Выпускъ пятый.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
7 рота, собствен. д. 20.

Типографія Товарищества „Просвѣщеніе".
С.-Петербургъ, 7 рота, с. д. № 20.

Оглавленіе.

Книга III.

Агитація Лассаля.

Книга третья.

Агитація Лассаля.

Глава первая.

Лассаль и Лейпцигскій Центральный Комитетъ.

1. Германскій пролетаріатъ въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Быстрые успѣхи, которые сдѣлала нѣмецкая промышленность со времени Мартовской революціи, вызвали крупныя измѣненія въ средѣ трудящихся классовъ.

Правда, земледѣльческій трудящійся классъ количественно все еще значительно преобладалъ надъ промышленнымъ пролетаріатомъ. На $3^1/_2$ милліона лицъ, занятыхъ въ прусскомъ земледѣліи, приходилась едва ли $^1/_4$ милліона въ прусской фабричной промышленности. Что касается промышленнаго населенія, то ремесло въ немъ было сильнѣе фабрики; въ Пруссіи насчитывалось свыше милліона лицъ, занятыхъ въ ремесленномъ производствѣ. Въ нѣмецкихъ государствахъ, Пруссіи, Саксоніи, курфюршествѣ Гессенѣ, Баваріи, Вюртембергѣ и Баденѣ было занято, по имѣвшимся даннымъ, въ ремеслѣ свыше 2-хъ милліоновъ, на фабрикахъ же менѣе $1^1/_2$ милліона человѣкъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что данныя эти имѣютъ лишь приблизительное значеніе, и особенно, что масса такъ называемыхъ ремесленниковъ въ дѣйствительности относилась къ домашней промышленности, эксплоатируемой капиталомъ.

1*

При всемъ томъ несомнѣнно было, что въ наиболѣе значительной части Германіи ремесленное производство преобладало надъ фабричнымъ, а земледѣльческое—надъ обоими ими вмѣстѣ. Обратное отношеніе имѣло мѣсто лишь въ одномъ нѣмецкомъ государствѣ, въ королевствѣ Саксоніи, которое быстрыми шагами шло по пути превращенія въ одинъ обширный, раскинутый на большомъ пространствѣ городъ съ небольшимъ земледѣльческимъ округомъ. На такой же ступени промышленнаго развитія находился прусскій округъ Дюссельдорфъ. Въ остальныхъ же областяхъ статистика начала шестидесятыхъ годовъ, при всемъ ея тогдашнемъ несовершенствѣ, могла утѣшать приверженцевъ добраго стараго времени, что крупная промышленность еще не угрожаетъ серьезной опасностью.

Въ дѣйствительности же это утѣшеніе имѣло такое же значеніе, какъ если бы какой-нибудь мудрецъ на другой день послѣ битвы при Іенѣ сталъ утверждать, что Пруссія Фридриха Великаго остается непоколебленной, на томъ основаніи, что ни одинъ французскій солдатъ не вступилъ еще на правый берегъ Эльбы. Жребій былъ брошенъ. Никакая сила въ мірѣ не могла дольше задержать быстрое развитіе крупной промышленности. Многочисленныя гекатомбы человѣческихъ жертвъ обозначали ея побѣдное шествіе. Число (84286) ручныхъ ткачей, которое, въ видѣ небольшого остатка отъ прежнихъ сотенъ тысячъ ткачей, насчитывалось еще въ 1849 году, сократилось въ 1861 году до 14557. Съ упроченіемъ крупной промышленности въ какой-либо мѣстности концентрація капитала, повышая интенсивность труда, тотчасъ же начинала обнаруживать свое опустошительное дѣйствіе. Въ одной только прусской хлопчатобумажноткацкой промышленности съ появленіемъ механическихъ ткацкихъ станковъ число ручныхъ станковъ за періодъ съ 1846 года по 1861 годъ понизилось съ 75666 до 4777, а число рабочихъ—съ 82193 до 12541. И это только нѣсколько

данныхъ изъ реляцій о битвахъ крупной промышленности.

Сѣя смерть и разрушеніе за собой, она поселяла блѣдный ужасъ впереди себя. Ремесло было объято страхомъ. Даже тамъ, гдѣ со стороны крупной промышленности ему не угрожала непосредственная опасность, оно съ тупымъ страхомъ чувствовало, что часъ его пробилъ, что крупная промышленность, преобразуя всѣ отношенія производства и обмѣна, вырываетъ у него изъ-подъ ногъ почву. Цѣлый рядъ докладовъ различныхъ ландратовъ, опубликованныхъ съ 1858 по 1866 годъ въ прусской офиціальной газетѣ, представляетъ сплошныя жалобы на неудержимое паденіе ремесла даже въ такихъ областяхъ, которыя, подобно провинціи Познани, до того находились внѣ сферы огня.

Банкротство сдѣлалось постояннымъ явленіемъ въ рядахъ мелкой буржуазіи. Неспособная оторваться отъ почвы буржуазнаго общества, конвульсивныя судороги котораго отравляли, однако, каждый часъ ея существованія, мелкая буржуазія придерживалась политики, столь же противорѣчивой, какъ и само соціальное ея положеніе. Городскіе обыватели стараго покроя попрежнему обольщались средневѣковыми миражами. Когда экономическое развитіе съ неодолимой силой разрушало послѣдніе остатки цехового строя въ Баденѣ, Вюртембергѣ, Саксоніи, а реакціонный пересмотръ прусскаго промышленнаго устава давалъ возможность ясно ощущать тяжкій ущербъ, причиненный прусскому ремеслу, въ это самое время—въ 1862 году—былъ основанъ въ Веймарѣ ремесленный союзъ съ цеховой программой. Это направленіе германской мелкой буржуазіи нашло своего рода руководителя въ лицѣ сапожника Панзе и пользовалось покровительствомъ прусской реакціи. Братецъ-юнкеръ съ нѣжностью обнялъ братца-ремесленника, а братецъ-священникъ съ умиленіемъ провозгласилъ, что ремесленники представляютъ собою

сословіе, осѣненное благодатью, къ которому Господь относится съ особенной благосклонностью. Пожимая плечами, Губеръ характеризовалъ призрачность этихъ стремленій библейскимъ изреченіемъ: „Можетъ ли слѣпецъ указать слѣпцу дорогу"?

Самъ Губеръ горячо защищалъ идею товариществъ безъ политической окраски, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безъ тѣхъ чрезмѣрныхъ иллюзій, которыя положилъ Шульце-Деличъ въ основу своей агитаціи за товарищества. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ послѣдняя быстро распространилась особенно среди мелкихъ торговцевъ и той части мелкой буржуазіи, которая, подобно быстро созрѣвающему и быстро увядающему растенію, выростаетъ въ тѣни крупной промышленности, пока послѣдняя только развивается. Въ исключительныхъ случаяхъ основанныя Шульце-Деличемъ кредитныя товарищества и товарищества для закупки сырья дали, конечно, возможность мелкимъ производителямъ расширить свое производство, приблизить его къ фабричному; но классу, какъ цѣлому, они сулили въ лучшемъ случаѣ замедленіе его предсмертной агоніи. Меньше всего можно было открыть въ указанныхъ товариществахъ реформаторскій соціальный принципъ. Это были чисто капиталистическіе палліативы, которымъ достаточно было лишь нѣсколько развиться, чтобы проникнутся спекулятивнымъ капиталистическимъ духомъ вопреки всѣмъ предостереженіямъ Шульце. Не разъ ихъ крушеніе влекло за собою гибель благосостоянія цѣлыхъ городковъ. Но на первыхъ порахъ значительная часть мелкой буржуазіи вѣрила въ это спасительное средство и присягала знамени прогрессивной партіи, на которомъ оно красовалось.

Подмастерья, такъ же какъ и мастера, занимали промежуточное положеніе между буржуазіей и пролетаріатомъ; однако, они тѣмъ болѣе приближались къ послѣднему, чѣмъ болѣе исчезали у нихъ виды на экономическую самостоятельность. Взамѣнъ преходящаго

земного счастья реакція щедро раздавала имъ духовное утѣшеніе. Правда, въ евангелическихъ союзахъ юношей и дѣвушекъ съ ихъ ханжескими тенденціями, несмотря на ихъ сравнительно большую распространенность, пастыри собирали лишь небольшія и, какъ сыпучій песокъ, мѣняющіяся стада; однако, тѣ католическіе союзы подмастерьевъ, которые съ 1849 года вызвалъ къ жизни бывшій прежде сапожнымъ подмастерьемъ священникъ Колпингъ, носили болѣе серьезный характеръ. Они были широко распространены въ южной и западной Германіи. Католическое духовенство благоразумно остерегалось вносить въ эти союзы религіозную пропаганду. Вмѣсто этого молодые священники проводили пріятно время съ подмастерьями, не считаясь съ тѣмъ, къ какой религіиони принадлежатъ. А потому въ такіе католическіе союзы вступали многіе протестантскіе подмастерья, которые въ то мертвенно-тихое время искали здѣсь удовлетворенія своей живой потребности духовнаго общенія.

Эти союзы не могли, конечно, удовлетворить пробудившихся подмастерьевъ. То самое, что дѣлало честь нѣмецкимъ подмастерьямъ еще въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, несравненно рѣзче выступило въ шестидесятыхъ годахъ: они поняли безнадежность своего классоваго положенія; имъ совсѣмъ не нужно было сначала опуститься до уровня пролетаріата для того, чтобы понять, что единственное ихъ спасеніе заключается въ пролетарской классовой борьбѣ. Вмѣнявшееся имъ въ обязанность странствованіе становилось для нихъ все болѣе и болѣе той высшей школой, которую они умѣли широко использовать. Возвращаясь на родину, они приносили въ своихъ головахъ гораздо болѣе реальныя сокровища, нежели тотъ „фабрикантскій жезлъ“, который они должны были,—по благосклонному увѣренію своихъ высокихъ покровителей изъ прогрессивной партіи, — носить въ своихъ ранцахъ.

Еще меньше успѣха имѣло это утѣшительное обѣщаніе среди промышленнаго пролетаріата, который скоплялся слишкомъ большими массами, чтобы не понять въ концѣ концовъ своего положенія. Страданія его становились все болѣе невыносимыми. Въ жизни, какую вели рабочіе въ годы бурныхъ порывовъ крупной промышленности въ Англіи, нельзя отмѣтить ни одного факта, который не нашелъ бы себѣ точнаго отраженія въ рейнской промышленности шестидесятыхъ годовъ. Офиціальное представительство фабрикантовъ—Аахенская Торговая Палата—назвало положеніе рабочихъ Аахенскаго округа просто отчаяннымъ. Одинъ высокопоставленный чиновникъ свидѣтельствуетъ, что въ Эльберфельдскихъ прядильняхъ, въ тѣсныхъ непровѣтриваемыхъ помѣщеніяхъ, блѣднымъ, съ землистыми лицами, лишеннымъ мускулатуры рабочимъ, при пятнадцати часовой работѣ, среди поистинѣ адскаго шума, не давалось ни малѣйшаго перерыва для принятія пищи; вмѣсто этого къ шеѣ у нихъ привязывалась жестянка, изъ которой они едва успѣвали сдѣлать пару глотковъ въ тѣ моменты, когда разрывалась нить. Женскій и дѣтскій трудъ примѣнялся сравнительно съ прежнимъ временемъ въ колоссальныхъ размѣрахъ. Отчеты рейнскихъ торговыхъ палатъ съ циническою откровенностью приводили свои „обоснованныя" жалобы на обязательность школьнаго обученія, которая мѣшала фабрикантамъ эксплоатировать подрастающее поколѣніе.

При этомъ трехчасовое обученіе въ школѣ, установленное фабричнымъ закономъ 1853 года для дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, въ сущности значилось только на бумагѣ, да и въ самой этой бумагѣ неоднократно дѣлались прорѣхи толкованіями верховнаго суда. Такъ, высшая прусская судебная палата выискала, будто золингенскія паровыя шлифовальни не подлежатъ дѣйствію фабричныхъ законовъ, какъ, яко-бы, ремесленныя заведенія. И дѣвушки, работавшія тамъ,

во избѣжаніе расходовъ для своихъ хозяевъ на различныя предохранительныя приспособленія и огражденія, принуждены были для безопасности переодѣваться въ мужскіе костюмы, что вызывало, разумѣется, самыя непріятныя послѣдствія. Когда фабричный инспекторъ осмѣливался робко протестовать противъ этого, ландратъ и все буржуазное общество глубоко возмущались такой отсталой сентиментальностью, и пришлось долгіе годы бороться, пока это безобразіе не было устранено. Вообще же министерство Бисмарка спѣшило убрать съ дороги капиталистической эксплоатаціи всѣ камни преткновенія. Его соціально-реформаторская дѣятельность по спасенію государства началась съ того, что были устранены тѣ ничтожные слѣды государственной защиты фабричнаго труда, которые еще существовали при его предшественникѣ.

Германскій пролетаріатъ шестидесятыхъ годовъ находился въ такой же нищетѣ, какъ и англійскій—въ сороковыхъ, но положеніе его было еще хуже въ томъ отношеніи, что онъ былъ лишенъ почти всякой возможности свободной дѣятельности. Эту дѣятельность стѣсняло не только политическое законодательство. И на экономическомъ поприщѣ ее затрудняли на каждомъ шагу остатки феодально-крѣпостного строя. Экономическое законодательство въ Германіи было еще болѣе пестрымъ, чѣмъ ея географическая карта. Оно имѣло видъ широкаго поля, покрытаго развалинами, только въ немногихъ мѣстахъ превращеннаго въ равнину, на которой пролетаріатъ могъ начать свою гигантскую борьбу съ буржуазіей, — равнину, усѣянную почти повсюду большими и маленькими обломками скалъ, преграждавшими пролетаріату путь къ самостоятельной борьбѣ. Правда, промышленный пролетаріатъ началъ ужъ смыкать свои ряды, но въ этихъ рядахъ замѣчались весьма различныя ступени возраставшаго классоваго самосознанія. И если онъ являлся до извѣстной степени авангардомъ всего германскаго

пролетаріата, если уже развертывались первые ряды этого авангарда на полѣ рѣшительной битвы, то массы пролетаріата то медленнѣе, то быстрѣе лишь высвобождались изъ феодальныхъ цеховыхъ тисковъ.

Даже среди рейнскаго пролетаріата существовали очень замѣтныя градаціи. Въ округѣ Аахенѣ рабочіе должны были стоять, снявъ шапку передъ строгимъ фабрикантомъ, который укрощалъ ихъ угрозой голода, и передъ строгимъ священникомъ, запугивающимъ ихъ адомъ. Постепенно и медленно, безъ какихъ-либо внезапныхъ скачковъ, подъ тяжестью ханжества, развивался этотъ пролетаріатъ; онъ совершенно не понималъ современнаго положенія; въ отвѣтъ на безстыдство, надменнаго предпринимателя, онъ, въ минуту безграничнаго отчаянія, разбивалъ у своихъ мучителей окна или разрушалъ машины съ тѣмъ, чтобы послѣ этого снова впасть въ прежнюю летаргію. Торговый кризисъ 1857 года и эпидемическая болѣзнь шелковичныхъ червей 1889 года пробудили крефельдскихъ ткачей отъ ихъ патріархальныхъ грезъ о званіи мастера къ ужасной дѣйствительности; опутанные „золотой цѣпью“ тяжелой системы задатковъ, они были отданы во власть всякимъ прихотямъ своихъ хозяевъ и находились отъ нихъ въ такой зависимости, которая, по свидѣтельству самого правительства, напоминала времена рабства бѣлыхъ. Но они все еще не могли понять, что они, работающіе на дому,—наемные рабочіе, и оставались разрозненной массой, неспособной къ какому-либо стойкому сопротивленію. Наибольшаго развитія достигло классовое самосознаніе пролетаріата горнопромышленнаго округа, гдѣ традиціи Мартовской революціи сохранились также наиболѣе прочно. Тутъ среди рабочихъ агитировали нѣкоторые вожди Майской революціи 1849 года, какъ Гуго Гильманъ въ Эльберфельдѣ, который, возвратившись послѣ 11-ти лѣтняго изгнанія, занимался продажей напитковъ, и Карлъ Вильгельмъ Тёльке въ Изерлонѣ, мелкій чиновникъ

судебнаго вѣдомства въ домартовскія времена, который привлекался за участіе въ баррикадномъ бою въ Изерлонѣ и судомъ присяжныхъ былъ оправданъ, но ученымъ судомъ былъ приговоренъ къ денежному штрафу и лишенію національной кокарды подъ тѣмъ предлогомъ, что во время его предварительнаго заключенія въ одной кассѣ, находившейся въ его завѣдываніи, оказался будто „недочетъ“. Въ качествѣ внушающаго страхъ „уличнаго адвоката“ или, вѣрнѣе, въ качествѣ настоящаго адвоката массъ, онъ велъ теперь съ придирчивыми властями столь же забавную, какъ и плодотворную мелкую борьбу.

Въ восточной Германіи бѣлому террору удалось задушить всякія революціонныя воспоминанія. Лишь въ отдѣльныхъ крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ пылали кой-гдѣ единичные огоньки. Въ Гамбургѣ остались слабые слѣды рабочей организаціи подъ покровительственной ширмой безобидныхъ просвѣтительныхъ союзовъ и товариществъ; здѣсь Яковъ Аудорфъ въ жесточайшей борьбѣ за существованіе защищалъ съ непоколебимой вѣрностью старое знамя и въ такомъ же духѣ воспитывалъ своихъ сыновей. Какъ нѣкогда Аудорфъ, благодаря Вейтлингу, сдѣлался сторонникомъ коммунизма, такъ и лейпцигскіе рабочіе и ремесленные подмастерья питались сочиненіями Вейтлинга: табачный рабочій Фридрихъ Вильгельмъ Фриче, сапожникъ Юлій Вальтейхъ и другіе. Тѣмъ не менѣе число ихъ было невелико; среди рабочей массы Гамбурга и Лейпцига господствовала та же неясность, что и въ другихъ мѣстахъ.

При этомъ, какъ воспоминаніе о Мартовской революціи, такъ еще въ гораздо меньшей степени вейтлинговскій коммунизмъ не могли при совершенно измѣнившихся условіяхъ сдѣлаться лозунгами массоваго пролетарскаго движенія. Нужны были иные рычаги для того, чтобы толкнуть рабочихъ въ политическое движеніе, и эти рычаги доставила буржуазія.

2. Рабочая политика прогрессивной партіи.

Буржуазія постоянно твердитъ рабочимъ о необходимости политической борьбы, въ которой ей же въ концѣ концовъ суждено пасть побѣжденной подъ ихъ ударами. Безъ поддержки массъ одолѣть абсолютизмъ и феодализмъ буржуазія не въ состояніи, и отъ ея благоразумія будетъ зависѣть, долго ли пролетаріатъ будетъ идти рядомъ съ нею въ качествѣ союзника, или онъ скоро выступитъ противъ нея самой.

Для германской буржуазіи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ обстоятельства сложились необыкновенно благопріятно. Германію нужно было очистить отъ такой массы стараго хлама, что буржуазія могла бы обезпечить себѣ надежный союзъ съ рабочими на очень продолжительное время. Если бы она мужественно довела до конца свою борьбу во время конституціоннаго конфликта въ Пруссіи, если бы она честно признала всеобщее избирательное право, свободу печати и союзовъ, — словомъ, если бы она рѣшительно взялась за осуществленіе современнаго буржуазнаго общественнаго строя, то ей не пришлось бы въ бреду своей нечистой совѣсти такъ скоро приходить въ ужасъ отъ тѣни какого-то „государства будущаго". Феодально-абсолютистская реакція, заигрывая съ рабочими, уже съ самаго начала этой борьбы, прямо толкала буржуазію къ правильной тактикѣ. Не въ томъ дѣло, что было основаніе опасаться того, чтобы рабочіе не поддались какъ-нибудь обольщенію этими нѣжными заигрываніями; а напротивъ, именно потому, что рабочіе нисколько не помышляли покинуть буржуазію въ борьбѣ ея съ реакціей, прогрессивная партія должна была рѣшиться исполнить свой историческій долгъ, такъ сказать, въ крупномъ стилѣ и тѣмъ заплатить ту цѣну, за которую можно получить какъ побѣду надъ реакціей, такъ и болѣе или менѣе продолжительный союзъ съ пролетаріатомъ. Между тѣмъ она эту плату давать

не хотѣла, и то, что она предлагала рабочимъ, только ускоряло разрывъ между буржуазіей и пролетаріатомъ, вмѣсто того, чтобы его задерживать. Національный союзъ ревниво слѣдилъ за тѣмъ, чтобы оставаться чистой организаціей буржуазіи. Рабочихъ онъ исключилъ въ самой обидной формѣ тѣмъ, что не допускалъ разсрочекъ въ уплатѣ ежегодныхъ взносовъ. Люди вродѣ Беннигсена и его товарищей не хотѣли, чтобы ихъ дипломатическое твореніе встрѣтило помѣху со стороны неподдающагося учету большинства, которое, при системѣ ежемѣсячныхъ взносовъ, могло бы образоваться на общихъ собраніяхъ. Зато Національный Союзъ принялъ рабочихъ подъ свое благосклонное покровительство, которое, именно потому, что было благосклоннымъ, должно было очень скоро внушить отвращеніе честнымъ рабочимъ.

Въ экономическомъ отношеніи буржуазія, вслѣдъ за Шульце, восхваляла товарищества, какъ панацею отъ всякихъ пролетарскихъ бѣдъ. Она проповѣдывала самопомощь въ томъ узкомъ смыслѣ, что каждый рабочій самъ долженъ помогать себѣ путемъ сбереженій, тогда какъ къ самопомощи въ политическомъ смыслѣ, т. е. къ тому, что рабочій классъ долженъ самъ себѣ помочь, она относилась весьма подозрительно, какъ къ опасному заблужденію. Каждая попытка примѣнить эту теорію на практикѣ неизбѣжно убѣждала рабочихъ въ ея несостоятельности, и, несмотря на весь шумъ, поднятый буржуазіей по поводу предлагаемой ею панацеи, товарищества Шульце никогда не пользовались среди рабочихъ особеннымъ сочувствіемъ. Пустота кармановъ сама по себѣ не позволяла рабочимъ принимать какое-либо участіе въ кредитныхъ товариществахъ и въ товариществахъ для закупки сырья, а потребительныя общества, устраивавшіяся въ разсчетѣ прежде всего на рабочихъ, никогда не достигали такого развитія, какъ только что упомянутые виды ассоціацій. По свидѣтельству самого Шульце, въ 1863 году

на 500 кредитныхъ товариществъ и 200 товариществъ для закупки сырья приходилось не болѣе 100 потребительныхъ обществъ; въ 1864 году послѣднихъ было только 96, изъ которыхъ 38 доставили свѣдѣнія Шульце. Эти 38 товариществъ насчитывали 7709 членовъ, такъ что на каждое товарищество приходилось по 202 человѣка. Такъ какъ при этомъ далеко не всѣ члены потребительныхъ обществъ принадлежали къ рабочему классу, то изъ этого слѣдуетъ, что товарищества Шульце были сравнительно очень мало распространены среди пролетаріата того времени. Къ товариществамъ, устраиваемымъ подъ руководствомъ фабрикантовъ, рабочіе питали инстинктивное недовѣріе, тогда какъ на потребительныя общества, основанныя рабочими, „образованные" вожди кооперативнаго движенія смотрѣли косо.

Несравненно болѣе глубокіе корни, чѣмъ потребительныя общества, пустили среди пролетаріата просвѣтительныя общества для рабочихъ, вызванныя къ жизни около 1860 года Соціальнымъ Союзомъ. Количественно ихъ было въ 1863 году всего лишь 104, тогда какъ реакція еще насчитывала евангелическихъ союзовъ юношей свыше 368 и католическихъ союзовъ подмастерьевъ свыше 188. Тѣмъ не менѣе, просвѣтительныя общества сравнительно быстро распространились по Германіи и пріобрѣли симпатіи болѣе чуткихъ слоевъ рабочихъ, несмотря на всѣ безобразія, которыя творила въ нихъ буржуазія. Чтобы ярче выставить ихъ капиталистическое происхожденіе, ихъ окрестили названіемъ „Товариществъ для пріобрѣтенія и умноженія умственнаго капитала членовъ". Имѣются опросные листки, составленные свѣдущими людьми для собранія статистическихъ данныхъ объ этихъ обществахъ; въ этихъ листкахъ ставятся всевозможные вопросы: занимаются ли въ обществахъ обученіемъ, имѣются ли при нихъ библіотеки, устраиваются ли семейныя собранія, гимнастическія экскурсіи, театральныя представленія, рождественскія елки, — но нѣтъ ни одного вопроса,

который бы хотя отдаленно касался занятій вопросами, относящимися къ политическимъ и соціальныхъ интересамъ рабочаго класса. „Образованіе", которое отпускалось буржуазными покровителями этихъ обществъ, часто было очень невысокаго качества; если принять во вниманіе, что нѣмецкая народная школа, достигшая въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ извѣстной высоты, подверглась въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ опустошенію со стороны реакціи, то явнымъ издѣвательствомъ надъ рабочими было, когда ихъ брались „просвѣщать" насчетъ правильнаго примѣненія всеобщаго избирательнаго права путемъ поверхностной болтовни объ Уландѣ и нѣмецкомъ романтизмѣ, о Шекспирѣ и Лессингѣ или даже „о Самуэлѣ Джонсонѣ и его біографѣ Маколеѣ". Противъ такой политики выступилъ, наконецъ, даже одинъ фабрикантъ въ еженедѣльномъ журналѣ Національнаго Союза. Онъ говорилъ, что рабочіе отъ избытка учености не знаютъ собственнаго отца и самихъ себя; память ихъ такъ набита всякой всячиной, что они становятся часъ-отъ-часу глупѣе и на самые обыкновенные вопросы или не въ состояніи ничего отвѣтить, или же городятъ невѣроятную чушь.

Приведенный рѣзкій отзывъ страдаетъ все-таки преувеличеніями въ двухъ отношеніяхъ. Въ просвѣтительныхъ обществахъ для буржуазіи, правда, было важно притупленіе соціально-политическаго сознанія рабочихъ, но не ихъ общее отупѣніе или, во всякомъ случаѣ, не исключительно оно, а поскольку дѣло было именно въ этомъ, рабочіе оказывали отпоръ стремленію забить ихъ головы. Буржуазія, если не принимать во вниманіе жаждущихъ дѣтской крови фабрикантовъ, которымъ, разумѣется, ненавистно всякое школьное образованіе, — нуждается въ многочисленномъ штабѣ интеллигентныхъ работниковъ, которыхъ народная школа, при господствѣ ортодоксальной церкви, ей больше не могла давать. Поэтому буржуазія старалась

по-возможности соединить просвѣтительныя общества съ профессіональными школами и школами для дальнѣйшаго образованія, которыя могли быть и дѣйствительно были полезны для рабочихъ. Если ей удавалось такимъ путемъ пропитать отборную группу рабочихъ своимъ духомъ, который эти фельдфебеля буржуазіи переносили потомъ въ рабочія массы, то она получала двойную выгоду, и эта цѣль, несомнѣнно, играла свою роль. Бургомистръ Лейпцига въ офиціальной рѣчи однажды откровенно высказался въ этомъ смыслѣ; по его словамъ, цѣль просвѣтительныхъ обществъ — воспитать аристократію рабочихъ, и власти этого знаменитаго города поддерживали тамошнее просвѣтительное общество значительной ежегодной субсидіей до тѣхъ поръ, пока оно съ благодарностью не отказалось отъ всякаго „аристократическаго" характера. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, было также не мало буржуазныхъ идеологовъ, не понимавшихъ противоположности классовыхъ интересовъ буржуазіи и пролетаріата или же ошибочно полагавшихъ, что такая противоположность можетъ быть сглажена путемъ просвѣщенія рабочихъ, и добросовѣстно трудились надъ тѣмъ, чтобы удержать просвѣтительныя общества на извѣстной высотѣ, мѣшая имъ выродиться въ пустую игру или во что-нибудь еще худшее. Въ числѣ оказавшихъ значительныя услуги этимъ обществамъ были выдающіеся естествоиспытатели, какъ Теодоръ Мюллеръ во Франкфуртѣ на Майнѣ, Людвигъ Бюхнеръ — въ Дармштадтѣ и Росмесслеръ — въ Лейпцигѣ. Они были также въ большей или меньшей степени демократическими политиками, но односторонность естественно-научнаго міросозерцанія мѣшала имъ ясно понимать общественныя отношенія. Росмесслеръ обыкновенно говорилъ рабочимъ: просвѣтительныя общества позволяютъ вамъ вникнуть въ тайны природы; такимъ образомъ, вы всѣ можете сдѣлаться изобрѣтателями и такимъ путемъ обезпечить себѣ достаточное пропитаніе. Только одинъ

изъ этихъ людей связывалъ основательное естественно-научное образованіе съ основательнымъ общественнымъ образованіемъ; этотъ человѣкъ былъ Фридрихъ Альбертъ Ланге.

Ланге происходилъ изъ вестфальской крестьянской семьи. Его отецъ, благодаря своей желѣзной энергіи, изъ простого батрака и конюха выбился въ правовѣрные пасторы и сдѣлался профессоромъ теологіи. Онъ одно время читалъ лекціи въ цюрихскомъ университетѣ, и здѣсь, въ Швейцаріи, Альбертъ Ланге получилъ самыя глубокія впечатлѣнія своей юности. Открытымъ и непредубѣжденнымъ взоромъ смотрѣлъ молодой Ланге на жизнь Германіи. Онъ усердно отдавался педагогическому призванію въ рейнскихъ городахъ, въ Кельнѣ, Боннѣ и Дуисбургѣ, гдѣ онъ попеременно преподавалъ въ гимназіи и въ университетѣ; этотъ прямой, рѣшительный юноша, честность и искренность котораго бросались въ глаза, отличался той неподдѣльной любезностью, которая неспособна ни на какую фальшь, но зато воздаетъ всякому по заслугамъ. Природный воспитатель, преисполненный чарующей духовной мощью и въ то же время ловкій гимнастъ, ученый изслѣдователь и въ то же время совсѣмъ не домосѣдъ, столь же многосторонній въ научной теоріи, какъ и въ практической дѣятельности,—Ланге представлялъ собою прекрасный образецъ уравновѣшеннаго человѣка, призваннаго рѣшить всякую задачу, которую ему могла бы задать жизнь. И онъ всѣ ихъ смѣло и мужественно рѣшилъ. Онъ въ самой рѣзкой формѣ отказался отъ должности учителя въ дуисбургской гимназіи, когда провинціальный училищный совѣтъ въ Кобленцѣ хотѣлъ сдѣлать ему „строжайшій выговоръ“ за то, что онъ не подчинился недостойному распоряженію министра фонъ Мюллера о выборахъ. Затѣмъ онъ такъ же рѣшительно порвалъ съ буржуазіей, когда убѣдился, что для нея развитіе ея матеріальныхъ интересовъ гораздо важнѣе политической борьбы за права

народа. Онъ не побоялся стать на защиту рабочаго дѣла въ такое время, когда подобный открытый шагъ представлялъ еще для члена буржуазнаго общества мучительно тяжелую жертву. Но Альберту Ланге не совсѣмъ удалось избѣгнуть участи, о которой говоритъ глубокомысленная надпись на памятникѣ послѣдняго нѣмецкаго папы въ Римѣ: „Какъ мало нужно, чтобы въ извѣстныя эпохи и ореолъ лучшихъ людей скоро померкъ". Его гармонической натурѣ недоставало той суровой односторонности, которой принадлежитъ рѣшительное слово въ такіе дни, когда приходится рѣшиться на что-нибудь опредѣленное. Въ своей „Исторіи Матеріализма" Ланге подвергаетъ рѣзкой критикѣ естественно-научный матеріализмъ пятидесятыхъ годовъ, признавая его лишь „удобной максимой для изслѣдованія природы", и отвергая его, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ „плоскую философію". Но онъ пошелъ не впередъ къ историческому матеріализму, а назадъ, къ Канту, и всякое познаваніе разрѣшалось у него „высшимъ и послѣднимъ сомнѣніемъ". Богатое глубокомысленными изслѣдованіями, его сочиненіе все-таки попадаетъ мимо цѣли. Но какъ у Ланге-философа, такъ и у Ланге-общественно-политическаго дѣятеля осталось неразрѣшеннымъ послѣднее сомнѣніе. Раньше, чѣмъ любой изъ представителей нѣмецкаго ученаго міра, онъ понялъ значеніе Лассаля, Маркса и Энгельса; объ ихъ главныхъ произведеніяхъ онъ высказывалъ иногда необыкновенно тонкія и вѣрныя сужденія, чтобы затѣмъ все-таки снова непостижимымъ образомъ обнаружить полное непониманіе ихъ. Ланге былъ совершенно свободенъ отъ своекорыстныхъ предразсудковъ буржуазіи, но идеалистическое воспитаніе и образованіе, полученное имъ въ домѣ евангелическаго священника, всегда нѣсколько стѣсняло его мышленіе. Менѣе всего похожій на посредственнаго зауряднаго популяризатора, онъ все-таки подвергся до нѣкоторой степени участи такихъ людей—быстрому забвенію, потому что

его продолжали еще мучить сомнѣнія въ то время, когда великій поворотъ въ исторіи требовалъ опредѣленнаго отвѣта: „да“ или „нѣтъ“.

Если Росмесслеръ, Ланге и имъ подобные люди выступали въ просвѣтительныхъ обществахъ рабочихъ, то ихъ къ этому побуждалъ ихъ гражданско-идеальный образъ мыслей, который ужъ, какъ таковой, былъ заклейменъ печатью ужаснаго подозрѣнія въ глазахъ прогрессивной партіи. Отношенія между обѣими сторонами отнюдь не отличались нѣжностью. Лица, которыхъ партія предлагала рабочимъ въ качествѣ руководителей, были также совершенно другого типа. Несмотря на серьезное въ извѣстномъ смыслѣ вниманіе, которое партія удѣляла просвѣтительнымъ обществамъ, она все же не была въ состояніи настолько преодолѣть свое буржуазное самомнѣніе, чтобы считать своихъ лучшихъ людей призванными только для воспитанія рабочихъ. За исключеніемъ Шульце-Делича, которому соціальный вопросъ былъ отданъ на откупъ, и развѣ еще Франца Дункера, который оказалъ большія услуги по постановкѣ учебнаго дѣла въ большомъ берлинскомъ обществѣ ремесленниковъ, вожди партіи считали ниже своего достоинства удѣлять много вниманія рабочимъ. Эту сторону своей практической политики партія предоставляла агитаторамъ третьяго или четвертаго ранга, составлявшимъ довольно пестрое общество.

Во Франкфуртѣ на Майнѣ просвѣщалъ народъ нѣкій Зоннеманъ, банкиръ и владѣлецъ газеты, пользовавшейся особенно въ южной Германіи крупнымъ и все возраставшимъ вліяніемъ. Тутъ же Максъ Виртъ, занимавшійся перебалтываніемъ Бастіа, кормилъ рабочихъ жидкимъ манчестерствомъ; онъ по-своему подготовлялъ почву для будущаго бонапартизма въ германской буржуазіи тѣмъ, что прославлялъ кровавыя завоеванія авантюриста, какъ особенно трудную, а потому и особенно цѣнную работу. Въ Магдебургѣ рабочихъ просвѣщалъ проповѣдникъ изъ свободной общины

Улихъ, человѣкъ почтенный, но въ политическомъ отношеніи путанная голова; рядомъ съ нимъ—служащій крупнаго торговаго дома Максъ Гиршъ, славный парень, но плохой музыкантъ, не безъ нѣкоторой слабости къ пролетаріату, и вслѣдствіе этого находившійся у буржуазіи постоянно подъ нѣкоторымъ подозрѣніемъ, но въ то же время слишкомъ ужъ пустой, чтобы рѣшительно примкнуть къ рабочему классу и съ далеко недостаточнымъ самосознаніемъ, чтобы не съеживаться при малѣйшемъ строгомъ взглядѣ прогрессистской партіи. Даже находившійся въ предмѣстьи Берлина союзъ ремесленниковъ, передъ которымъ Лассаль читалъ свою „Программу работниковъ", имѣлъ въ лицѣ Фридриха Стефани такого председателя, которымъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было гордиться. Потерпѣвъ пораженіе на ученомъ поприщѣ, онъ нѣсколько лѣтъ заигрывалъ съ рабочими съ тѣмъ, чтобы потомъ тоже въ теченіе десятковъ лѣтъ на службѣ у капиталистической прессы поносить рабочее движеніе. Но какія бы намѣренія, хорошія или худыя, прогрессивная партія ни имѣла по отношенію къ просвѣтительнымъ обществамъ рабочихъ, для послѣднихъ они представляли первую арену, на которой рабочіе могли столковываться о своихъ нуждахъ. Реакціонное законодательство Германскаго Союза, какъ и почти всѣхъ отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ его составъ, въ высшей степени затрудняло политическую организацію рабочихъ и дѣлало почти невозможной профессіональную ихъ организацію. Такимъ образомъ они пользовались той ареной, которую имъ открыла прогрессистская партія. И свѣтлыя, и темныя стороны просвѣтительныхъ обществъ въ одинаковой степени содѣйствовали пробужденію сознательности рабочихъ. Занятія по спеціальнымъ предметамъ возбуждали ту жажду знаній, которая характерна для современныхъ пролетаріевъ, между тѣмъ какъ, благодаря ихъ расширявшемуся кругозору, имъ очень скоро опротивѣло то переливаніе изъ пустого

въ порожнее, которое такъ часто практиковалось въ просвѣтительныхъ обществахъ рабочихъ. Ихъ классовое самосознаніе пробуждалось медленно, но безостановочно, и въ своемъ смутномъ порывѣ оно шло по правильному пути. Рабочіе брали отъ даровъ прогрессистской партіи все то, что имъ годилось, а что имъ не годилось, то еще болѣе усиливало ихъ недовѣрчивость къ щедрымъ благожелателямъ. Прогрессистская партія потерпѣла пораженіе, взявшись за невозможную задачу—организовать пролетаріатъ въ политически сильную и въ то же время безвольную вспомогательную армію; утки всегда пойдутъ въ воду, даже если курица, высидѣвшая ихъ, не захочетъ пускать ихъ дальше берега.

3. Самостоятельное движеніе пролетаріата.

Въ 1862 году нѣкоторыя, въ сущности случайныя, происшествія вызвали самостоятельное движеніе нѣмецкихъ рабочихъ.

Во-первыхъ, Національный Союзъ послалъ двѣнадцать рабочихъ на Лондонскую всемірную выставку, ассигновавъ на расходы скромную сумму въ 1.200 талеровъ, но зато сдѣлавъ изъ этого громкую рекламу. Рабочіе по своемъ возвращеніи должны были познакомить своихъ товарищей съ результатами своихъ наблюденій. Затѣмъ съѣздъ цеховыхъ ремесленниковъ въ Веймарѣ вызвалъ возмущеніе среди болѣе развитыхъ рабочихъ тѣмъ, что повернулъ въ сторону реакціонной экономической политики, а именно своимъ требованіемъ возстановленія цехового строя, который въ большей части Германіи, по крайней мѣрѣ, въ самыхъ грубыхъ своихъ формахъ, былъ устраненъ Въ Баваріи, гдѣ онъ еще сохранился во всемъ своемъ средневѣковомъ величіи, было рѣшено созвать на 1-ое ноября рабочій конгрессъ въ Нюрнбергѣ для выраженія протеста противъ съѣзда цеховыхъ ремесленниковъ.

25-го августа состоялось первое собраніе берлинскихъ рабочихъ для выслушанія доклада делегатовъ, посланныхъ на Лондонскую всемірную выставку. Уже на этомъ собраніи возникло предложеніе о созывѣ всеобщаго нѣмецкаго конгресса рабочихъ. Такая идея встрѣтила сочувствіе въ цѣломъ рядѣ рабочихъ собраній, происходившихъ въ разныхъ частяхъ Берлина, и 7-го октября на одномъ заключительномъ собраніи былъ выбранъ комитетъ изъ 25-ти человѣкъ, для подготовки съѣзда рабочихъ. Предсѣдателемъ этого комитета былъ маляръ Эйхлеръ, который, въ качествѣ рабочаго въ управляемомъ либераломъ фонъ-Упру акціонерномъ обществѣ для обслуживанія желѣзныхъ дорогъ, былъ приставленъ писать номера на дверяхъ желѣзнодорожныхъ вагоновъ. 9-го октября Эйхлеръ отъ имени комитета обратился къ саксонскому министерству съ просьбой разрѣшить въ ноябрѣ мѣсяцѣ съѣздъ въ Лейпцигѣ, а 28-го октября онъ получилъ утвердительный отвѣтъ, однако подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы, согласно предписаніямъ саксонскаго закона о союзахъ, созывъ и проведеніе съѣзда были предоставлены саксонскимъ подданнымъ.

Но еще до полученія этого отвѣта берлинскій Комитетъ уже помѣстилъ въ Берлинской Народной Газетѣ отъ 22-го октября воззваніе, въ которомъ приглашалъ на 18-ое ноября на съѣздъ въ Лейпцигѣ. Съѣздъ долженъ былъ продолжаться шесть дней; въ порядкѣ дня значились: свобода промысловъ и свобода передвиженія по всей Германіи, ассоціаціи и инвалидныя кассы для всѣхъ рабочихъ, устройство всемірной выставки въ Берлинѣ, и, наконецъ, сообщенія рабочихъ, посѣтившихъ всемірную Лондонскую выставку, изъ области промышленности. Именно, на эти сообщенія и на Веймарскій конгрессъ цеховыхъ ремесленниковъ указывалось въ воззваніи, какъ на побудительный мотивъ для съѣзда; далѣе говорилось

только, что солнце новой жизни, подъ животворящими лучами котораго пробудились къ новой дѣятельности всѣ классы населенія, должно разбудить и рабочихъ, покоившихся въ сознаніи, что о нихъ ужъ позаботятся и что все равно никакого толку не будетъ отъ того, что они примутъ участіе въ обсужденіи вопросовъ, имѣющихъ для нихъ величайшее значеніе. Никакихъ колкостей по адресу буржуазіи воззваніе не содержало; напротивъ, оно приглашало обращаться съ извѣщеніями о съѣздѣ къ редакціямъ берлинскихъ либеральныхъ газетъ. Далѣе указывалось, что, вслѣдъ за поступленіемъ этихъ извѣщеній, будетъ опубликовано мѣсто, гдѣ состоится конгрессъ въ Лейпцигѣ, и куда будутъ имѣть доступъ лишь депутаты, снабженные полномочіями. Но о способѣ провѣрки этихъ полномочій, о выборахъ депутатовъ и т. п. не было дано никакихъ указаній.

Хотя въ этомъ воззваніи не было никакихъ посягательствъ на буржуазную оппозицію, тѣмъ не менѣе Народная Газета напечатала его только въ отдѣлѣ объявленій, между тѣмъ какъ въ редакціонной части того же номера она помѣстила статью Штрекфуса, направленную противъ съѣзда рабочихъ. По мнѣнію Штрекфуса, рабочее движеніе совершенно неумѣстно въ разгарѣ духовной борьбы за прусскую конституцію; оно, будто бы, хотя и безсознательно, но все же оказываетъ услугу реакціи, предоставляя ей удобный случай отпугнуть колеблющихся сторонниковъ партіи вѣрной конституціи, призракомъ красной республики и такимъ путемъ привлечь ихъ въ свои ряды, ряды реакціи. Какова вообще можетъ быть цѣль всего этого несвоевременнаго движенія? Вѣдь всѣ вопросы, выставленные въ программѣ проектируемаго съѣзда, находятъ себѣ защитниковъ въ лицѣ самыхъ выдающихся людей науки и практики какъ на національно-экономическихъ конгрессахъ, такъ и въ парламентахъ самыхъ различныхъ германскихъ государствъ; при

поддержкѣ народа эти мужи безусловно могли бы добиться побѣды, лишенный же значенія рабочій съѣздъ ничего тутъ сдѣлать не можетъ.

Эта статья, разумѣется, вызвала смущеніе среди берлинскихъ и лейпцигскихъ рабочихъ.

Надо замѣтить, что и въ Лейпцигѣ за это время проявилось самостоятельное рабочее движеніе. Въ февралѣ 1861 года было здѣсь основано просвѣтительное общество рабочихъ, и именно въ такой формѣ, что оно, въ качествѣ Промышленнаго Просвѣтительнаго Союза, примкнуло къ Политехническому Обществу, состоявшему изъ людей, занятыхъ самостоятельнымъ промысломъ. Въ видѣ довода или въ качествѣ предлога въ пользу подобной формы буржуазные основатели общества приводили реакціонный законъ Германскаго Союза отъ 1854 года, направленный противъ рабочихъ союзовъ; однако они этимъ немедленно вызвали энергичный протестъ со стороны Фриче и Вальтейха. Если этотъ протестъ на первый разъ и не оказалъ никакого дѣйствія, то онъ все же произвелъ огромное впечатлѣніе на присутствовавшихъ рабочихъ и въ особенности на молодого токаря Бебеля, который впервые присутствовалъ на народномъ собраніи.

Бебель — сынъ прусскаго солдата. Его отецъ, въ качествѣ прусскаго солдата, прибылъ изъ Острово въ союзную крѣпость Майнцъ, гдѣ онъ унтеръ-офицеромъ женился на одной дѣвушкѣ изъ Ветцлара. Затѣмъ, онъ перевелся въ Кельнъ, гдѣ у него родился сынъ Августъ, и гдѣ онъ самъ, спустя два года, умеръ. Мать молодого Бебеля вышла послѣ этого замужъ за своего деверя, тюремнаго надзирателя, и когда онъ вскорѣ умеръ, переѣхала обратно въ свой родной городъ Ветцларъ. Первоначальное образованіе Бебель получилъ въ этомъ маленькомъ городѣ, въ школѣ для бѣдныхъ, въ качествѣ стипендіата сиротскаго фонда, такъ какъ мать его передъ этимъ умерла, когда ему

не было еще двѣнадцати лѣтъ. Четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ поступилъ въ ученіе къ токарному мастеру. Обладая живымъ умомъ и пылкимъ темпераментомъ, Августъ Бебель старался продолжать свое умственное развитіе, но печальная обстановка филистерскаго городишка лишала его всякой къ тому возможности, даже, если бы это позволяли ему двадцать грошеновъ получаемаго имъ средняго недѣльнаго заработка, кромѣ стола и квартиры у мастера.

Отъ февраля 1858 до марта 1860 года Бебель въ качествѣ ремесленнаго подмастерья странствовалъ по Южной Германіи, а также по нѣкоторымъ мѣстамъ Австріи и Швейцаріи. Онъ работалъ нѣкоторое время во Фрейбургѣ въ Баваріи, въ Регенсбургѣ и въ Зальцбургѣ, гдѣ католическіе союзы подмастерьевъ повсюду давали пищу его умственнымъ и общественнымъ запросамъ. Его патріотическій образъ мыслей еще нисколько не подвергался испытанію. Когда, во время его пребыванія въ Зальцбургѣ, возгорѣлась война 1859 г., Бебель пожелалъ поступить въ отрядъ добровольцевъ тирольскихъ охотниковъ, но получилъ отказъ, вслѣдствіе того, что не былъ тирольцемъ по происхожденію. Какъ только началась мобилизація въ Пруссіи, Бебель поспѣшилъ обратно на родину, чтобы поступить добровольцемъ въ армію; но скорое заключеніе мира помѣшало и на этотъ разъ его намѣренію. Затѣмъ, когда въ слѣдующемъ году онъ подлежалъ отбыванію воинской повинности, его забраковали на основаніи „общей физической слабости“ и, такимъ образомъ, навсегда былъ положенъ конецъ планамъ о военной службѣ. Тогда онъ отправился въ Лейпцигъ въ поискахъ за работой.

Въ просвѣтительномъ союзѣ ремесленниковъ способности Бебеля быстро развились. Духовныя впечатлѣнія, полученныя имъ съ самаго дѣтства, а также его ненасытная жажда знаній дѣлаютъ понятнымъ, почему онъ съ особеннымъ рвеніемъ посвятилъ себя

учебнымъ занятіямъ въ союзѣ и оставался чуждъ агитаціи, которую безпрестанно вели Фриче и Вальтейхъ противъ мягкотѣлой буржуазной оппозиціи. Рѣчь Вальтейха на годичномъ празднествѣ основанія Союза весною 1862 года повела къ открытому проявленію существовавшихъ противорѣчій, и во вновь избранномъ правленіи, въ которомъ находился уже и Бебель, обѣ враждебныя партіи были одинаково сильны. Однако, на одномъ чрезвычайномъ общемъ собраніи Фриче и Вальтейхъ потерпѣли пораженіе, получивъ противъ себя громадное большинство, и тогда они основали общество „Впередъ“, которое отказалось отъ образовательныхъ цѣлей и все свое вниманіе сосредоточило на пропагандѣ и устраивало также общія собранія рабочихъ для обсужденія злободневныхъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ. И здѣсь, подобно тому, какъ въ Берлинѣ, результатомъ такихъ собраній явился комитетъ съ спеціальной задачей — созвать всеобщій конгрессъ рабочихъ.

Къ этому комитету обратился Эйхлеръ 23-го октября, на слѣдующій день послѣ того, какъ берлинскій комитетъ опубликовалъ свое воззваніе съ приглашеніемъ готовиться къ рабочему конгрессу. Эйхлеръ лично пріѣхалъ въ Лейпцигъ съ цѣлью познакомить мѣстныхъ рабочихъ со своими „основными положеніями“, которыя состояли въ томъ изумительномъ открытіи, будто ставшее только что у кормила правленія министерство Бисмарка благосклонно относится къ рабочимъ и будетъ защищать ихъ интересы, какъ только они повернутся спиною къ прогрессистской партіи; будто Бисмаркъ готовъ для начала ассигновать значительную сумму денегъ въ пользу машиностроительныхъ рабочихъ для основанія производительнаго товарищества. Это своеобразное открытіе иллюстрировалось общимъ собраніемъ, устроеннымъ въ то же самое время въ Берлинѣ Прусскимъ Народнымъ Союзомъ, этимъ феодальнымъ двойникомъ буржуазнаго Національнаго Союза.

Изъ двухъ интимныхъ друзей Бисмарка одинъ, Бланкенбургъ, заявилъ здѣсь, что рабочее движеніе, выставляя требованіе всеобщаго избирательнаго права, подвергнетъ прогрессистскую партію строгому испытанію, а другой, Вагенеръ, сказалъ, что денежный мѣшокъ не долженъ имѣть преимущества передъ налогомъ, выплачиваемымъ кровью, что необходимо ввести всеобщее избирательное право для того, чтобы создать истинное народное представительство, по сословіямъ.

Но лейпцигскимъ рабочимъ рѣшительно не понравились „основныя положенія“ Эйхлера, и, подтвердивъ на общемъ собраніи 30-го октября свое намѣреніе созвать рабочій конгрессъ, они послали Фриче и Вальтейха въ Берлинъ, чтобы воспрепятствовать темной игрѣ Эйхлера и придти къ честному соглашенію съ буржуазной оппозиціей.

Между тѣмъ дѣйствіе, оказанное на рабочихъ грубой выходкой Штрекфуса, достаточно показало, что ей слѣдуетъ держаться болѣе осторожной тактики по отношенію къ рабочему движенію, разъ она хочетъ лишить его остраго жала, что по-прежнему оставалось цѣлью ея стремленій. Въ этомъ партія должна была еще болѣе убѣдиться, когда лейпцигскіе рабочіе, разоблачая Эйхлера, на дѣлѣ доказали, насколько они далеки отъ того, чтобы напасть на прогрессистскую партію съ тылу во время ея борьбы съ Бисмаркомъ. Правда, на предварительномъ совѣщаніи въ домѣ Унру вожаки прогрессивной партіи еще были очень сдержаны съ Фриче и Вальтейхомъ, тѣмъ не менѣе былъ достигнутъ компромиссъ, характеръ котораго выяснился на большомъ рабочемъ собраніи, имѣвшемъ мѣсто 2-го ноября. Фриче и Вальтейхъ заявили, что они окажутъ поддержку буржуазной оппозиціи въ ея борьбѣ съ феодально-абсолютистской реакціей. Они и на этомъ собраніи произвели сильное впечатлѣніе и обнаружили свое превосходство надъ берлинскими рабочими, которые, какъ только заговаривали, либо совер-

шенно ничего не хотѣли знать о политикѣ, либо обнаруживали стремленіе плыть въ фарватерѣ прогрессистской партіи. Шульче-Деличъ же заявлялъ, что всякая демократія — пустая фраза, пока она неспособна настолько улучшить положеніе рабочихъ, чтобы широкія массы рабочаго населенія могли участвовать въ политическомъ движеніи въ качествѣ его опоры. Разумѣется, онъ призывалъ къ обдуманности въ дѣйствіяхъ, при чемъ, подобно Штрекфусу, напоминалъ о тѣхъ робкихъ элементахъ среди буржуазіи, которые питаютъ, правда, совершенно неосновательное, но все же пока непреодолимое нерасположеніе къ рабочему движенію. Все-таки Шульце привелъ еще одинъ доводъ противъ всякой опрометчивости, который долженъ былъ убѣдить и рабочихъ. Берлинскій комитетъ, очевидно, взялся за созывъ конгресса совершенно на авось; и вотъ, по мнѣнію Шульце, если сотня-другая рабочихъ соберется и безъ подготовки станетъ толковать о такихъ важныхъ вопросахъ, то изъ этого можетъ выйти удивительная исторія, которая кончится вавилонскимъ столпотвореніемъ; рабочій конгрессъ нуждается въ основательной подготовкѣ, и рабочимъ нечего стыдиться выслушивать наставленія отъ людей, свѣдущихъ въ этихъ вопросахъ; самъ Шульце вызвался читать рабочимъ доклады о капиталѣ и трудѣ.

Такимъ образомъ, собраніе 2-го ноября постановило отъ съѣзда не отказываться, придерживаясь берлинской программы, изъ которой по взаимному соглашенію былъ вычеркнутъ только пунктъ о всемірной выставкѣ въ Берлинѣ, но отложить его на болѣе поздній срокъ, предоставивъ Лейпцигскому комитету принять подготовительныя мѣры, что диктовалось уже отвѣтомъ саксонскаго министерства и кромѣ того затрудняло вредное вмѣшательство берлинской реакціи.

Народная Газета закончила отчетъ объ этомъ собраніи вздохомъ облегченія по поводу того, что усилія реакціи завлечь рабочій классъ въ свои сѣти не увѣн-

чались успѣхомъ. Такого же взгляда была, повидимому, и реакція, и несомнѣнно, ея разочарованію слѣдуетъ приписать то, что спустя два дня, т. е. 4 ноября, противъ „Программы работниковъ“ Лассаля, черезъ четыре мѣсяца послѣ ея конфискаціи, было возбуждено судебное преслѣдованіе. Вполнѣ понятно было также раздраженіе Бисмарка и его сподвижниковъ: рабочіе знать ничего не хотѣли объ ихъ ставленникѣ. Правда, на рабочемъ собраніи 2 ноября Эйхлеръ еще предсѣдательствовалъ, но уже 7 ноября онъ былъ вынужденъ опубликовать хитросплетенное разъясненіе, въ которомъ оспаривалъ тяготѣвшее надъ нимъ подозрѣніе и упрекалъ „господъ лейпцигскихъ депутатовъ“ въ томъ, что они выставляютъ обвиненія, не имѣя доказательствъ. Даже ссылка Эйхлера на излишнюю жестокость, съ которой честный Унру выбросилъ его на мостовую, не могла уже реабилитировать его въ глазахъ рабочихъ.

4. Лейпцигскій Центральный Комитетъ.

Тѣмъ временемъ Лейпцигскій Центральный Комитетъ спѣшилъ сдѣлать всѣ приготовленія къ съѣзду рабочихъ. Комитетъ состоялъ изъ десяти или двѣнадцати лицъ, имена которыхъ невозможно теперь вполнѣ установить. Кромѣ Фриче и Вальтейха къ составу комитета принадлежали Отто Даммеръ, молодой естествоиспытатель изъ Помераніи, читавшій одно время въ просвѣтительномъ союзѣ ремесленниковъ лекціи по химіи, и владѣлецъ фабрики роялей Дольге, человѣкъ сорокъ восьмого года, который, за участіе въ дрезденскомъ Майскомъ возстаніи, былъ приговоренъ къ смертной казни и потомъ, послѣ стойкаго отказа подавать какое-либо прошеніе о помилованіи, былъ присужденъ къ многолѣтнимъ каторжнымъ работамъ, въ которыхъ онъ отбылъ въ Вальдгеймѣ шесть ужасныхъ лѣтъ. Среди членовъ Комитета называютъ также владѣльца чугуно-литейнаго завода

Гетца, сдѣлавшагося впослѣдствіи націоналъ-либеральнымъ депутатомъ въ рейхстагѣ. Къ нимъ потомъ присоединились уполномоченные, которыми Комитетъ пополнилъ свой составъ въ духѣ берлинскаго компромисса, а именно, старшій учитель Альбрехтъ, адвокатъ Винтеръ, а также старикъ Росмесслеръ, который въ 1848 году былъ членомъ Франкфуртскаго парламента, а въ годы реакціи былъ въ рядахъ преслѣдуемыхъ рабочихъ. Это былъ человѣкъ, преданный душою и тѣломъ; имѣлъ гораздо болѣе правильныя и глубокія понятія о народномъ образованіи, чѣмъ такъ называемая образованная буржуазія, былъ также въ политическомъ отношеніи радикальнѣе банальныхъ прогрессистовъ, но при всемъ томъ онъ не освободился отъ буржуазныхъ взглядовъ.

Въ серединѣ ноября Центральный Комитетъ выпустилъ свое воззваніе къ германскимъ рабочимъ. Основываясь на рѣшеніяхъ лейпцигскихъ рабочихъ отъ 30-го октября и берлинскихъ отъ 2-го ноября, а также на постановленіяхъ Нюрнбергскаго рабочаго съѣзда отъ 1-го ноября, воззваніе приглашало готовиться къ съѣзду рабочихъ по берлинской программѣ, и съ этой цѣлью предлагало образовывать мѣстные комитеты, устраивать объяснительныя лекціи и, наконецъ, учредить кассы для того, чтобы возможно было выполнить обширныя подготовительныя работы „удовлетворительно и, по англійскому образцу, безъ личныхъ жертвъ со стороны тѣхъ, на кого эти работы возложены“. Мѣстные комитеты должны были войти въ сношенія съ Центральнымъ Комитетомъ и къ серединѣ февраля представить въ Лейпцигѣ результаты своихъ подготовительныхъ трудовъ; послѣ этого съѣздъ долженъ быть созванъ въ возможно короткій срокъ. Затѣмъ Центральный Комитетъ обратился 22-го ноября къ саксонскому министерству съ просьбой распространить разрѣшеніе, полученное на несостоявшійся ноябрьскій конгрессъ, на созываемый въ мартѣ съѣздъ

и отмѣнить изданное въ 1855 году постановленіе, согласно которому воспрещалось произносить публичныя рѣчи въ Лейпцигѣ отставному уѣздному судьѣ Шульце, жившему тогда въ Деличѣ, а въ настоящее время находящемуся въ Потсдамѣ.

Одновременно съ этимъ Центральный Комитетъ распространилъ своего рода программную статью, а именно рѣчь, произнесенную Росмесслеромъ 18-го ноября на рабочемъ собраніи въ Одеонѣ и изданную потомъ въ видѣ брошюры. Въ началѣ статьи „точно" устанавливается тотъ фактъ, что саксонское королевское правительство своимъ отвѣтомъ отъ 28-го октября одобрило „въ принципѣ" конгрессъ рабочихъ, въ чемъ собственно не было надобности, но что все же имѣетъ величайшее значеніе. Далѣе Росмесслеръ рекомендовалъ рабочимъ стараться пріобрѣтать знанія и образованіе, которыхъ имъ не давала находившаяся подъ руководствомъ ортодоксальной церкви народная школа, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ особенной настойчивостью указывалъ на необходимость для рабочихъ не выпускать также свое дѣло изъ своихъ рукъ и не останавливаться передъ связанными съ этимъ расходами. „Руководство рабочимъ движеніемъ должно оставаться въ вашихъ рукахъ, при чемъ только въ единичныхъ случаяхъ безусловный недостатокъ подходящихъ лицъ изъ вашей среды допускаетъ исключеніе. Всякъ своего счастья кузнецъ! Если все рабочее движеніе вамъ сколько-нибудь дорого, то не жалѣйте связанныхъ съ нимъ издержекъ. Въ противномъ случаѣ лучше не начинайте его совершенно". Такому свободному пониманію вполнѣ соотвѣтствовало то, что Росмесслеръ переносилъ центръ тяжести движенія на рабочія собранія, а не на рабочіе союзы, которые уже въ виду реакціонныхъ законовъ о союзахъ не имѣли права входить во взаимныя сношенія.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Росмесслеръ предостерегалъ рабочихъ отъ „политическихъ излишествъ", изрядно

впадая въ тонъ Штрекфуса и прямо ссылаясь на „извѣстную, но злостно непонятную“ статью его. Онъ ничего не хотѣлъ знать о какомъ-либо различіи между рабочими и предпринимателями. Въ правовомъ отношеніи это различіе было, по его словамъ, устранено конституціей и избирательнымъ закономъ 1849 года; борьбой за возстановленіе этой конституціи и этого избирательнаго закона исчерпывались, по его мнѣнію, всѣ политическія задачи рабочихъ; развѣ только, что имъ пришлось бы добиваться всеобщаго избирательнаго права и для отдѣльныхъ государствъ имперіи. Помимо этого нѣтъ различія между мастеромъ и подмастерьемъ, между самостоятельнымъ и несамостоятельнымъ трудомъ; у рабочихъ даже финансовая самостоятельность гораздо больше и жизнь гораздо свободнѣе, чѣмъ у очень многихъ мастеровъ. Но и самые крупные мастера, надо къ ихъ чести полагать, не отказались бы отъ почетнаго названія рабочаго, хотя бы и не въ томъ смыслѣ, какой вкладывается въ настоящее время въ основу рабочаго движенія.

Такимъ образомъ, изъ статьи этой, несмотря на доброе желаніе автора, получилась въ концѣ концовъ необыкновенная каша. Но одновременно съ этой статьей Центральный Комитетъ распространялъ и другую брошюру совсѣмъ иного содержанія, именно „Программу работниковъ“ Лассаля, которая, послѣ ея конфискаціи въ Берлинѣ, вновь была издана въ Цюрихѣ. Вниманіе Даммера на брошюру Лассаля обратилъ другъ послѣдняго Людвигъ Леве, впослѣдствіи прогрессивный депутатъ, но личныхъ сношеній между Лассалемъ и Центральнымъ Комитетомъ еще не существовало; когда Фриче и Вальтейхъ пріѣхали въ Берлинъ, Лассаля тамъ какъ разъ не было. Его статья еще и теперь, послѣ того, какъ она была отвергнута одной рабочей организаціей, вызывала къ себѣ совсѣмъ не одинаковое отношеніе среди рабочихъ. Въ Гамбургѣ, правда, ее читали съ большимъ интересомъ и за ней

признавали „гораздо большій успѣхъ“, чѣмъ за брошюрою Росмесслера, которая, благодаря ея болѣе дешевой цѣнѣ, раскупалась въ большомъ количествѣ. Но 25-го февраля 1863 года столяръ Теодоръ Іоркъ изъ Гарбурга, принадлежавшій къ числу наиболѣе сознательныхъ пролетаріевъ того времени, писалъ въ Лейпцигъ: „Что касается брошюръ, то я долженъ сознаться, что брошюра Росмесслера гораздо популярнѣе и гораздо болѣе полезна для успѣха нашихъ стремленій, чѣмъ другая брошюра, которой многіе совершенно не понимаютъ и которую пока еще нельзя пускать въ широкія массы“. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Іоркъ, принадлежавшій къ числу делегатовъ отъ рабочихъ, посланныхъ на Лондонскую всемірную выставку, состоялъ уже здѣсь въ коммунистическомъ просвѣтительномъ обществѣ рабочихъ. Тѣмъ не менѣе шатаніе его нельзя поставить ему въ упрекъ, если вспомнить, что даже Лейпцигскій Центральный Комитетъ въ одно и то же время распространялъ брошюры Лассаля и Росмесслера, хотя обѣ онѣ, какъ въ своихъ предпосылкахъ, такъ и въ своихъ выводахъ были далеки другъ отъ друга, какъ небо отъ земли.

Практика скоро обнаружила теоретическую неясность. Принимая во вниманіе реакціонные законы о союзахъ, Росмесслеръ, по примѣру Центральнаго Комитета, предложилъ сосредоточить центръ тяжести движенія не на рабочихъ союзахъ, а на рабочихъ собраніяхъ, другими словами, на рабочихъ массахъ. Но тутъ тотчасъ же возникалъ вопросъ, кого считать рабочимъ, а на это Росмесслеръ могъ отвѣтить лишь одпѣми безсодержательными фразами, подъ туманно-расплывчатымъ покровомъ которыхъ цеховой ремесленникъ и даже капиталистическій буржуа могли стать рядомъ съ современнымъ пролетаріемъ.

Въ Гамбургѣ именно на этой почвѣ возникли особенно острыя разногласія. Тамъ уже раньше отъ

просвѣтительнаго союза рабочихъ, который подъ руководствомъ проповѣдника изъ свободной общины Бальцера плелся въ хвостѣ Національнаго Союза, откололась небольшая радикальная фракція; наиболѣе выдающимися членами ея были Августъ Перль, бухгалтеръ одного изъ двухъ гамбургскихъ потребительныхъ товариществъ, самыхъ значительныхъ изъ существовавшихъ въ то время въ Германіи, и механикъ Яковъ Аудорфъ, отецъ котораго, носившій то же имя, уже раньше участвовалъ въ Союзѣ Коммунистовъ. Эта фракція горячо привѣтствовала воззваніе Лейпцигскаго Центральнаго Комитета, въ духѣ котораго она немедленно же устроила рядъ открытыхъ рабочихъ собраній для выбора мѣстнаго комитета. Гамбургское же просвѣтительное общество рабочихъ назначило комиссію, которой — вмѣстѣ съ гамбургскими потребительными обществами, инвалидной кассой, народнымъ банкомъ и рабочимъ союзомъ въ Альтонѣ — было поручено сдѣлать всѣ приготовленія къ посылкѣ делегатовъ на рабочій конгрессъ. Въ интересахъ единенія Перль и его товарищи сдѣлали попытку къ сближенію съ этой комиссіей; но ихъ условіе, по которому въ Лейпцигъ должны быть посланы только такіе делегаты, которые живутъ продажей своей рабочей силы, было весьма рѣшительно отклонено, и вмѣсто предполагавшагося единенія возникла страстная вражда. Такъ какъ фракція Перля ссылалась на письмо Даммера, который, будто бы отъ имени Центральнаго Комитета, одобрилъ ея точку зрѣнія, то Бальцеръ пожаловался Росмесслеру, который также немедленно выступилъ противъ Даммера. Онъ потребовалъ, чтобы точка зрѣнія Даммера была признана чисто личнымъ дѣломъ; Центральный Комитетъ, какъ таковой, по его словамъ, разрѣшилъ вопросъ, кого считать рабочимъ, тѣмъ, что одобрилъ брошюру Росмесслера. Этимъ Центральный Комитетъ былъ поставленъ передъ рѣшительнымъ вопросомъ, угрожав-

шимъ ему расколомъ. Путемъ компромисса съ трудомъ удалось замазать трещину въ строеніи.

По черновику, написанному рукою Росмесслéра, Вальтейхъ отвѣтилъ на письмо Бальцера, что Даммеръ не имѣлъ въ виду поднять какой-нибудь принципіальный вопросъ, но хотѣлъ лишь практически содѣйствовать тому, чтобы несамостоятельные рабочіе, какъ наиболѣе угнетенный классъ населенія, имѣли достаточное представительство на рабочемъ съѣздѣ, что ничуть не противорѣчитъ взглядамъ Росмесслера. Рабочимъ каждаго города должно быть представлено рѣшить, кого послать на съѣздъ; Центральному Комитету въ этомъ не принадлежитъ рѣшающаго голоса. Если же Даммеръ одобрилъ тактическіе пріемы Перля и его товарищей, то это вполнѣ правильно; Бальцеру слѣдуетъ возможно скорѣе войти въ соглашеніе съ Перлемъ для устройства общаго рабочаго собранія, которое должно выбрать общепризнанный мѣстный комитетъ.

Конечно, при скрытой неясности тогдашняго рабочаго движенія, пролетарская нота нигдѣ еще не раздавалась съ такою рѣзкостью, какъ въ Гамбургѣ, тѣмъ не менѣе сама эта неясность парализовала усилія Лейпцигскаго Центральнаго Комитета. Его воззваніе встрѣтило, правда, во многихъ мѣстахъ откликъ, но все же этотъ откликъ въ большей или меньшей степени остался платонической симпатіей. Едва ли не искреннѣе всѣхъ отозвался старый демократъ Деммлеръ изъ Шверина, но какъ могъ онъ поднять мекленбургскихъ рабочихъ? Даже Нюрнбергъ, откуда наряду съ Берлиномъ и Лейпцигомъ исходило самое движеніе, оказался недѣеспособнымъ, отчасти вслѣдствіе полицейскихъ затрудненій, отчасти же потому, что нюрнбергскіе рабочіе были истощены благодаря своему рабочему съѣзду, который имъ обошелся въ 120 талеровъ. Возможно, что здѣсь уже сказалось нѣкоторое буржуазное вліяніе; во всякомъ случаѣ,

бреславскій ремесленный союзъ ссылался на Шульце-Делича, когда 5-го декабря въ иронической формѣ писалъ въ Лейпцигъ, что тамъ, какъ видно, все еще очень торопятся; что же, собственно говоря, остается дѣлать мѣстнымъ комитетамъ, статистику собирать или чѣмъ-нибудь другимъ заниматься? Буржуазія довольно быстро сообразила положеніе вещей и не замедлила дѣйствовать. Она съ самаго начала относилась ко всему этому скрѣпя сердце; она согласилась на съѣздъ рабочихъ лишь для того, чтобы тѣмъ основательнѣе сорвать его. На ея сторонѣ было преимущество въ томъ, что она сознавала свои классовые интересы, и она основательно использовала это преимущество.

Уже въ началѣ декабря пущенный въ огородъ козелъ сталъ проявлять себя съ наивнымъ нахальствомъ. Шульце-Деличъ писалъ „любезному господину Вальтейху“: „Въ зависимости отъ срока, на который вы назначаете съѣздъ, я, можетъ быть, смогу быть вамъ полезнымъ въ этомъ въ высшей степени важномъ и трудномъ дѣлѣ и выступить въ качествѣ вашего докладчика“. Въ Берлинѣ Шульце уже приступилъ къ чтенію тѣхъ лекцій, которыя впослѣдствіи пріобрѣли печальную извѣстность благодаря полемическому сочиненію Лассаля; ихъ цѣлью было путемъ легкомысленныхъ парадоксовъ ввести рабочихъ въ заблужденіе насчетъ ихъ классовыхъ интересовъ. Затѣмъ въ Кобургѣ, главномъ штабѣ Національнаго Союза, открылось новое просвѣтительное общество рабочихъ, и тутъ же появился къ началу года пробный номеръ еженедѣльной Всеобщей Германской Рабочей Газеты, издаваемой и редактируемой адвокатомъ Штрейтомъ, дѣлопроизводителемъ Національнаго Союза. Штрейтъ былъ человѣкомъ 48-го года, по направленію близокъ къ Струве, слѣдовательно, радикальнѣе берлинскихъ прогрессистовъ; онъ принялъ въ своей новой газетѣ противъ юнкеровъ и поповъ болѣе рѣз-

кій тонъ, чѣмъ это практиковалось до сихъ поръ у буржуазной оппозиціи, занялъ также благосклонное положеніе по отношенію къ Лейпцигскому Центральному Комитету и даже находился въ дружеской переписке съ Лассалемъ: но все это при томъ условіи, чтобы рабочіе продолжали въ политическомъ отношеніи идти на буксирѣ у буржазіи и довольствовались соціальными рецептами, прописанными имъ Шульце-Деличемъ. Не успѣла новая газета просуществовать и восьми дней, какъ Кобургское просвѣтительное общество рабочихъ 8-го января 1863 года сообщило въ Лейпцигъ о томъ, что во многихъ корреспонденціяхъ, особенно изъ Южной Германіи, высказываются сомнѣнія по отношенію къ рабочему конгрессу, заслуживающія во всякомъ случаѣ самаго серьезнаго вниманія и самаго тщательнаго обсужденія. А 30-го января Центральный Комитетъ объединившихся въ Майнгау въ федерацію просвѣтительныхъ обществъ рабочихъ Франкфурта на Майнѣ, Оффенбаха, Бокенгейма, Флерсгейма и Борнгейма, а также отъ имени союзовъ Майнца и Маннгейма объявилъ, что на совѣщаніи въ Оффенбахѣ приняты слѣдующія постановленія: 1) Лейпцигскій Центральный Комитетъ долженъ отложить рабочій конгрессъ и 2) онъ долженъ войти въ сношенія съ просвѣтительными обществами рабочихъ, для предварительнаго обсужденія, которое можно устроить около августа 1863 года въ какомъ-нибудь централько расположенномъ пунктѣ, какъ Эйзенахъ, Гота и Веймаръ, съ цѣлью подготовки большого всеобщаго германскаго рабочаго конгресса. Этотъ лозунгъ былъ немедленно горячо поддержанъ въ Кобургѣ, какъ мѣстнымъ союзомъ, такъ и мѣстной газетой.

Все это совершенно раскрыло карты буржуазіи. Она хотѣла вырвать рычагъ изъ рукъ Лейпцигскаго Центральнаго Комитета и передать его въ руки находившимся еще въ полной зависимости отъ буржуазіи просвѣти

тельнымъ обществамъ рабочихъ. Разъ вопросъ о рабочемъ съѣздѣ, благодаря принятымъ въ Оффенбахѣ рѣшеніямъ, все ровно уже былъ отложенъ въ долгій ящикъ, то буржуазіи нечего было бояться и проектируемаго предварительнаго обсужденія въ Эйзенахѣ, Готѣ или Веймарѣ. Напротивъ! Разъ просвѣтительныя общества рабочихъ объединились бы, то положеніе ихъ по отношенію къ германскимъ законамъ о союзахъ еще болѣе ухудшилось бы, самое существованіе ихъ еще въ большой степени стало бы зависѣть отъ милости правительствъ, и для буржуазіи было бы тогда тѣмъ легче, горько жалуясь на проклятую реакцію, оберегать рабочихъ отъ „политическихъ излишествъ".

Извѣстіе объ оффенбахскихъ постановленіяхъ пришло въ Лейпцигъ какъ разъ въ то время, когда гамбургскій споръ раскрылъ зарождавшійся въ самомъ Центральномъ Комитетѣ расколъ. Въ такомъ критическомъ положеніи Вальтейхъ написалъ воззваніе съ цѣлью разсѣять „многочисленныя неясности и сомнѣнія", порожденныя первымъ воззваніемъ Комитета. Онъ началъ категорическимъ заявленіемъ, что просвѣтительныя общества рабочихъ не могутъ стать узловыми центрами рабочаго движенія; „органами рабочаго движенія единственно и исключительно являются избранные на открытыхъ рабочихъ собраніяхъ комитеты". Гораздо менѣе опредѣленный и въ сущности уклончивый отвѣтъ даетъ воззваніе на вопросъ, кого считать рабочимъ: „членами Центральнаго Комитета большей частью являются несамостоятельные рабочіе, то есть такіе, которые предлагаютъ свой трудъ не широкой публикѣ, а отдѣльнымъ работодателямъ, и въ незначительной части такіе, которые во многихъ отношеніяхъ стоятъ близко къ первымъ". Вотъ почему Центральный Комитетъ въ свое время прежде всего обратился къ своимъ товарищамъ.

Далѣе въ воззваніи разбирается вопросъ о томъ, что дѣлать рабочему конгрессу съ программой, требо-

ванія которой выставляются и буржуазіей и въ нѣкоторыхъ странахъ давно уже осуществлены. На это Вальтейхъ отвѣчаетъ, что рабочіе тѣмъ не менѣе хотятъ заявить и свое слово по такимъ въ высшей степени важнымъ для нихъ вопросамъ. Они хотятъ этого тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ ихъ мнѣнія вовсе не спрашивали; они тѣмъ энергичнѣе хотятъ заявить о своемъ совершеннолѣтіи, чѣмъ менѣе вѣритъ въ него общество. Въ такомъ великомъ дѣлѣ они не будутъ руководствоваться какими-либо мелочными соображеніями. Конгрессъ отнюдь не долженъ являться демонстраціей противъ веймарскаго съѣзда цеховыхъ ремесленниковъ; съ этимъ полумертвымъ противникомъ рабочимъ нечего дѣлать, они требуютъ улучшенія своего внутренняго и внѣшняго положенія. Они хотятъ высказать свое мнѣніе о томъ, дѣйствительно ли достаточно той свободы передвиженія и той свободы промысловъ, которыя имъ уже предоставлены; они хотятъ узнать, насколько рабочіе уже созрѣли для ассоціацій, и ускорить наступленіе этой зрѣлости. „Мы знаемъ духовную и матеріальную нищету нашихъ товарищей и мы болѣемъ за нихъ душой; мы хотимъ, друзья, чтобы вы наконецъ заявили, какъ сильно эта нищета васъ давитъ, и съѣздъ долженъ стать вашими устами. Онъ долженъ доказать, что германскій пролетаріатъ созрѣлъ и что онъ чувствуетъ себя призваннымъ дать если не окончательное рѣшеніе въ высшей степени важнаго соціальнаго вопроса, то, во всякомъ случаѣ, поставить его и содѣйствовать его рѣшенію, потому что рабочій классъ совмѣщаетъ въ себѣ ясность ума, богатство чувства, обдуманность и стойкость въ дѣйствіяхъ, потому что онъ такъ же чуждъ корыстнаго матеріализма англичанъ, какъ и систематизирующаго идеализма французовъ, потому что онъ и способенъ, и хочетъ, продолжая мирную работу на почвѣ данныхъ отношеній, прочно завоевывать себѣ духовное и ма-

теріальное освобожденіе". Въ этихъ словахъ былъ центръ тяжести воззванія, которое въ остальной своей части еще разъ призывало энергично готовиться къ съѣзду, выбирать мѣстные комитеты и главнымъ образомъ устраивать денежные сборы. Тамъ совѣтовалось также — что при тогдашнихъ условіяхъ было очень обоюдоострымъ оружіемъ — привлекать уполномоченныхъ; но къ счастью, совѣтчики сумѣли правильно воспользоваться этимъ оружіемъ.

Это воззваніе не было опубликовано, и, безъ сомнѣнія, опубликованіе его также не вывело бы Центральнаго Комитета изъ того затруднительнаго положенія, въ которомъ онъ очутился благодаря вѣроломной политикѣ буржуазіи. Воззваніе дышало уже тѣмъ могучимъ классовымъ сознаніемъ современнаго пролетаріата, котораго буржуазія по справедливости опасалась, но тутъ еще не было того яснаго классоваго сознанія современнаго пролетаріата, которое сильнѣе всякихъ хитростей и уловокъ буржуазіи. Топору не хватало еще рукоятки. Рабочіе съ горечью и справедливо чувствовали, что буржуазія откажетъ имъ въ томъ признаніи зрѣлости, на которое они предъявляли притязаніе, но они еще не умѣли вылить свои требованія въ соціально-политическую програму. Теперь уже невозможно точно установить, въ это ли время или уже раньше рабочіе обратились къ Національному Союзу съ формальнымъ ходатайствомъ допустить разсрочку ежегодныхъ взносовъ по мѣсяцамъ для того, чтобы облегчить рабочимъ доступъ въ Союзъ. Извѣстенъ послѣдовавшій на это отрицательный отвѣтъ, исходившій изъ того, что рабочіе могутъ считать себя „духовными почетными членами", или въ лучшемъ случаѣ, что рабочіе Союзы могутъ уплачивать годичные взносы за своихъ предсѣдателей, которые и будутъ такимъ образомъ представлять ихъ въ Національномъ Союзѣ.

Точно также виляла буржуазія вокругъ требованія

всеобщаго избирательнаго права. Національный Союзъ увѣрялъ, что, требуя конституціи 1849 года, заключающей это право, онъ тѣмъ самымъ отстаиваетъ его; рядомъ съ этимъ еще особо требовать всеобщаго избирательнаго права не имѣетъ смысла, какъ это доказалъ уже въ своей брошюрѣ Росмесслеръ; принципіально исключивъ изъ своей программы всеобщее избирательное право, прусская прогрессивная партія передъ рабочими однако всячески отдѣлывалась уклончивыми фразами; такъ, по мнѣнію Шульце-Делича, „при извѣстныхъ условіяхъ" всеобщее избирательное право можетъ быть дано, какъ осуществленіе требованія равноправія, но рабочіе должны предварительно получить достаточное образованіе, чтобы правильно пользоваться имъ. Ссылка на опытъ, продѣланный со всеобщимъ избирательнымъ правомъ при Второй Имперіи, оказывала при этомъ прогрессистамъ прекрасныя услуги, находя откликъ даже въ средѣ самыхъ развитыхъ рабочихъ. Подобно тому, какъ Бебель въ февралѣ 1863 года высказался противъ всеобщаго избирательнаго права, такъ и Іоркъ около того же времени писалъ Лейпцигскому Центральному Комитету: „При существующихъ условіяхъ отстаивать всеобщее избирательное право было бы болѣе, чѣмъ рисковано, во-первыхъ, потому, что этимъ мы покуда ничего не выиграли бы, а во вторыхъ, оно представляется мнѣ все-таки слишкомъ обоюдоострымъ оружіемъ, которое весьма легко можетъ быть направлено противъ свободы, пока образованіе, какъ въ настоящее время, является удѣломъ лишь меньшинства". Такимъ образомъ, выставляя безъ обиняковъ знамя всеобщаго избирательнаго права, Центральный Комитетъ скорѣе ухудшилъ бы, а не улучшилъ свое положеніе, и Вальтейхъ даже не упомянулъ о немъ въ своемъ проектѣ новаго воззванія.

Вмѣсто того, чтобы выпускать это воззваніе, Центральный Комитетъ предпочелъ обратиться къ истинно

достойному довѣрія мужу, къ единственному человѣку во всей Германіи, который могъ ему помочь. „Программа работниковъ" Лассаля мало-по-малу все-таки производила свое дѣйствіе. Въ первыхъ числахъ февраля 1863 года оба предсѣдателя Центральнаго Комитета, Вальтейхъ и Даммеръ, поѣхали въ Берлинъ, чтобы посовѣтоваться съ Лассалемъ. Совѣщаніе имѣло мѣсто на квартирѣ Лассаля, въ присутствіи Людвига Леве. Соглашеніе было скоро достигнуто; результатъ его виденъ въ рѣшеніяхъ, принятыхъ Центральнымъ Комитетомъ 10-го февраля. Онъ опубликовалъ въ Кобургской Рабочей Газетѣ воззваніе, которое хотя и не отказывалось отъ идеи съѣзда, но предостерегало отъ излишней поспѣшности; о созывѣ съѣзда можно будетъ думать лишь тогда, когда большая часть германскихъ рабочихъ его одобритъ и сама его потребуетъ. „Намъ желательны хорошо подготовленный съѣздъ и такіе представители германскаго пролетаріата, которые во всемъ отдаютъ себѣ ясный отчетъ". Какихъ-либо принципіальныхъ вопросовъ воззваніе не затрагивало; но одновременно съ этимъ Центральный Комитетъ обратился къ Лассалю съ оффиціальнымъ предложеніемъ изложить въ какой-либо формѣ, которую онъ найдетъ подходящей, свой взглядъ на рабочее движеніе и на средства, которыми ему слѣдуетъ пользоваться, и особенно на значеніе ассоціацій для совершенно недостаточнаго класса населенія.

Лассаль отвѣтилъ своимъ „Гласнымъ Отвѣтомъ", который помѣченъ 1-мъ марта и появился въ свѣтъ приблизительно въ серединѣ того же мѣсяца.

5. Гласный Отвѣтъ Лассаля.

Гласный Отвѣтъ исходитъ изъ того положенія, что одинаково ошибочно думать, съ одной стороны, что рабочимъ вообще нечего вмѣшиваться въ политику, съ другой—что они должны служить безличнымъ хорошимъ подголоскомъ для прогрессистской партіи. Удо-

влетворенія своихъ законныхъ интересовъ рабочій можетъ ждать только отъ политической свободы; между тѣмъ прогрессистская партія своимъ поведеніемъ во время борьбы изъ-за прусской конституціи обнаружила полную свою неспособность хотя бы въ малѣйшей степени содѣйствовать дѣйствительному осуществленію свободы. Рабочій классъ долженъ организоваться въ самостоятельную политическую партію и выставить принципіальнымъ лозунгомъ и знаменемъ этой партіи всеобщее, равное и прямое избирательное право. Лишь одно представительство рабочаго класса въ законодательныхъ учрежденіяхъ Германіи можетъ въ политическомъ отношеніи удовлетворить его справедливые интересы. Поэтому начать мирную законную агитацію всѣми законными средствами, — вотъ какова должна быть политическая программа рабочей партіи. Тактика этой партіи по отношенію къ прогрессистской партіи выясняется сама собой всюду; она должна выступать, какъ самостоятельная партія, поддерживая тѣмъ не менѣе прогрессистскую партію въ вопросахъ, касающихся общихъ интересовъ, но рѣшительно отворачиваясь отъ нея и выступая противъ нея при всякомъ ея уклоненіи въ сторону, вынуждая ее, такимъ путемъ, либо развиваться дальше и подниматься надъ своимъ нынѣшнимъ уровнемъ прогрессивности, либо же погружаться все глубже въ болото ничтожества и безсилія, въ которомъ она уже по колѣна погрязла.

Затѣмъ Лассаль переходитъ къ отвѣту на вопросы соціальнаго характера, заданные ему Лейпцигскимъ Комитетомъ. Онъ указываетъ, что дебатамъ о свободѣ передвиженія и промысловъ не мѣсто въ порядкѣ дня рабочаго конгресса. Недостатокъ ихъ въ томъ, что они опоздали по меньшей мѣрѣ на 50 лѣтъ. Свобода передвиженія и промысловъ прямо декретируются въ законодательномъ учрежденіи, но ихъ больше не дебатируютъ. Сберегательныя инвалидныя кассы, кассы взаимопомощи и больничныя кассы могутъ въ из-

вѣстной мѣрѣ облегчить бѣдствія отдѣльныхъ рабочихъ, но онѣ совершенно безсильны улучшить нормальное положеніе самого рабочаго класса. Лассаль ссылается на тождественный взглядъ Губера, чтобы свидѣтельствомъ человѣка, въ политическомъ отношеніи придерживающагося совершенно противоположной точки зрѣнія, а въ области экономической стоящаго совершенно на другой почвѣ, проще всего устранить подозрѣніе, будто его отрицательное отношеніе къ такимъ кассамъ вызвано лишь предвзятыми политическими тенденціями.

А вотъ ассоціаціи Шульце-Делича! Лассаль снисходительно проходитъ мимо Шульце, какъ политическаго дѣятеля и теоретика-экономиста, съ теплымъ чувствомъ пожимая руку „отцу и основателю германскихъ товариществъ". Однако, на вопросъ, могутъ ли ассоціаціи Шульце, улучшить положеніе рабочаго класса, Лассаль рѣшительно даетъ отрицательный отвѣтъ. Кредитныя товарищества и товарищества для закупки сырья въ лучшемъ случаѣ смогли бы уравнять лишеннаго средствъ ремесленника съ ремесленникомъ, обладающимъ ими, который, въ свою очередь, болѣе не въ состояніи выдержать конкуренцію крупнаго капитала и фабричнаго массоваго производства. Они могли бы продлить предсмертную агонію мелкаго ремесленника, усилить тѣмъ самымъ муки этой агоніи и безполезно задержать развитіе нашей культуры; собственно же рабочаго класса, занятаго въ крупной промышленности, количественно ежедневно растущаго, они вообще не затрагивали бы. Потребительныя же общества Шульце могли бы дѣйствительно охватить весь рабочій классъ. Тѣмъ не менѣе и они совершенно неспособны улучшить его положеніе. Совершенно ошибочно стремиться помочь рабочему, какъ потребителю, вмѣсто того, чтобы помогать ему съ той стороны, съ которой онъ дѣйствительно испытываетъ гнетъ, то есть, какъ производителю. Правда, и рабочій

страдаетъ въ качествѣ потребителя, когда ему въ ущербъ себѣ приходится покупать необходимые продукты въ небольшихъ количествахъ и, такимъ образомъ попадать въ кабалу къ лавочнику; противъ этого зла потребительныя общества могли бы до извѣстной степени и на нѣкоторое время помочь. Этотъ второстепенный вредъ не имѣетъ ничего общаго съ главнымъ и глубокимъ недугомъ, гнетущимъ рабочаго.

Затѣмъ Лассаль излагаетъ „желѣзный законъ заработной платы“, опредѣляющій при современныхъ условіяхъ, при господствѣ спроса и предложенія на трудъ, заработную плату, ограничивающій среднюю заработную плату обычными въ данномъ народѣ предметами потребленія, необходимыми для поддержанія рода. Заработная плата не можетъ надолго подняться выше этого средняго уровня, потому что тогда, благодаря улучшенію положенія рабочихъ, увеличилось бы среди нихъ количество браковъ, усилилось бы ихъ размноженіе, рабочее населеніе возросло бы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предложеніе рабочихъ рукъ, которое снова низвело бы заработную плату до прежняго уровня или еще ниже. Заработная плата не можетъ также надолго значительно пасть ниже этого необходимаго жизненнаго уровня, потому что тогда возникаютъ переселеніе, безбрачіе, воздержаніе отъ дѣторожденія и, наконецъ, вызванное нищетой уменьшеніе числа рабочихъ, которое, такимъ образомъ, еще болѣе уменьшаетъ предложеніе рабочихъ рукъ и снова повышаетъ заработную плату до прежняго уровня. Дѣйствительная средняя заработная плата, такимъ образомъ, постоянно колеблется около своего центра, къ которому она неизмѣнно возвращается, то немного возвышаясь надъ нимъ (періодъ преуспѣянія во всѣхъ отрасляхъ труда или нѣкоторыхъ изъ нихъ), то опускаясь (періодъ болѣе или менѣе общей нужды и кризисовъ).

По словамъ Лассаля, либеральная экономическая школа сама открыла и доказала этотъ законъ; онъ

могъ бы привести въ пользу него столько авторитетовъ, сколько великихъ и знаменитыхъ именъ имѣется въ наукѣ политической экономіи. Лассаль совѣтуетъ рабочимъ задавать всякому, желающему улучшить ихъ положеніе, вопросъ: признаетъ ли онъ этотъ законъ или нѣтъ; и если онъ его не признаетъ или не знаетъ, какъ его устранить, поворачиваться къ нему спиною, какъ къ пустому болтуну Дѣйствіе этого закона Лассаль резюмируетъ такимъ образомъ: „Изъ продукта труда (производства) сначала отчисляется и распредѣляется между рабочими столько, сколько необходимо для поддержанія ихъ существованія (заработная плата). Весь излишекъ производства — продукта труда — достается на долю предпринимателей". Рабочіе—это классъ исключенныхъ изъ наслѣдства, такъ какъ они неизбѣжно лишены участія даже въ возрастающей, благодаря прогрессу цивилизаціи, производительности, въ возрастающемъ продуктѣ труда, возрастающей продуктивности ихъ собственнаго труда. Рабочимъ дается всегда лишь то, что безусловно необходимо для существованія, предприниматели же получаютъ всегда все, что производится трудомъ сверхъ этого безусловно необходимаго.

Лассаль допускаетъ, что когда, при очень значительномъ прогрессѣ производительности, многіе продукты промышленности чрезвычайно дешевѣютъ, и одновременно съ этимъ наступаетъ довольно продолжительный періодъ усиленнаго спроса на рабочія руки, то кругъ обычныхъ въ народѣ, необходимыхъ для существованія предметовъ потребленія м о ж е т ъ расшириться; что при сравненіи различныхъ эпохъ, положеніе рабочаго класса позднѣйшей эпохи можетъ быть нѣсколько лучше, чѣмъ въ предыдущую. Лассаль дѣлаетъ это маленькое отступленіе, потому что это возможное въ теченіе вѣковъ ничтожное улучшеніе всегда является пунктомъ, къ которому, по примѣру Бастіа, постоянно возвращаются всѣ, желающіе пускать рабочимъ пыль въ глаза посредствомъ столь же дешевыхъ,

какъ и пустыхъ декламацій. Улучшилось ли дѣйствительно общее положеніе рабочихъ съ теченіемъ вѣковъ,—это вопросъ весьма трудный, весьма сложный; это — слишкомъ серьезное изслѣдованіе, чтобы къ нему могли хоть подойти тѣ, которые неустанно забавляли рабочихъ разсужденіями о томъ, какъ дорого стоилъ ситецъ въ прошломъ столѣтіи, и сколько ситцевыхъ платьевъ рабочіе теперь могли бы износить. Онъ также не можетъ взяться за это изслѣдованіе, такъ какъ его задача—сообщить рабочимъ не только то, что абсолютно установлено, но и то, что очень легко обосновать; но даже, если допустить, что такое улучшеніе имѣло мѣсто, то, во всякомъ случаѣ, такого рода изслѣдованіями лишь извращается разбираемый вопросъ. Рабочихъ этимъ вводятъ въ обманъ. Когда рабочіе говорятъ объ улучшеніи своего положенія, то масштабомъ для нихъ являются жизненныя привычки даннаго времени. А ихъ забавляютъ мнимыми сравненіями ихъ положенія съ положеніемъ рабочихъ въ прежніе вѣка! Конечно, это всѣмъ извѣстный фактъ, что положеніе рабочихъ въ настоящее время лучше, чѣмъ положеніе ботокудовъ и дикихъ людоѣдовъ. Но удовлетвореніе, получаемое человѣкомъ, всегда находится въ зависимости только отъ отношенія между средствами удовлетворенія и ставшими въ данное время уже обычными жизненными потребностями, и повышеніе минимума нашихъ жизненныхъ потребностей также причиняетъ страданія и лишенія, которыя въ прежнія времена не были извѣстны. „Какое лишеніе для ботокуда, если онъ не можетъ купить мыла?.. Какое лишеніе для дикаго людоѣда, если у него нѣтъ приличнаго сюртука? Какое лишеніе было для рабочаго до открытія Америки, когда онъ не могъ курить табакъ? Какое лишеніе было для рабочаго до изобрѣтенія книгопечатанія, если онъ не имѣлъ возможности пріобрѣсти себѣ полезную книгу“? Если бы такимъ образомъ и было доказано, что уровень необходимыхъ

жизненныхъ условій въ различныя времена повышался, то все же человѣческое положеніе рабочихъ оставалось во всѣ времена всегда однимъ и тѣмъ же, т. е., оно постоянно колебалось около низшаго уровня обычныхъ для даннаго времени необходимыхъ потребностей, то нѣсколько повышаясь надъ нимъ, то нѣсколько опускаясь. Послѣ этого Лассаль такъ резюмируетъ свой взглядъ на потребительныя общества: пока въ потребительныя общества организуются лишь отдѣльные круги рабочихъ, до тѣхъ поръ общая заработная плата ими не затрагивается, до тѣхъ поръ они могутъ, стало быть, дать вступившимъ въ нихъ рабочимъ, въ качествѣ потребителей, благодаря болѣе дешевому потребленію, несущественное облегченіе ихъ стѣсненнаго положенія. Но какъ только они начинаютъ охватывать весь рабочій классъ, желѣзный законъ заработной платы ведетъ къ тому, что она, вслѣдствіе удешевленія предметовъ потребленія, благодаря потребительнымъ обществамъ, также соотвѣтственно неизбѣжно понижается, и то ничтожное облегченіе, которое до этого давали отдѣльнымъ кругамъ рабочихъ потребительныя общества, спускается до нуля. Итакъ, всѣ организаціи Шульце не могли бы помочь рабочему классу, какъ таковому. „Какъ же? Неужели принципъ свободной индивидуальной ассоціаціи рабочихъ не въ состояніи содѣйствовать улучшенію положенія рабочаго класса“? На это Лассаль отвѣчаетъ: „Конечно, въ состояніи,—но лишь при примѣненіи и распространеніи его на крупную фабричную промышленность. Сдѣлать рабочій классъ своимъ собственнымъ предпринимателемъ—вотъ средство, которое—и оно одно лишь—способно устранить жестокій желѣзный законъ, опредѣляющій заработную плату! Когда рабочій классъ станетъ своимъ собственнымъ предпринимателемъ, тогда исчезнетъ дѣленіе на заработную плату и предпринимательскую прибыль, а вмѣстѣ съ тѣмъ вообще заработная плата, какъ таковая, и на ея мѣсто, какъ воз-

награжденіе за трудъ, станетъ продуктъ труда!“ Уничтожить предпринимательскую прибыль самымъ мирнымъ, самымъ легальнымъ и самымъ простымъ способомъ, путемъ организаціи рабочаго класса въ добровольныя ассоціаціи, позволяющей ему стать своимъ собственнымъ предпринимателемъ,—вотъ единственно вѣрное, единственно соотвѣтствующее справедливымъ требованіямъ рабочаго класса, единственное непризрачное улучшеніе его положенія

„Но какъ?“ снова ставитъ себѣ вопросъ Лассаль: „Одного взгляда на желѣзныя дороги, машинные заводы, корабельныя верфи, хлопчатобумажныя, ситценабивныя фабрики и т. д., одного взгляда на пустые карманы рабочихъ достаточно, чтобы убѣдиться, что рабочіе никогда не смогутъ вести крупное промышленное предпріятіе за свой собственный счетъ, если они будутъ предоставлены исключительно своимъ изолированнымъ индивидуальнымъ усиліямъ“.

„Именно поэтому обязанностью и задачей государства является доставить вамъ эту возможность, взять въ свои руки великое дѣло свободной индивидуальной ассоціаціи рабочаго класса, содѣйствуя ему и развивая его и сдѣлать своимъ священнѣйшимъ долгомъ предоставить вамъ средства и возможность для такой самостоятельной организаціи и ассоціаціи“. Лассаль далѣе доказываетъ, что сѣютъ заблужденіе тѣ, которое кричатъ, что всякое подобное вмѣшательство государства уничтожаетъ соціальную самопомощь. Государство не препятствуетъ молодежи развиваться собственными силами, когда содержитъ для нея учителей, школы и библіотеки. Пусть отдѣльныя лица получили образованіе безъ помощи учителей, школъ и библіотекъ, пусть отдѣльные круги рабочихъ, при извѣстныхъ особенныхъ условіяхъ, какъ въ Англіи, до извѣстной степени незначительно и улучшили свое положеніе въ нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ отрасляхъ крупной промышленности, путемъ ихъ собственными усиліями воз-

никшей ассоціаціи,—эти исключенія, все же подтверждаютъ только то правило, что для всего рабочаго класса дѣйствительное улучшеніе его положенія можетъ быть достигнуто только при помощи и со стороны государства.

Не должны также рабочіе вводиться въ обманъ дешевыми фразами о соціализмѣ и коммунизмѣ. „Между этимъ требованіемъ и такъ называемымъ соціализмомъ и коммунизмомъ—дистанція огромнаго размѣра; тутъ трудящіеся классы совершенно попрежнему сохраняютъ свою индивидуальную свободу, индивидуальный образъ жизни и индивидуальное вознагражденіе за трудъ, и никакого другого отношенія къ государству не имѣютъ, кромѣ того, что получаютъ отъ него необходимый для устройства ассоціаціи капиталъ или кредитъ. Но въ томъ то и заключается задача и назначеніе государства, чтобы облегчать и давать средства для великихъ культурныхъ начинаній человѣчества. Это его долгъ, для этого оно существуетъ, для этого оно всегда служило и должно служить“. Вмѣсто сотенъ примѣровъ, которые Лассаль могъ бы привести, въ видѣ каналовъ, шоссе, почтъ, водяныхъ сообщеній, телеграфовъ, крестьянскихъ банковъ, сельскохозяйственныхъ улучшеній, введенія новыхъ отраслей производства и т. д., онъ доказываетъ свое положеніе на разборѣ государственной гарантіи процентовъ при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Это было, говоритъ Лассаль, чрезвычайно серьезнымъ вмѣшательствомъ въ пользу богатыхъ и имущихъ классовъ, къ услугамъ которыхъ и безъ того были всякій капиталъ и всякій кредитъ, и которые гораздо легче чѣмъ рабочіе могли обойтись безъ вмѣшательства государства, но тѣмъ не менѣе требовали его. Тогда это было вполнѣ допустимо; но когда рѣчь заходитъ о вмѣшательствѣ государства въ пользу нуждающихся классовъ, въ пользу подавляющаго большинства, тогда оно оказывается уже „чистымъ соціализмомъ и комму-

низмомъ“. И что значитъ культурный прогрессъ отъ желѣзныхъ дорогъ, какъ бы великъ онъ ни былъ, въ сравненіи съ тѣмъ гигантскимъ прогрессомъ культуры, который явится результатомъ ассоціаціи трудящагося класса!

Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Лассаль говоритъ: „Насколько легко было бы достать капиталъ или, вѣрнѣе, кредитъ, необходимый для ассоціаціи, постепенно съ теченіемъ времени распространяющейся на весь рабочій классъ, можно было бы увидѣть только послѣ финансово-теоретическаго изслѣдованія — соціальныхъ функцій денегъ и кредита. Кромѣ того, всякое такое изслѣдованіе, касающееся способа выполненія, было бы совершенно излишнимъ и безцѣльнымъ; практическое значеніе оно будетъ имѣть лишь тогда, когда можно будетъ подумать объ осуществленіи этого требованія“. А пока Лассаль ограничивается слѣдующими указаніями: Эти ассоціаціи должны, разумѣется, лишь постепенно и съ теченіемъ времени охватить весь рабочій классъ. Начать придется съ такихъ отраслей промышленности, которыя по самому характеру своему, занимая сравнительно наибольшее количество рабочихъ, болѣе всего пригодны для ассоціаціи. Начать придется съ такихъ округовъ и мѣстностей, которыя по роду промышленности, по густотѣ населенія, а также по склонности его вступать въ ассоціаціи — эти три момента обыкновенно совпадаютъ—болѣе другихъ пригодны для ассоціаціи. Разъ нѣкоторое количество такихъ ассоціацій будетъ существовать, устраивать ихъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ и мѣстностяхъ будетъ становиться дѣломъ все болѣе и болѣе легкимъ, такъ какъ всѣ образовавшіяся съ помощью государства ассоціаціи естественно должны будутъ вступать во взаимный кредитный союзъ. Кромѣ кредитнаго союза, различные союзы сможетъ объединить союзъ взаимнаго страхованія, который будетъ путемъ распредѣленія возможныхъ убытковъ сводить ихъ до незамѣтной величины.

Наконецъ, государству ни въ коемъ случаѣ не придется въ этихъ обществахъ играть роль диктатора, ему будетъ лишь предоставлено утвержденіе или одобреніе уставовъ, а также достаточный для обезпеченія его интересовъ контроль за веденіемъ ихъ дѣла. Рабочіе будутъ еженедѣльно получать обычную въ данной мѣстности и данной промышленности заработную плату, а въ концѣ года между ними будетъ распредѣляться въ видѣ дивиденда полученная союзомъ прибыль.

Для вящшаго подтвержденія практической выполнимости, чрезвычайной жизнеспособности и выгодности такихъ ассоціацій, Лассаль указываетъ на примѣръ англійскихъ и французскихъ рабочихъ ассоціацій, возникшихъ при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, безъ всякой помощи и поддержки, исключительно предоставленныхъ собственнымъ усиліямъ изолированныхъ рабочихъ, и тѣмъ не менѣе достигшихъ высокой степени процвѣтанія. Всѣ эти общества были, собственно говоря, піонерами будущаго, которые твердой рукой проложили новый путь и поразительными практическими результатами, достигнутыми ими вопреки всѣмъ препятствіямъ, показали, какихъ результатовъ можно было бы достигнуть, если бы государство протянуло руку помощи для преодолѣнія этихъ препятствій.

Наконецъ, что же такое государство? Оффиціальное статистическое бюро прусскаго королевства, на основаніи оффиціальныхъ податныхъ списковъ, опубликовало въ 1851 году таблицу распространенія населенія по доходамъ. Лассаль точно со всѣми цифрами передаетъ содержаніе этой таблицы и затѣмъ резюмируетъ его такъ: $72^1/4\%$ населенія, съ доходомъ ниже 100 талеровъ, стало быть, въ самомъ жалкомъ положеніи! Слѣдующіе $16^1/4\%$ населенія съ доходомъ отъ 100 до 200 талеровъ, слѣдовательно, положеніе ихъ, врядъ ли лучшее, все еще жалкое. Затѣмъ $7^1/_4\%$ населенія съ доходомъ отъ 200 до 400 талеровъ, положеніе, стало

быть, все еще стѣсненное, $3^1/_4\%$ населенія съ доходомъ отъ 400 до 1000 талеровъ, слѣдовательно, частью только лишь въ сносномъ положеніи, частью въ зажиточномъ и, наконецъ, $^1/_2\%$ населенія, находящагося на всевозможныхъ ступеняхъ богатства. Оба низшихъ класса, находящихся въ самомъ стѣсненномъ положеніи, составляютъ, такимъ образомъ, 89% населенія, а если къ нимъ, какъ и слѣдуетъ, прибавить еще и $7^1/_4\%$ третьяго, тоже неимущаго и угнетеннаго класса, то вы получите $96^1/_4\%$ населенія, терпящаго лишенія и нужду. Вамъ, значитъ, нуждающимся классамъ, а не намъ, высшимъ сословіямъ, принадлежитъ государство, потому что изъ васъ оно состоитъ. Я задалъ вопросъ: „Что такое государство"? и вы теперь изъ нѣсколькихъ цифръ видите нагляднѣе, чѣмъ изъ толстыхъ томовъ; великая ассоціація такихъ, какъ вы, бѣднѣйшихъ классовъ—вотъ что такое государство! И почему этой великой ассоціаціи рабочихъ не оказывать плодотворнаго воздѣйствія на болѣе мелкія ячейки свои?

Затѣмъ Лассаль приводитъ еще одно спеціальное доказательство невозможности улучшить положеніе рабочаго класса путемъ свободной ассоціаціи иначе, какъ при покровительственной поддержкѣ государства,—онъ обращается къ рочдельскимъ піонерамъ самой знаменитой англійской ассоціаціи. Лассаль указываетъ на возникшую среди нихъ агитацію, направленную противъ участія въ прибыли тѣхъ рабочихъ, которые не состояли вмѣстѣ съ тѣмъ и акціонерами. Рабочіе со средствами рабочихъ и съ повадками предпринимателей—вотъ въ какую отвратительную каррикатуру выродились рочдельскіе піонеры. Кромѣ того, при 1600 рабочихъ акціонеровъ на ихъ фабрикѣ работало всего 500 человѣкъ; если не воображать себѣ безъ всякихъ околичностей рабочихъ богачами, что дѣлало рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, конечно, чисто призрачнымъ,— то занятаго на фабрикѣ числа рабочихъ никогда не

будетъ достаточно для того, чтобы изъ ихъ собственныхъ кармановъ набрать хотя бы необходимый для фабрики основной капиталъ; для этого всегда необходимо будетъ значительно большее число другихъ не занятыхъ на фабрикѣ рабочихъ акціонеровъ. Отношеніе 1:3, какъ это имѣетъ мѣсто у рочдельскихъ піонеровъ, слѣдуетъ даже признать поразительно благопріятнымъ, и объяснить его можно только особенными исключительными условіями. Къ тому же это отношеніе съ развитіемъ промышленности неизбѣжно должно сильно возрастать; такъ какъ успѣхи цивилизаціи въ томъ и состоятъ, что съ каждымъ днемъ человѣческій трудъ все болѣе вытѣсняется мертвой силой природы, т. е. машинами, то, слѣдовательно, съ каждымъ днемъ возрастаетъ отношеніе между величиной основного капитала и количествомъ человѣческаго труда. А если ассоціація должна распространиться на весь рабочій классъ, откуда взять тогда тройное или еще гораздо болѣе значительное количество рабочихъ акціонеровъ, которые должны стоять за занятыми на фабрикахъ рабочими для того, чтобы можно было оборудовать эти фабрики.

Итакъ, прямо-таки математически невозможная вещь освободить рабочій классъ такимъ путемъ изолированными усиліями самихъ его членовъ; единственный путь изъ этой пустыни—это свободная ассоціація при покровительственномъ содѣйствіи государства. Но какимъ образомъ склонить государство къ такому вмѣшательству? И тутъ отвѣтъ теперь уже ясенъ, какъ день: этого можно будетъ достигнуть только съ помощью всеобщаго и прямого избирательнаго права. Если законодательныя собранія Германіи будутъ выбраны на основаніи этого избирательнаго права, тогда, и только тогда, рабочіе будутъ въ силахъ заставить государство выполнить этотъ свой долгъ. „Тогда это требованіе будетъ выставлено въ законодательныхъ собраніяхъ, тогда можно будетъ, призвавъ на помощь ра-

зумъ и науку, обсудить предѣлы, формы и способы этого вмѣшательства, и тогда — будьте увѣрены, — люди, понимающіе ваше положеніе и преданные вашему дѣлу, вооруженные стальнымъ клинкомъ науки, будутъ на вашей сторонѣ и сумѣютъ отстоять ваши интересы! И тогда вы сами, неимущіе классы общества, будете виноваты, только своимъ плохимъ выборамъ вы сможете приписать, если защитники вашего дѣла будутъ оставаться въ меньшинствѣ". Всеобщее избирательное право является не только политическимъ, но и основнымъ соціальнымъ принципомъ рабочаго класса, основнымъ условіемъ всякой соціальной помощи.

Но какъ добиться всеобщаго избирательнаго права? Лассаль указываетъ на болѣе чѣмъ пятилѣтнюю агитацію противъ англійскихъ хлѣбныхъ законовъ, которые въ концѣ концовъ торійское министерство принуждено было отмѣнить. „Организуйтесь во Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ съ цѣлью законной и мирной, но неутомимой, непрестанной агитаціи за введеніе всеобщаго и прямого избирательнаго права во всѣхъ германскихъ государствахъ. Съ того момента, когда союзъ этотъ охватитъ хотя бы сто тысячъ германскихъ рабочихъ, онъ станетъ силой, съ которой всѣмъ придется считаться". Рабочіе должны распространять этотъ лозунгъ во всякой мастерской, во всякой деревнѣ, во всякой хижинѣ. Городскіе рабочіе должны, пользуясь своимъ высшимъ развитіемъ и образованіемъ, пріобщить къ нему сельскихъ рабочихъ, всюду обсуждать и разбирать необходимость всеобщаго избирательнаго права, ежедневно, безпрерывно и неустанно. Рабочіе должны устраивать кассы, которыя, несмотря на незначительность взносовъ, станутъ для агитаціонныхъ цѣлей громадной финансовой силой, съ помощью этихъ кассъ издавать политическія газеты, распространять брошюры и разсылать своихъ агентовъ. Они должны ежедневно, неустанно повто-

рять одно и то же, постоянно и вездѣ одно и то же. „Тайна всякаго практическаго успѣха заключается въ томъ, чтобы во всякое время сосредоточить всѣ силы на одномъ, самомъ важномъ пунктѣ, не оглядываясь ни направо, ни налѣво. Не смотрите ни направо, ни налѣво, будьте глухи ко всему, что не является всеобщимъ и прямымъ избирательнымъ правомъ, или что не связано съ нимъ, или что не можетъ повести къ нему". И если этотъ лозунгъ дѣйствительно распространится среди тѣхъ 89—96% населенія, которые составляютъ бѣдные и неимущіе классы общества, — а это можетъ удаться въ теченіе немногихъ лѣтъ, — то долго противиться ему нельзя будетъ.

Правительства могутъ торговаться и препираться съ буржуазіей относительно политическихъ правъ. Они могутъ даже рабочимъ отказать въ политическихъ правахъ, а стало быть, и во всеобщемъ избирательномъ правѣ при томъ равнодушіи, съ которымъ обычно относятся къ политическимъ правамъ. „Но если 89—96 процентовъ населенія смотрятъ на всеобщее избирательное право, какъ на вопросъ желудка, если поэтому оно также вмѣстѣ съ теплотою желудка распространяется по всему національному организму, то будьте вполнѣ спокойны, господа,—нѣтъ такой силы, которая долго могла бы устоять противъ этого! Вотъ знамя, которое вы должны поднять! Вотъ знамя, съ которымъ вы побѣдите! Другого нѣтъ для васъ!" Такъ заканчивается „Гласный Отвѣтъ".

6. Планъ битвы Лассаля.

Какъ тактика къ стратегіи и планъ битвы къ плану всей кампаніи, такъ относится „Гласный Отвѣтъ" Лассаля къ его „Программѣ Работниковъ". Это, такъ сказать, ordre de bataille перваго сраженія въ великой освободительной борьбѣ германскаго пролетаріата. „Гласный Отвѣтъ" является не послѣднимъ словомъ Лассаля, какъ агитатора, а, наоборотъ, его первымъ словомъ.

Лассаль зналъ, что тѣ массы, которыя онъ хотѣлъ повести въ бой, состояли изъ совсѣмъ мало обученныхъ рекрутовъ, которые въ огнѣ только должны были получить первый опытъ, и умственный кругозоръ которыхъ былъ довольно ограниченъ. Лассалю необходимо было также тщательно слѣдить за дорогой, по которой онъ шелъ, за устройствомъ и расположеніемъ укрѣпленій, которыя онъ атаковалъ, за калибромъ орудій, изъ которыхъ стрѣлялъ противникъ. Теперь ему предстояло на практикѣ преодолѣть то діалектическое противорѣчіе всякой революціонной дѣятельности, идею котораго онъ положилъ въ основу своей трагедіи. Необходимо было соединить исчерпывающую послѣдовательность принципа съ неизбѣжной односторонностью политики.

Лассаль не могъ сохранить „естественную связь съ прежнимъ рабочимъ движеніемъ", по крайней мѣрѣ въ такой формѣ, какъ этого отъ него требовалъ Марксъ. Болѣе несходные моменты, чѣмъ время появленія „Коммунистическаго Манифеста" и время обнародованія „Гласнаго Отвѣта" врядъ ли возможно себѣ представить. Марксъ и Энгельсъ обращались къ небольшому избранному кругу международнаго пролетаріата, годы и даже десятки лѣтъ жившему въ важнѣйшихъ центрахъ сосредоточенія европейской жизни и освоившемуся съ труднѣйшими проблемами германской философіи и англо-французскаго соціализма, объединенному въ тайное пропагандистское общество и готовившемуся наканунѣ революціи вербовать агентовъ коммунизма среди волновавшихся массъ европейскихъ странъ. Лассалю же, напротивъ, приходилось имѣть дѣло съ рабочимъ классомъ страны, еще весьма отсталой въ экономическомъ и политическомъ отношеніи, съ классомъ, который далеко еще не сбросилъ съ себя тяжелаго гнета реакціи и въ теченіе долгаго времени еще не могъ разсчитывать на быстрое развитіе пролетарскаго классоваго самосознанія, которое дается обыкновенно въ

боевомъ крещеніи революціи; съ классомъ, которому, какъ массовой партіи, предстояло вести борьбу на почвѣ современнаго буржуазнаго общества, о сущности котораго едва имѣли представленіе даже самые передовые его члены. Если бы возможно было какое-нибудь сомнѣніе въ томъ, что къ тогдашнимъ германскимъ рабочимъ можно подойти только со стороны ихъ ближайшихъ интересовъ, то для Лассаля оно устранялось тѣмъ пріемомъ, который встрѣтилъ его „Программу Работниковъ". Она не нашла никакого отклика среди рабочаго класса, хотя въ ней уже германскія условія оцѣниваются съ точки зрѣнія „Коммунистическаго Манифеста".

Лассаль не хотѣлъ прописывать ходу германскаго рабочаго движенія доктринерскаго рецепта, а, совершенно въ духѣ Маркса, клалъ въ основу своей агитаціи дѣйствительное классовое движеніе, поскольку оно уже было налицо въ Германіи. Онъ ухватился за всеобщее избирательное право и за стремленія къ ассоціаціямъ, тѣ двѣ идеи, которыя дали первый толчекъ движенію германскаго пролетаріата. Требованіе всеобщаго избирательнаго права онъ немедленно поставилъ на строго принципіальную почву, выясняя германскимъ рабочимъ, что оно является для нихъ единственнымъ средствомъ завоевать политическую власть, безъ обладанія которой они никогда не смогутъ добиться удовлетворенія своихъ классовыхъ интересовъ. Насколько Лассаль правильно оцѣнивалъ въ этомъ отношеніи положеніе дѣлъ въ Германіи, подтвердили сорокъ лѣтъ германской исторіи. Заслуга его тѣмъ болѣе велика, что всеобщее избирательное право въ то время, когда онъ сдѣлалъ его лозунгомъ рабочаго движенія въ Германіи, далеко не пользовалось хорошей славой. Если большая часть буржуазіи отвергала его изъ недовѣрчиваго классоваго инстинкта, то и люди совсѣмъ изъ другого лагеря относились къ нему подозрительно послѣ опытовъ со все-

общимъ избирательнымъ правомъ при Второй Имперіи; къ нимъ принадлежали не только Ланге и Родбертусъ, но также Марксъ и Энгельсъ.

Лассаль, безъ сомнѣнія, переоцѣнивалъ значеніе всеобщаго избирательнаго права. Хотя онъ прямо заявлялъ, что не считаетъ его волшебнымъ жезломъ, хотя дѣйствительныхъ результатовъ онъ ждалъ отъ него не немедленно, а лишь по истеченіи нѣкотораго времени; тѣмъ не менѣе Лассаль не думалъ, что это время окажется такимъ продолжительнымъ, какъ это оказалось на дѣлѣ. Въ этомъ отношеніи Лассаль сдѣлался жертвой того оптическаго обмана мыслителей, смѣло и далеко заглядывающихъ впередъ, котораго не избѣгли также Марксъ и Энгельсъ. Но это нисколько не мѣняетъ того факта, чтоЛассаль правильно понялъ, что при данныхъ историческихъ условіяхъ всеобщее избирательное право является тѣмъ орудіемъ, при помощи котораго германскій пролетаріатъ въ борьбѣ своей долженъ вырасти и выраститъ въ непобѣдимую силу. Какъ горячо этотъ взглядъ подчасъ ни оспаривался, какъ авторитетны ни были его противники, все же сила вещей постоянно снова толкала германскую соціалъ-демократію на тотъ путь, который ей указалъ Лассаль. Какъ сильно она возросла, благодаря именно всеобщему избирательному праву, этому самому дѣйствительному и подходящему для нея орудію, краснорѣчивѣе всего доказалъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи Энгельсъ.

Затѣмъ Лассаль ухватился за товарищества Всѣ иллюзіи насчетъ этой мнимой панацеи рабочаго класса онъ разсѣялъ посредствомъ закона заработной платы буржуазной экономіи. Онъ поразилъ угнетателей пролетаріата ихъ собственнымъ оружіемъ. Въ позднѣйшихъ своихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ Лассаль съ очевидностью доказалъ тотъ фактъ, что всѣ выдающіеся представители буржуазной экономіи признали развитый имъ законъ заработной платы господствующимъ въ капиталистическомъ обществѣ. Но какъ разъ

„желѣзный“ характеръ этого закона, на что Лассаль болѣе всего напиралъ, соціалистическими экономистами былъ признанъ неправильнымъ, а потому важно изслѣдовать, вѣрилъ ли въ него Лассаль и имѣлъ ли онъ на это историческое право.

Прежде всего, ошибочны слѣдующія строки, написанныя какъ-то позднѣе Марксомъ въ порывѣ горячаго негодованія: „Если принять этотъ законъ въ томъ видѣ, какой ему придалъ Лассаль, а, слѣдовательно, придать ему и тотъ смыслъ, какой ему придавалъ Лассаль, то необходимо также принять этотъ законъ съ его мотивировкой. А въ чемъ же она заключается? Какъ показалъ Ланге, уже скоро послѣ смерти Лассаля, — въ проповѣдуемой самимъ Ланге Мальтусовой теоріи народонаселенія. Но если она вѣрна, то опять-таки я не могу устранить этотъ законъ, даже если сто разъ уничтожу наемный трудъ, потому что въ такомъ случаѣ законъ этотъ господствуетъ не только при системѣ наемнаго труда, но и при всякой общественной системѣ. Стоя именно на этой почвѣ, экономисты въ теченіе пятидесяти лѣтъ и больше доказывали, что соціализмъ неспособенъ уничтожить коренящуюся въ природѣ нищету, онъ можетъ лишь обобщить ее, распространить ее одновременно по всему обществу“. Но въ такое противорѣчіе Лассаль никогда не впадалъ. Къ теоріи Мальтуса онъ относился не какъ Ланге и буржуазные экономисты, а какъ Марксъ и Энгельсъ и, пожалуй, рѣзче ихъ обоихъ критиковалъ ее. Основную сущность ея, утвержденіе, что люди имѣютъ тенденцію размножаться быстрѣе, чѣмъ средства питанія, онъ отвергалъ, какъ „давно опровергнутое заблужденіе“, а вытекающую изъ этого заблужденія теорію „благоразумнаго воздержанія“ отъ дѣторожденія онъ съ презрѣніемъ осмѣивалъ, какъ ребяческую, безнравственную, безчеловѣчную, неестественную, — какъ чистое свинство“. Вопреки Мальтусу, Лассаль говорилъ: чѣмъ больше рабочихъ, тѣмъ больше бо-

гатствъ; если въ настоящее время это еще не оправдывается, то виною этому „экономическій антагонизмъ" въ капиталистическомъ обществѣ. Сообразно съ этимъ Лассаль въ своемъ „Гласномъ Отвѣтѣ" обращаетъ особенное вниманіе на то, „что законъ заработной платы буржуазной экономіи имѣетъ силу при современныхъ условіяхъ, при господствѣ спроса и предложенія на трудъ". Лассаль видитъ въ немъ не естественный законъ, какъ мальтузіанцы, а общественный, и потому онъ, нисколько не противорѣча себѣ, могъ сказать, что этотъ законъ можетъ быть устраненъ при другой организаціи общества.

Кромѣ того, такое пониманіе находилось въ полномъ согласіи съ пониманіемъ закона заработной платы, высказаннымъ Марксомъ и Энгельсомъ въ ихъ прежнихъ сочиненіяхъ до „Коммунистическаго Манифеста" включительно. Энгельсъ уже въ „Deutsch-Französische Jahrbücher" доказывалъ, что величина народонаселенія проявляетъ свой гнетъ не въ природѣ на средства питанія, а въ капиталистическомъ обществѣ, на средства труда; въ этомъ обществѣ производство рабочей силы регулируется закономъ конкурренціи. Въ своемъ сочиненіи о положеніи англійскихъ рабочихъ Энгельсъ выясняетъ законъ заработной платы почти такими же словами, какъ Лассаль въ „Гласномъ Отвѣтѣ", и Энгельсъ также признавалъ, что Лассаль усвоилъ этотъ законъ въ томъ же видѣ, какъ его понимали въ 40-ыхъ годахъ онъ самъ и Марксъ: какъ экономическій законъ буржуазнаго общества, а не какъ естественный законъ въ смыслѣ мальтузіанцевъ. Кстати, и Ланге не говорилъ, что Лассаль обосновываетъ желѣзный законъ теоріей Мальтуса, а наоборотъ, порицаетъ Лассаля за то, что онъ, подобно Марксу, выводитъ свой законъ изъ капиталистическаго способа производства.

Но и съ такимъ ограниченіемъ Марксъ оспаривалъ „желѣзный" характеръ закона заработной платы или,

выражаясь точнѣе, научно неопровержимымъ образомъ доказалъ неприменимость его къ развитому капиталистическому обществу. Въ первомъ томѣ „Капитала“ Марксъ доказываетъ, что въ современной промышленности, съ ея правильными смѣнами періодовъ потребность въ рабочей силѣ регулируется не абсолютнымъ движеніемъ народонаселенія, а относительнымъ перенаселеніемъ, промышленной резервной арміей, которую капиталъ притягиваетъ или отталкиваетъ, по мѣрѣ своего расширенія или сокращенія. „Но прежде, чѣмъ произойдетъ, вслѣдствіе повышенія заработной платы, какое-нибудь положительное увеличеніе дѣйствительно способнаго къ труду населенія, не разъ пройдетъ тотъ срокъ, въ продолженіе котораго должна быть проведена промышленная кампанія и дана рѣшительная битва“. Господствовавшій на первыхъ порахъ капиталистическаго способа производства желѣзный законъ заработной платы на высотѣ его превратился въ эластическій.

Сверху этотъ законъ находитъ свой предѣлъ въ потребности капитала превращаться въ прибавочную цѣнность, снизу—въ той массѣ нищеты, которую рабочій въ состояніи переносить, не умирая немедленно голодной смертью. Въ предѣлахъ этихъ границъ высота заработной платы опредѣляется не естественнымъ движеніемъ народонаселенія, а сопротивленіемъ, которое рабочіе могутъ оказать постоянной тенденціи капитала выжимать изъ рабочей силы возможно больше неоплаченнаго труда. Если эта тенденція не встрѣчаетъ противодѣйствія, то она достигаетъ своего крайняго предѣла въ „голодной“ заработной платѣ, которой не подыметъ никакая игра желѣзнаго закона. Если же тенденція эта встрѣчаетъ противодѣйствіе, то она парализуется въ зависимости отъ силы и размѣровъ этого противодѣйствія, и потому фабричные законы, профессіональные союзы и вообще все, что способно увеличивать силы противодѣйствія рабочихъ, ни въ

какомъ случаѣ не являются тѣмъ безнадежнымъ праніемъ противъ рожна, какъ это выходитъ по теоріи желѣзнаго закона заработной платы. Но никакое противодѣйствіе рабочихъ не въ силахъ воспрепятствовать постоянному накопленію капитала, постоянному росту промышленной резервной арміи, а, стало быть, также постоянному ухудшенію пролетарскаго классоваго положенія. „Закономъ, постоянно поддерживающимъ равновѣсіе между промышленной резервной арміей и размѣромъ и энергіей накопленія, рабочій сильнѣе приковывается къ капиталу, чѣмъ молотъ Гефеста приковалъ Прометея къ скалѣ. Онъ обусловливаетъ соотвѣтствующее накопленію капитала, накопленіе нищеты. Накопленіе капитала на одномъ полюсѣ является, слѣдовательно, въ то же время накопленіемъ нищеты, страданій, рабства, невѣжества, огрубѣнія и нравственнаго вырожденія на противоположномъ полюсѣ, т. е. на сторонѣ того класса, продукты трудовъ котораго превращаются въ капиталъ“. Вотъ дѣйствительный законъ заработной платы крупно-капиталистическаго общества, какъ его развивалъ Марксъ въ I томѣ „Капитала“, т. е. спустя три года послѣ смерти Лассаля.

Итакъ, если Лассаль, въ свое время устанавливая желѣзный законъ заработной платы, былъ въ правѣ сказать, что это научно неоспоримый законъ, и если не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что онъ вѣрилъ въ правильность его, то къ этому во всякомъ случаѣ нужно еще прибавить, что Марксъ и Энгельсъ уже въ сороковыхъ годахъ указывали на промышленную резервную армію и на вліяніе, оказываемое ею на заработную плату; что они предсказывали безпрестанное впаданіе пролетаріата въ пауперизмъ и что именно на этомъ основаніи они утверждали въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“, что буржуазія неспособна къ господству, потому что она неспособна обезпечить своему рабу существованіе даже въ предѣлахъ его раб-

ства. На эту необезпеченность существованія, такъ невыгодно отличающую положеніе современнаго пролетаріата отъ положенія всѣхъ угнетенныхъ классовъ прежнихъ временъ, Лассаль рѣшительно указывалъ и въ своихъ болѣе позднихъ сочиненіяхъ, напримѣръ въ „Бастіа-Шульце“, его главномъ экономическомъ трудѣ. И если онъ не поднялъ этого вопроса уже въ „Гласномъ Отвѣтѣ“, то это потому, что тутъ онъ хотѣлъ дать „не только то, что абсолютно установлено, но и то, что легко обосновать“. Поэтому онъ совершенно не затронулъ вопроса о томъ, улучшается ли на длительное время положеніе рабочихъ въ современномъ буржуазномъ обществѣ, или ухудшается, и ограничился тѣмъ, что положеніе рабочихъ остается невыносимымъ и въ томъ случаѣ, если принять болѣе благопріятное для капиталистическаго способа производства предположеніе.

И этотъ фактъ также нисколько не затрагивается развитымъ Марксомъ закономъ заработной платы. Совсѣмъ напротивъ! Выражаясь цифровыми примѣрами, желѣзный законъ заработной платы Лассаля говоритъ: капиталистическое общество должно пролетаріату 100, тогда какъ эластическій законъ Маркса говоритъ: нѣтъ, оно должно ему 1000. Сѣтованія буржуазіи на то, что германская соціалъ-демократія отказалась отъ желѣзнаго закона заработной платы, не посыпавъ пепломъ главу, по поводу той „несправедливости“, которую она такъ долго причиняла капиталистическому обществу, благодаря „сбившему ее съ толку“ авторитету Лассаля, лишены всякаго основанія. Болѣе серьезенъ былъ бы упрекъ, что Лассаль, подъ вліяніемъ выводовъ изъ желѣзнаго закона заработной платы, не оцѣнилъ въ достаточной степени значенія для рабочаго класса законодательной охраны труда и профессіональной организаціи, если бы только и этотъ упрекъ не былъ лишенъ содержанія. Профессіональное движеніе еще не было возможно въ Германіи, не

вслѣдствіе теоретическихъ заблужденій Лассаля, а благодаря упорному запрещенію коалиціій со стороны почти всѣхъ германскихъ правительствъ и народныхъ представительствъ. Вымаливать въ этихъ высокихъ инстанціяхъ фабричные законы, вмѣсто того, чтобы вынуждать это у нихъ грознымъ массовымъ движеніемъ, было бы дѣтской игрой, къ которой Лассаль былъ бы неспособенъ и въ томъ случаѣ, если бы онъ дѣйствительно не умалялъ значенія законодательной охраны рабочихъ.

Для тогдашней практики значеніе могли имѣть лишь выводы, которые Лассаль дѣлалъ изъ желѣзнаго закона заработной платы по отношенію къ потребительнымъ товариществамъ. И Лассаль былъ совершенно правъ въ томъ, что желать помочь рабочимъ, какъ потребителямъ, значитъ запрячь лошадей позади телѣги, но какъ ни ограничена эта помощь, она всетаки не такъ призрачна, какъ это утверждалъ Лассаль, опираясь на желѣзный законъ заработной платы. Все же Лассаль ни въ коемъ случаѣ не отклонялъ рабочихъ отъ вступленія въ ассоціаціи Шульце; напротивъ того, онъ рекомендовалъ имъ постоянно пользоваться этимъ средствомъ, поскольку оно въ состояніи оказывать отдѣльнымъ рабочимъ или кругамъ рабочихъ нѣкоторую помощь. Не противъ ассоціаціи, не противъ товарищескаго производства и потребленія, занимавшихъ со временъ Сенъ-Симона центральное мѣсто въ соціализмѣ, обрушивался Лассаль, а только противъ буржуазнаго изуродованія, которому подверглась идея ассоціаціи во время реакціи пятидесятыхъ годовъ. Въ оцѣнкѣ той роли, которую все-таки еще могла сыграть эта идея, Лассаль шелъ скорѣе слишкомъ далеко, чѣмъ наоборотъ, какъ это показываетъ его отзывъ объ англійскихъ и французскихъ рабочихъ ассоціаціяхъ и теплота, съ какой онъ пожималъ руку „отцу и основателю германскихъ товариществъ".

Упомянутое изуродованіе состояло въ томъ, что идея ассоціаціи лишалась ея политической стороны, и

что рабочимъ искренно или злонамѣренно внушалось, что имъ не нужна политическая власть для ихъ освобожденія, но что они могутъ сами помочь себѣ, какъ отдѣльныя личности. Этой „самопомощи" Лассаль противопоставилъ „государственную помощь". Онъ упорно твердилъ рабочимъ, что только какъ политически организованная партія они могутъ добиться выхода изъ пустыни. Это, разумѣется, не являлось самобытнымъ направленіемъ, а только возобновленіемъ пролетарской классовой борьбы, какъ она безсознательно развивалась въ 40-е годы и затѣмъ въ „Коммунистическомъ Манифестѣ" получила всестороннее освѣщеніе, сообразно своему всемірно-историческому значенію. Но именно потому оно не было и плагіатомъ у Бюше или Луи Блана или какого-нибудь другого представителя „такъ называемаго соціализма и коммунизма", строившаго новое общество по какому-нибудь искусному плану, вмѣсто того, чтобы понять, что человѣческое общество представляетъ собой живой организмъ, законы движенія котораго въ данное время надо постигнуть, чтобы можно было ими управлять. Какъ видно изъ общей связи, подъ „такъ называемымъ соціализмомъ и коммунизмомъ" Лассаль подразумѣвалъ ученія всякихъ утопистовъ.

Въ вопросѣ объ ассоціаціяхъ Лассаль раздѣлялъ точку зрѣнія Маркса и Энгельса. Въ 1864 году, послѣ смерти Лассаля, въ торжественномъ адресѣ Интернаціональной Рабочей Ассоціаціи Марксъ писалъ: „Опытъ періода отъ 1848 до 1864 года разсѣялъ всѣ сомнѣнія относительно того, что кооперативный трудъ, какъ бы превосходенъ онъ ни былъ въ принципѣ и полезенъ на практикѣ, пока онъ ограничивается узкимъ кругомъ случайныхъ попытокъ отдѣльныхъ рабочихъ, никогда не въ силахъ будетъ остановить ростъ монополіи въ геометрической прогрессіи, освободить массы или хотя бы замѣтно облегчить тягость ихъ нищеты. Чтобы спасти трудящіяся массы, кооперативный трудъ

долженъ получить національные размѣры и, стало быть, поддерживаться на средства государства". Въ такомъ же духѣ была резолюція, принятая въ 1866 году на Женевскомъ конгрессѣ Интернаціонала и составленная, повидимому, Марксомъ: „Кооперативное движеніе, осужденное исключительно на карликовыя формы развитія, которыя могутъ ему придать своими соединеніями отдѣльные наемные рабочіе, неспособно само по себѣ преобразовать капиталистическое общество. Для превращенія соціальнаго производства въ крупную и гармоническую систему свободнаго и кооперативнаго труда необходимы всестороннія общественныя измѣненія, измѣненія всѣхъ общественныхъ условій, которыя никогда не могутъ осуществиться безъ организованныхъ силъ общества; государственная власть должна быть отнята изъ рукъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ и перейти въ руки самихъ рабочихъ". И производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ находятъ уже свое мѣсто въ „Коммунистическомъ Манифестѣ", гдѣ среди различныхъ мѣръ, которыя долженъ предпринять организованный пролетаріатъ послѣ завоеванія политической власти, называются также централизація кредита въ рукахъ государства и основаніе національныхъ фабрикъ.

Тѣмъ не менѣе, въ этомъ вопросѣ былъ одинъ пунктъ, въ которомъ Лассаль, уклоняясь отъ пониманія современнаго коммунизма, сталъ на точку зрѣнія мелкобуржуазнаго соціализма. Но не въ томъ смыслѣ, что агитаторъ, или, какъ выражается Родбертусъ, „экзотерическій" Лассаль сбилъ съ толку теоретика, или „эзотерическаго" Лассаля, а какъ разъ наоборотъ. Если бы Лассаль исключительно изъ агитаціонныхъ соображеній, изъ всѣхъ многообразныхъ задачъ, возложенныхъ исторіей на диктатуру пролетаріата, выдвинулъ на первый планъ именно производительныя товарищества, то противъ этого въ сущности ничего нельзя было бы возразить. Такъ какъ самъ Шульце-Де-

личъ признавалъ производительныя ассоціаціи „вершиной“ всякихъ рабочихъ ассоціацій, то убѣдительнѣйшимъ возраженіемъ противъ него служило простое указаніе на то, что, несмотря на десятилѣтнія усилія, ему не удалось создать ни одной, — по крайней мѣрѣ ни одной стоющей вниманія,—производительной ассоціаціи. Какимъ бы духовнымъ карликомъ ни былъ Шульце, въ Германіи онъ пользовался репутаціей „короля“ въ области соціальныхъ вопросовъ, и долженъ былъ быть развѣнчанъ при первомъ возникновеніи самостоятельнаго классового движенія германскаго пролетаріата. Для условій того времени характерно то, что Шульце удостоился этого королевскаго званія въ столицѣ Рейнской провинціи и отъ кого? отъ двухъ старыхъ товарищей Маркса: Георга Юнга, сотрудничавшаго въ „Рейнской Газетѣ“, и Генриха Бюргерса, сотрудничавшаго еще даже въ „Новой Рейнской Газетѣ“ и присужденнаго въ процессѣ коммунистовъ къ многолѣтнему заключенію въ крѣпости.

Но Лассаль направилъ вниманіе рабочихъ прежде всего на производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ не изъ агитаціонныхъ цѣлей, или, по крайней мѣрѣ, не исключительно изъ-за нихъ. Онъ хотѣлъ предложить рабочимъ нѣчто практически осязательное и не могъ написать на своемъ знамени свою конечную цѣль — уничтоженіе собственности на землю и капиталъ, не предоставляя этимъ толпѣ своихъ прогрессивно-манчестерскихъ противниковъ желанную для нихъ возможность безъ труда выставить его въ глазахъ совершенно несознательныхъ еще массъ безразсуднымъ мечтателемъ. Такъ какъ Лассаль не могъ еще открыто объявить свою цѣль, то онъ избралъ производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ, какъ средство, носящее всѣ основныя черты цѣли. Косвенно уже въ „Гласномъ Отвѣтѣ“ и непосредственно въ „Бастіа-Шульце“ онъ высказывается въ томъ смыслѣ, что всю работу общества необходимо

производить на общія средства, а продуктъ производства распредѣлять между всѣми участниками, по мѣрѣ потраченнаго каждымъ труда. „Переходнымъ средствомъ, самымъ легкимъ и безболѣзненнымъ переходнымъ средствомъ къ этому являются производительныя ассоціаціи рабочихъ съ государственнымъ кредитомъ... Это никоимъ образомъ не является еще „рѣшеніемъ соціальнаго вопроса“, которое потребуетъ многихъ поколѣній, но представляетъ собою въ этомъ отношеніи органическое зерно, неудержимо толкающее ко всякому дальнѣйшему развитію и заключающее въ себѣ источникъ этого развитія“. А въ примѣчаніи къ этимъ словамъ Лассаль говоритъ, что именно потому, что его переходное средство такъ безболѣзненно и практически выполнимо и заключаетъ въ себѣ, при всемъ томъ, органическій зародышъ всякаго дальнѣйшаго развитія, оно вызвало такой несказанный бѣшеный вой буржуазіи, которая спокойно встрѣтила бы полнымъ молчаніемъ, какъ безопаснаго еретика, если бы онъ выставилъ дальше идущее абстрактное требованіе. Теоретическое изслѣдованіе и практическая агитація которую Лассаль открылъ своимъ „Гласнымъ Отвѣтомъ“, въ одномъ отношеніи подчиняются совершенно противоположнымъ законамъ. Теоретическое изслѣдованіе тѣмъ лучше, чѣмъ полнѣе оно дѣлаетъ всѣ, даже самые послѣдніе и отдаленные, выводы изъ развиваемаго въ немъ принципа. Практическая агитація, напротивъ того, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше она сосредоточивается на исходномъ пунктѣ, изъ котораго затѣмъ вытекаетъ все остальное. Разумѣется, это долженъ быть такой пунктъ, который уже содержитъ въ себѣ всѣ дальнѣйшіе выводы и изъ котораго они должны развиться съ органической необходимостью.

Совершенно такіе же взгляды высказывалъ Лассаль въ своихъ письмахъ къ Родбертусу. Въ нихъ онъ прямо говоритъ, что для него производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ являются

только средствомъ къ цѣли, къ обобществленію производства, и что онъ охотно готовъ послушать Родбертуса, если послѣдній знаетъ лучшее средство для той же цѣли. Лично Лассаль не знаетъ лучшаго средства; онъ убѣжденъ, что государственный кредитъ рабочимъ ассоціаціямъ является тѣмъ мизинцемъ, который, съ послѣдовательностью саморазвивающейся жизни, постепенно, разумѣется, лишь черезъ 100—200 лѣтъ, долженъ привести къ уничтоженію собственности на землю и капиталъ.

Насчетъ добросовѣстности и чистоты мотивовъ, руководившихъ Лассалемъ при требованіи производительныхъ товариществъ съ государственнымъ кредитомъ, такимъ образомъ, нѣтъ надобности еще распространяться. Въ томъ свѣтѣ, въ какомъ ему представлялось это требованіе, онъ имѣлъ полное право на первое время ограничиваться только его популяризаціей. Но при этомъ онъ впалъ въ теоретическое заблужденіе, въ ошибку мелкобуржуазнаго соціализма, полагая, что законы товарнаго производства можно уничтожить на почвѣ товарнаго производства. Если же предпосылкой дѣлать завоеваніе пролетаріатомъ политической власти, то производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ относятся, какъ говоритъ „Коммунистическій Манифестъ", къ „мѣропріятіямъ, въ экономическомъ отношеніи недостаточнымъ и шаткимъ, но которыя въ процессѣ движенія перерастаютъ собственныя рамки и становятся неизбѣжнымъ средствомъ для переворота во всемъ способѣ производства". Иными словами, сами по себѣ онѣ не способны превратить капиталистическій способъ производства въ соціалистическій. Онѣ производятъ товары и, предоставленныя теченію саморазвивающейся жизни, онѣ должны подчиниться господству законовъ товарнаго производства. И если, согласно Бухеру, онѣ создали бы новыхъ собственниковъ, то Родбертусъ думаетъ, что эта новая корпоративная собственность послужитъ для обоб-

ществленія производства еще болѣе трудно преодолимымъ препятствіемъ, чѣмъ индивидуальная собственность капиталистовъ. Правда, на это Лассаль заявлялъ, что онъ вовсе не хочетъ, чтобы и земля, и капиталъ, и произведенные продукты принадлежали рабочимъ, онъ хочетъ общественнаго производства въ томъ смыслѣ, чтобы „продуктъ труда“ каждаго въ отдѣльности составлялъ такую долю во всей общественной производительности, которая опредѣлялась бы отношеніемъ количества труда, потраченнаго каждымъ въ отдѣльности, ко всему количеству труда въ обществѣ. Но поскольку это было его конечной цѣлью, онъ не видѣлъ, что его средство для этой цѣли не годится. „Продуктъ труда“ рабочихъ въ производительныхъ ассоціаціяхъ съ государственнымъ кредитомъ, предоставленныхъ собственному своему развитію, „продуктъ труда“ рабочихъ, которые стали бы „своими собственными предпринимателями“, равнялся бы, какъ говорилъ Родбертусъ, земельной рентѣ + прибыль на капиталъ + заработная плата, и такимъ образомъ, по замѣчанію Бухера, въ химическихъ свойствахъ собственности не произошло бы никакихъ измѣненій.

Можно было бы, пожалуй, подумать, что вопросъ о теоретическомъ заблужденіи Лассаля, въ концѣ концовъ праздный споръ. Стоило бы только рабочимъ, какъ одинаково предполагаютъ и „Коммунистическій Манифестъ“ и „Гласный Отвѣтъ“, завоевать политическую власть, то они очень живо научились бы логикѣ, или логика вещей очень скоро доказала бы имъ, что производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ являются средствомъ для освобожденія ихъ класса только въ смыслѣ „Коммунистическаго Манифеста“, а не въ смыслѣ „Гласнаго Отвѣта“. Тѣмъ не менѣе, ошибка Лассаля имѣла также и практическія слѣдствія. Разъ производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ являлись „органическимъ

зародышемъ всякаго дальнѣйшаго развитія“, то въ концѣ концовъ было безразлично, какое государство посѣетъ это зерно, и такимъ образомъ открывался просторъ для всевозможныхъ реакціонныхъ продѣлокъ. Съ другой стороны, буржуазные противники Лассаля слишкомъ хорошо знали всѣ ходы и выходы капиталистическаго общества, чтобы сразу открыть слабое мѣсто въ его вооруженіи. Въ этомъ пунктѣ они могли бы напасть на него еще сильнѣе, чѣмъ они это сдѣлали въ дѣйствительности, если бы къ ихъ длиннымъ прогрессивнымъ ногамъ не были привѣшены тяжелыя гири. Чтобы раскрыть заблужденіе Лассаля съ такою основательностью, какая была возможна также и для нихъ, именно для нихъ,—они должны были бы откровеннѣе, чѣмъ это имъ представлялось полезнымъ, разоблачить прелести „лучшаго изъ міровъ“. Между тѣмъ они ограничились такими доводами, которые сущности дѣла совершенно не касались или затрагивали ее такъ поверхностно, что Лассалю сравнительно очень легко было справиться съ ними, а это, разумѣется, еще болѣе укрѣпляло его въ его ошибочномъ взглядѣ.

Къ тому же Лассаль былъ слишкомъ яснымъ и строгимъ мыслителемъ, чтобы идея производительныхъ ассоціацій съ государственнымъ кредитомъ могла быть навѣяна на него извнѣ, и чтобы онъ такъ легко могъ отъ нея освободиться. Напротивъ того, она находилась въ тѣсной связи со всѣмъ его экономическимъ міросозерцаніемъ. Лассаль справедливо видѣлъ въ земельный рентѣ и въ прибыли на капиталъ вычетъ изъ произведеннаго продукта, но онъ видѣлъ въ нихъ только „обсчитываніе“ („Uebervorteilung“) рабочаго класса; на образованіе прибавочной цѣнности онъ смотрѣлъ какъ на философско-правовой вопросъ, а не, подобно Марксу, какъ на экономическій фактъ, служащій ключемъ къ пониманію всего капиталистическаго способа производства и призванный совершить переворотъ во всей экономической жизни. Несмотря

на то, что Лассаль всегда стоялъ на почвѣ „Коммунистическаго Манифеста“, онъ все же не порвалъ окончательно связь, прикрѣплявшую его къ домартовскому соціализму. Нѣкоторая склонность къ французскому соціализму проглядываетъ какъ въ „Программѣ Работниковъ“, такъ и въ болѣе позднихъ агитаціонныхъ сочиненіяхъ Лассаля.

Нѣкоторая склонность, которую потому именно не слѣдуетъ игнорировать, что ее часто невѣроятнѣйшимъ образомъ преувеличивали. Лассаль имѣлъ полное основаніе полагать, что его „политико-экономическіе взгляды въ очень значительной степени расходятся со взглядами Луи Блана“; его производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ въ такой степени отличаются отъ соціальныхъ мастерскихъ Луи Блана, что только нѣмецкіе профессора, ужъ на то осужденные, чтобы изъ-за деревьевъ лѣса не видѣть, могли свалить въ одну кучу обѣ эти вещи, отъ чего предостерегалъ уже Альбертъ Ланге въ 1865 году. Лассаль примкнулъ къ французской соціалъ-демократіи 40-ыхъ годовъ, не отказываясь, согласно „Коммунистическому Манифесту“, отъ права критическаго отношенія къ ихъ иллюзіямъ. И онъ дѣйствительно критически преодолѣлъ ихъ иллюзіи, за исключеніемъ того только, что экономическія отношенія все еще облекались для него въ юридическую, философскую и вообще идеологическую одежду. Прибавочная цѣнность въ качествѣ экономическаго рычага перевернетъ капиталистическое общество, но въ качествѣ „обсчитыванія“ рабочихъ она не можетъ быть уничтожена и самымъ идеально просвѣщеннымъ государствомъ. Также и въ своихъ юридическихъ и философскихъ воззрѣніяхъ Лассаль исходилъ совершенно изъ другихъ точекъ зрѣнія и пришелъ къ совершенно другимъ выводамъ, чѣмъ французскіе соціалисты; онъ исходилъ отъ Фихте и Гегеля, какъ Бюше отъ Сенъ-Симона и Бланъ отъ Фурье. Но въ защитѣ производительныхъ асо-

ціаціи съ государственнымъ кредитомъ Лассаль запутался въ рядѣ противорѣчій, напоминающихъ то Бюше, то Блана; не потому, что онъ списалъ у того или другого изъ нихъ, а потому, что всякія попытки разрѣшить одно и то же неразрѣшимое противорѣчіе неизбѣжно должны имѣть нѣкоторое сходство.

Въ связи съ идеологически-схематическимъ пониманіемъ общества и государства находились также неправильные выводы, сдѣланные Лассалемъ изъ прусской статистики доходовъ. Правда, то, что онъ въ сущности хотѣлъ ими доказать, онъ доказалъ, несмотря на безчисленныя возраженія, справедливыя или несправедливыя, какъ противъ его субъективнаго изложенія, такъ и противъ объективной правильности приведенныхъ имъ цифръ. Всѣ добросовѣстныя и недобросовѣстныя выкладки не могли опровергнуть того факта, что въ странахъ съ капиталистическимъ способомъ производства подавляющее большинство населенія живетъ въ болѣе или менѣе жалкихъ условіяхъ, сравнительно незначительное количество — въ болѣе или менѣе сносныхъ, а абсолютно и относительно ничтожный процентъ — въ болѣе или менѣе хорошихъ условіяхъ. По выраженію одной защитительной рѣчи Лассаля, всякая статистика отражаетъ въ себѣ темную участь безчисленнаго большинства, „изъ мрачныхъ, какъ ночь волнъ котораго имущіе выступаютъ лишь какъ отдѣльные столбы какъ будто для того, чтобы показать, какъ темны эти волны, какъ глубока бездна“. Но Лассаль поступалъ совершенно ошибочно, когда изъ своихъ цифръ дѣлалъ выводъ, будто въ теченіе немногихъ лѣтъ 89—96 процентовъ населенія, принадлежащихъ къ бѣднымъ и неимущимъ, можно объединить вокругъ знамени пролетарской освободительной борьбы; и это заблужденіе причинило самому Лассалю самыя горькія разочарованія.

Двѣ совершенно различныя вещи представляетъ собой народъ, который противопоставлялся буржуазіи

французскимъ соціализмомъ 40-хъ годовъ, и современный рабочій классъ, противопоставляемый ей „Коммунистическимъ Манифестомъ“. Лассаль не замѣчалъ сложности организаціи капиталистическаго общества. Онъ упускалъ изъ виду, что наемные рабочіе современной промышленности составляли сравнительно лишь незначительную часть неимущихъ классовъ, и что изъ этой сравнительно незначительной части опять лишь сравнительно незначительная часть пробудилась къ пролетарскому классовому сознанію; что громадное большинство тѣхъ классовъ, изъ которыхъ состояла масса неимущаго населенія, сельскій пролетаріатъ, прислуга, мелкіе крестьяне, мелкіе чиновники, мелкіе ремесленники и часть подмастерьевъ, относились къ освободительной борьбѣ промышленныхъ наемныхъ рабочихъ враждебно или, по меньшей мѣрѣ, безучастно, что міросозерцаніе и мышленіе этихъ различныхъ классовъ обусловливались ихъ особымъ классовымъ положеніемъ и что нужны были еще совершенно другіе перевороты капиталистическаго способа производства для того, чтобы можно было вдолбить имъ въ голову экономическую діалектику, которой имъ до поры до времени нельзя было внушить и самымъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ. Лассаль двигательной силой идеологіи хотѣлъ добиться того, что можетъ быть сдѣлано только силами экономіи. Такимъ образомъ въ „Гласномъ Отвѣтѣ“ не мало односторонностей и слабыхъ мѣстъ, и все-же именно эти односторонности и слабыя мѣста скорѣе усилили, чѣмъ ослабили его непосредственное вліяніе. Желѣзный законъ заработной платы, морально-правовое осужденіе прибавочной цѣнности, статистика доходовъ съ ея краснорѣчивыми цыфрами воспламенили сотни тысячъ горячихъ сердецъ и закалили сотни тысячъ желѣзныхъ рукъ. Я это говорю не для извиненія, а только для объясненія. Если-бы Лассаль пустилъ въ массы спорныя положенія не потому, что считалъ ихъ истинными, а только по-

тому, что они могли оказать дѣйствіе, то онъ не заслуживалъ бы извиненія, но такъ какъ онъ считалъ ихъ истинными, то онъ въ извиненіи не нуждается. И какъ всѣ односторонности и слабыя мѣста „Гласнаго Отвѣта“ вытекаютъ изъ одного источника, а именно изъ того, что Лассаль не зналъ еще развитаго капиталистическаго общества при полномъ дѣйствіи его имманентныхъ законовъ, такъ сильное вліяніе „Отвѣта“ объясняется тѣмъ, что въ Германіи въ то время развитого капиталистическаго общества еще не было. Не было того практическаго масштаба, по которому можно было бы опредѣлить ошибочное въ положеніяхъ Лассаля; по отношенію же къ той обманчивой паутинѣ, которой буржуазія опутывала пролетаріатъ, Лассаль былъ всетаки трижды правъ, даже тамъ, гдѣ онъ, по современному состоянію науки, однажды былъ неправъ. Онъ былъ именно тѣмъ піонеромъ, въ которомъ германскій рабочій классъ при историческихъ условіяхъ того времени нуждался, и потому онъ былъ силенъ даже въ своихъ слабостяхъ.

Да помимо того,—какъ ничтожно число слабыхъ сторонъ „Гласнаго Отвѣта“ по сравненію съ сильными! Уже въ первомъ своемъ планѣ битвы Лассаль далъ рабочему движенію такую широкую и глубокую постановку, которая съ самаго начала преграждала путь всякимъ отклоненіямъ. Онъ придалъ ему характеръ политической классовой борьбы и организовалъ пролетаріатъ такъ, что онъ могъ совершать свои походы и вступать въ битвы только на ровной поверхности современнаго буржуазнаго общества. Разумѣется, долженъ былъ наступить часъ, когда теоретическія односторонности Лассаля оказались тормозомъ на пути поступательнаго движенія, достигшаго классоваго сознанія пролетаріата; но эти препятствія надолго были разрушены массовымъ выступленіемъ батальоновъ, организованныхъ великимъ мыслителемъ и борцомъ. Лассаль не преувеличивалъ, а умалялъ значеніе своей агитаціи,

когда сравнивалъ „Гласный Отвѣтъ“ съ тезисами Лютера противъ индульгенцій. Тезисы воспламеняли быстрѣе и непосредственнѣе, однако они дѣйствовали только какъ искра, брошенная въ открытую бочку съ порохомъ, сильнымъ взрывомъ толкнувъ германскія массы 16-го вѣка въ безпорядочное движеніе. Въ сравненіи съ ними „Гласный Отвѣтъ“ Лассаля является факеломъ, на десятки лѣтъ освѣтившимъ движеніе германскихъ массъ 19-го вѣка и указавшимъ имъ пути и цѣли. Лютеръ самъ былъ пораженъ послѣдствіями своего поступка, Лассаль же вполнѣ ясно сознавалъ, что онъ дѣлалъ. Онъ надѣялся, что его манифестъ вызоветъ въ рабочихъ органически развившееся пониманіе своего экономическаго положенія и укрѣпитъ ихъ противъ всякой лжи, иллюзій и заблужденій. „Весь Манифестъ читается съ такой легкостью, — писалъ Лассаль другу своему, купцу Леве въ Дюссельдорфѣ,—что у рабочаго тотчасъ должно возникнуть чувство, что онъ это давно уже знаетъ, что никто не можетъ болѣе у него отнять это и опровергнуть посредствомъ ложныхъ выводовъ и софизмовъ“ Но тутъ же онъ прибавляетъ: „Возможно, что рабочій классъ вообще еще не созрѣлъ для яснаго пониманія, и если это дѣйствительно такъ, то я, разумѣется, не болѣе какъ мертвецъ, и прогрессистская партія можетъ торжествовать по поводу моего паденія“. Лассаль сдѣлалъ отважную попытку, но его отвага была продиктована не легкомысліемъ или необдуманностью, но великимъ долгомъ передъ исторіей.

Когда Бухеръ и Циглеръ въ послѣдній моментъ хотѣли придти въ его объятія, Лассаль отвѣтилъ имъ: „Агитація среди рабочихъ существуетъ, ей необходимо сообщить теоретическое пониманіе и дать практическій лозунгъ, хотя бы тридцать три раза пришлось положить за это голову“. Этими словами Лассаль обезпечилъ себѣ свое право среди современниковъ и славу у потомства.

7. Первые успѣхи и неудачи.

Лейпцигскій Центральный Комитетъ въ засѣданіи своемъ 17 марта обсуждалъ программное сочиненіе Лассаля и призналъ его 6-ю голосами противъ 4-хъ манифестомъ германскаго рабочаго движенія, несмотря на горячіе протесты Росмесслеря, Дольге и присутствовавшаго въ качествѣ гостя Штрекфуса. Изъ меньшинства два члена соглашались дать лишь условное согласіе, а два другихъ хотѣли просто рекомендовать сочиненіе рабочимъ. Оба они, одинъ изъ нихъ Дольге, вышли изъ Комитета; Росмесслеръ и Винтеръ также сложили свои полномочія. Принявъ манифестъ Лассаля, большинство Центральнаго Комитета отказалось отъ устройства рабочаго конгресса съ Берлинской программой и высказалось за основаніе большого Рабочаго Союза съ программой, развитой Лассалемъ. Этимъ Центральный Комитетъ распустилъ себя. Какъ разъ черезъ день саксонское правительство издало запоздавшее постановленіе отъ 18 марта о томъ, что избранные рабочими собраніями комитеты должны разсматриваться, какъ союзы и подлежатъ закону о союзахъ, согласно которому они не должны входить въ дѣловыя отношенія съ другими союзами.

24 марта Центральный Комитетъ сдалъ свои полномочія общему рабочему собранію, происходившему въ Одеонѣ. И снова Дольге и Росмесслеръ предостерегали собраніе; еще съ большимъ жаромъ, чѣмъ они, говорилъ прогрессистъ Шильдбахъ. Но собраніе 1350 голосами противъ 2-хъ приняло рѣшеніе въ духѣ Лассаля и выбрало новый комитетъ для подготовки организаціи большого рабочаго союза.

Хотя „Гласный Отвѣтъ“ произвелъ впечатлѣніе взрыва бомбы, но одобреніе было гораздо слабѣе протестовъ. Какъ на Лассаля, такъ и на Лейпцигскій Центральный Комитетъ полился потокъ упрековъ. Первую поддержку и тотъ, и другой получили со стороны гам-

бургскихъ рабочихъ, которые, на общемъ рабочемъ собраніи, уже 28 марта одобрили лейпцигскія рѣшенія. Отъ имени этого собранія Перль и Аудорфъ отправили въ Кобургскую Рабочую Газету блестящее заявленіе, въ которомъ безпощадно разоблачали коварную политику буржуазіи по отношенію къ рабочему классу. „Этимъ заявленіемъ,—такъ заканчивали они,—мы протягиваемъ вамъ, смѣлые лейпцигскіе борцы, руку для союза за то, что вы приняли въ вашей программѣ всеобщее и прямое избирательное право, и вы, потрудившіеся, хотя, можетъ быть, и безрезультатно, за осуществленіе всеобщаго германскаго рабочаго конгресса, — примите нашу сердечнѣйшую благодарность. Пусть это наше признаніе вознаградитъ васъ за ту неблагодарность, которая выпала вамъ съ другой стороны. Если покуда и не будетъ достигнуто то, къ чему стремимся одинаково и вы, и мы, — все же хвала вамъ за то, что вы первые дали толчекъ тому движенію, которое, будемъ надѣяться, не заглохнетъ, а дастъ, хотя, можетъ быть, и не скоро, великіе плоды". Кобургская Газета удѣлила этому заявленію въ два столбца мѣсто на своихъ страницахъ, конечно, только съ тѣмъ, чтобы похоронить его въ девяти столбцахъ редакціонныхъ толкованій, которыя, въ туманной путаницѣ мнимой доброжелательности и скрытой ярости, въ заключеніе намекали на дословную перепечатку закона Союзнаго Совѣта 1854 года.

Затѣмъ, рабочее собраніе, происходившее въ Дюссельдорфѣ 11 апрѣля, высказалось за Лассаля; резолюція, посланная имъ въ Лейпцигъ, была собственноручно подписана шестьюдесятью участниками собранія. Въ тотъ же день резолюція въ такомъ же духѣ была принята и рабочимъ союзомъ самообразованія въ Золингенѣ. На слѣдующій день, 12 апрѣля, въ Кёльнѣ состоялся конгрессъ ремесленниковъ и рабочихъ провинціи; въ порядокъ дня была поставлена лейпцигская резолюція. На этомъ конгрессѣ были представи-

тели отъ Кёльна, Дюссельдорфа, Золингена, Эльберфельда и четырехъ болѣе мелкихъ городковъ; представители отъ Золингена привезли съ собой почтовыхъ голубей, чтобы тотчасъ же послать на родину извѣстіе о результатахъ, котораго тамъ ждали съ сильнѣйшимъ напряженіемъ. На этомъ конгрессѣ боролись другъ съ другомъ почти исключительно люди, выступавшіе въ рабочемъ движеніи: Бюргерсъ, Риттинггаузенъ, торговецъ Леви изъ Дюссельдорфа, который уже 15 лѣтъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Лассалемъ, и Гюго Гильманъ. Бюргерсъ за это время превратился въ умѣреннаго прогрессиста и набросился на Лассаля, Риттинггаузенъ относился къ нему свысока, какъ къ человѣку, съ хорошими намѣреніями, но подогрѣвающему старые рецепты и еще не понявшему, что непосредственное народное законодательство является панацеей отъ всѣхъ золъ. Только Леви и Гильманъ энергично вступились за Лассаля и добились въ концѣ концовъ побѣды, хотя только 64 голосами противъ 57. Затѣмъ, 19 апрѣля, къ лейпцигскимъ резолюціямъ примкнулъ еще Вупертальскій рабочій союзъ въ Эльберфельдѣ, подъ предсѣдательствомъ Гильмана.

Вотъ и все; заявленія же противоположнаго характера послѣдовали въ гораздо большемъ числѣ. 20 марта Людвигъ Лёве сообщалъ лейпцигцамъ, что Шульце Деличъ узналъ отъ Штрекфуса относительно рѣшенія 17 марта и прибавилъ: „Шульце взбѣшенъ противъ васъ; — онъ очень хотѣлъ бы удалить Центральный Комитетъ изъ Лейпцига; онъ питаетъ надежду на раздоръ тамъ и даже въ самомъ Комитетѣ и дастъ въ Оффенбахѣ, Пфорцгеймѣ и Нюренбергѣ пароль для агитаціи противъ брошюры Лассаля“.

Нюренбергскій рабочій союзъ также вскорѣ дѣятельно принялся за дѣло и объявилъ 12 апрѣля, что Лассаль —„это наемное орудіе реакціи“; разумѣется, въ глазахъ болѣе дипломатичныхъ представителей буржуазіи это было слишкомъ неуклюжей выходкой? Они,

напротивъ, присоединились къ тѣмъ негодующимъ резолюціямъ просвѣтительныхъ рабочихъ союзовъ, которыя въ апрѣлѣ 1863 г. дюжинами сыпались отъ Штеттина до Карлсруэ,—все въ томъ духѣ, что брошюра Лассаля— „это вздорное произведеніе, на которое не стоило бы и обращать вниманія, если бы необдуманный шагъ такъ называемаго Лейпцигскаго Центральнаго Комитета не вызвалъ въ рабочемъ движеніи такихъ стремленій, которыя „сознательно или безсознательно являются огромной услугой врагамъ всякаго освободительнаго движенія“.

Буржуазія слишкомъ хорошо сознавала свои классовые интересы, чтобы сразу же не понять, что́ ставилось тутъ для нея на карту, и она, не медля ни минуты, по всей линіи мобилизовала свои силы противъ Лассаля. Началась травля, какой еще не видала Германія, и буржуазная пресса съ большимъ успѣхомъ доказала, что она сумѣла превзойти недостойные способы борьбы, помощью которыхъ за десять лѣтъ передъ этимъ ея собственныхъ героевъ преслѣдовали доносчики феодальной прессы.

Сравнительно приличнѣе и достойнѣе другихъ велъ себя Шульце-Деличъ по отношенію къ Лассалю, имѣвшему однако полное право говорить о „жалкомъ отвѣтѣ“ Шульце. На рыцарскій отказъ Лассаля Шульце отвѣтилъ совсѣмъ не по-рыцарски; онъ называетъ Лассаля „шарлатаномъ“ „хвастающимъ“ своими „чудодѣйственными пилюлями“, и въ своемъ самомнѣніи полагаетъ, что нужны „вся дерзость, все полузнаніе господина Лассаля“ для того, чтобы утверждать, что научные авторитеты политической экономіи признавали желѣзный законъ заработной платы. Но Шульце еще настолько милостивъ, что допускаетъ возможность того, что Лассаль является безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ реакціи, и онъ вѣрно излагалъ взгляды Лассаля по крайней мѣрѣ въ томъ, что рабочій классъ долженъ завоевать политическую власть, прежде чѣмъ станутъ возможны великія соціальныя реформы.

Это, разумѣется, не помѣшало ему дѣлать видъ, будто Лассаль хочетъ вовлечь рабочихъ очертя голову въ производительныя товарищества съ государственнымъ кредитомъ и унизить ихъ человѣческое достоинство постыднымъ порабощеніемъ государству. Возможно, что Шульце, который никакъ не могъ выйти изъ своей мелкобуржуазной шкуры, исказилъ безъ всякаго умысла; тогда онъ, во всякомъ случаѣ, благодаря грубому непониманію, лишилъ свою политику остроты какъ разъ тамъ, гдѣ она болѣе всего могла еще уязвить противника.

Онъ правильнѣе Лассаля оцѣнивалъ практическія трудности, стоявшія на пути кооперативной организаціи рабочаго класса Германіи, при тогдашней степени его развитія, и исключительно на этомъ пунктѣ ему надо было остановиться, если онъ вообще хотѣлъ что-либо доказать. Основное же его положеніе, что мелкобуржуазное гешефтмахерство отдѣльныхъ рабочихъ является лучшимъ воспитательнымъ средствомъ для рабочаго класса, чѣмъ его политическое дѣйствіе, было просто смѣшно. Оно не становилось серьезнѣе и оттого, что, по утвержденію Шульце, выходило, будто Лассаль совѣтуетъ рабочимъ сложить руки и только время отъ времени дѣлать взносы въ избирательный фондъ или бросать избирательный листокъ въ урну, и жареные голуби сами полетятъ имъ въ ротъ.

Точно такъ же притуплялъ Шульце свое собственное оружіе, когда нападалъ на производительныя товарищества съ государственнымъ кредитомъ. Какъ практическій знатокъ капиталистическаго общества, онъ понималъ, что подобнаго рода ассоціаціи на почвѣ такого общества также должны подчиняться законамъ конкурренціи,—что имъ придется нести рискъ непланомѣрнаго способа производства, и что онѣ предполагаютъ, стало быть, въ своихъ членахъ такія качества, которыя присущи скорѣе видавшимъ виды биржевымъ волкамъ, чѣмъ революціоннымъ пролетаріямъ. Но

такъ какъ онъ не могъ признать ошибку Лассаля въ томъ, что онъ недостаточно глубоко подошелъ къ корню зла, то ему оставалось только сдѣлать свое замѣчательное открытіе, что капиталистическій рискъ составляетъ сущность всякой человѣческой свободы, всякаго человѣческаго блага. Онъ разсуждалъ: такъ какъ производительныя ассоціаціи, предлагаемыя Лассалемъ, освобождаются государствомъ отъ всякаго риска, то онѣ должны привести къ полной деморализаціи ихъ членовъ, рабочихъ, и къ полной гибели всего производства. Совершенно забывъ свое лучшее прошлое, Шульце заявляетъ, что „такая вещь, какъ предпринимательская прибыль, наукѣ неизвѣстна", то, что называется этимъ именемъ, является во-первыхъ, заработной платой предпринимателя и, во-вторыхъ — преміей за рискъ. Предприниматель, это тотъ рабочій, который производитъ самую большую и самую трудную работу, а потому долженъ получать и болѣе высокую плату, въ то же время ему причитается премія за то, что онъ въ новомъ предпріятіи подвергаетъ риску потери свой капиталъ, — плодъ прежняго труда! Такими назидательными мыслями „король въ соціальной области" побивалъ соціальнаго „шарлатана" Лассаля.

Не менѣе назидательна была и полемика Шульце противъ политической программы Лассаля. Никто лучше его не зналъ, какимъ образомъ еще недавно рабочіе, какъ политическіе илоты, находились въ порабощеніи у прогрессистской партіи и Національнаго Союза, и онъ все-таки осмѣливался говорить, что Лассаль своей критикой прогрессистской партіи оскорбляетъ рабочихъ, которые являются вѣдь „не придаткомъ, а большой существенной частью" этой партіи. Но далѣе онъ указываетъ на то, что самостоятельныя движенія пролетаріата въ 1848 году толкнули „имущіе и образованные классы основательно и безосновательно" въ лагерь реакціи. Этотъ тонкій аргументъ вообще былъ въ то время главнымъ политическимъ козыремъ прогрес-

систской партіи противъ Лассаля, приводился онъ то какъ болѣе или менѣе скрытая угроза, то въ формѣ слезливой Іеремiады. Такъ, Росмесслеръ вопилъ: теперь прусская буржуазія выставлена, наконецъ, противъ королевской власти и юнкерства, но какъ только рабочіе начнутъ свою самостоятельную политику, она немедленно повернется вспять. Эти добряки подтвердили такимъ образомъ то, что Лассаль писалъ Леви при опубликованіи „Гласнаго Отвѣта": „Повѣрьте мнѣ, я дотонкости изучилъ прогрессистскую партію; ея основное положеніе,—„только не революція снизу; ужъ лучше по-прежнему деспотизмъ сверху". Въ этомъ обѣ стороны были согласны. Вопросъ былъ только въ томъ, должна ли была Германія, какъ выразился Лассаль въ одной изъ своихъ судебныхъ рѣчей, въ продолженіе долгихъ лѣтъ биться въ тяжелыхъ судорогахъ только для того, чтобы господа ф. Унру и ф. Винке могли препираться съ королемъ и министрами и воображать себя очень важными людьми. На этотъ вопросъ Лассаль такъ же рѣшительно давалъ отрицательный отвѣтъ, какъ буржуазія — положительный.

Послѣ такихъ выходокъ со стороны Шульце должно показаться страннымъ наше утвержденіе, что онъ изъ всѣхъ противниковъ Лассаля выдѣлялся нѣкоторымъ приличіемъ и умѣніемъ себя держать. Тѣмъ не менѣе это было такъ. Прогрессивныя газеты объявили Лассаля просто безвѣстнымъ невѣждой, который не умѣетъ разбираться въ статистическихъ цифрахъ, который въ перелицованныхъ брюкахъ портного Вейтлинга захотѣлъ воскресить уже въ 1848 году потерпѣвшія крушеніе соціальныя мастерскія Луи Блана, который пережевываетъ давно опровергнутый, протухшій законъ заработной платы Рикардо, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о политической экономіи. Или же еще проще, они объявляли его ренегатомъ, перебѣжчикомъ, желающимъ предать рабочій классъ министерству Бисмарка, подкупленнымъ орудіемъ реакціи. Выдавая Лассалевскую „го-

сударственную помощь“ за чечевичную похлебку, за которую рабочіе должны были продать себя королевской власти и юнкерству, они пытались этимъ возбудить противъ Лассаля и отвлечь, такимъ образомъ, отъ себя тотъ демократическій нервъ пролетаріата, передъ которымъ они сами испытывали священный трепетъ. Когда Лассаль сказалъ, что сотни клоакъ выливаютъ на него каждый день самую неслыханную ложь, измышленія и пошлости, то это было выраженіемъ вполнѣ справедливаго возмущенья.

Къ счастью, ни Лассаль, ни Лейпцигскій Комитетъ не поддались соблазну и не смущались крикомъ. Они изо всѣхъ силъ работали противъ теченія, но въ виду еще несломленнаго вліянія либеральной прессы на рабочія массы, дѣло туго подвигалось впередъ. Нити, которыя они протягивали ко всѣмъ направленіямъ, почти нигдѣ не удерживались, кромѣ полудюжины городовъ, гдѣ „Гласный Отвѣтъ“ немедленно воспламенилъ рабочихъ. „Открытое Письмо“ Родбертуса къ Лейпцигскому Комитету было единственнымъ замѣтнымъ результатомъ первыхъ недѣль. И Родбертусъ подтвердилъ все, что сказано было Лассалемъ для критики буржуазной экономіи; онъ отвергалъ однако не только производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ, но настойчиво предостерегалъ отъ того, что для Лассаля составляло главный рѣшающій вопросъ, отъ политической организаціи рабочаго класса.

Собственно противъ всеобщаго избирательнаго права онъ ничего не могъ возразить, но онъ не хотѣлъ его признавать, какъ онъ выражался, „необходимымъ предварительнымъ условіемъ для рѣшенія соціальнаго вопроса“. Родбертусъ совѣтовалъ рабочимъ не дѣлать политическаго обхода, а прямо конституироваться въ соціальную партію, безъ обиняковъ потребовать лучшаго положенія въ обществѣ: обсуждать въ своемъ новомъ союзѣ, какими путями достигнуть этого лучшаго положенія. Если рабочимъ въ состояніи помочь

только общій законъ, исходящій отъ государственной власти, то все же этотъ законъ долженъ быть данъ самымъ мирнымъ путемъ, съ согласія всѣхъ остальныхъ классовъ.

Безъ сомнѣнія, Родбертусъ искренно думалъ, что его совѣтъ вытекалъ изъ тѣхъ убѣжденій, которыхъ онъ держался въ продолженіе цѣлыхъ 20 лѣтъ. И его „Открытое Письмо", въ которомъ онъ прямо въ лицо прогрессистамъ разоблачалъ манчестерское шарлатанство, было во всякомъ случаѣ благороднымъ поступкомъ. Но агитаціи Лассаля этотъ помощникъ давалъ одной рукой то, что отнималъ другой. Горячая переписка, которую они вели въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, не сблизила ихъ ни на шагъ, несмотря на всѣ симпатіи, которыя они питали другъ къ другу. Такъ какъ Родбертусъ былъ очень остороженъ и сдержанъ на счетъ своей государственно-соціалистической утопіи, то Лассаль никогда не зналъ вполнѣ, какія рѣзкія разногласія ихъ раздѣляли, какое непреодолимое отвращеніе питалъ утопистъ Родбертусъ къ политической классовой борьбѣ пролетаріата. Лассаль долго надѣялся, что своимъ бурнымъ краснорѣчіемъ и обходительностью ему удастся совершенно склонить на свою сторону „кроткаго компаньона", и, когда всѣ старанія его оказались тщетными, онъ, изрядно смущенный, порвалъ съ нимъ связь. Родбертусъ, по крайней мѣрѣ въ своемъ смыслѣ, правдиво и ясно высказалъ свои убѣжденія; другіе же запросы Лейпцигскаго Комитета достигли еще меньшаго результата. Бухеръ пока упорно отмалчивался, а Вуттке отвѣтилъ простымъ изъявленіемъ сочувствія, которое хотя и свободно было отъ тѣхъ оговорокъ, которыя дѣлалъ Родбертусъ, но зато свободно было также и отъ той глубоко захватывающей, суровой критики, которой Родбертусъ подвергъ фритредерскую прогрессистскую политику.

Лассаль самъ пошелъ на встрѣчу желанію Комитета написать проектъ устава образующагося новаго

союза и предложилъ его лично лейпцигскимъ рабочимъ. На большомъ собранiи, имѣвшемъ мѣсто 16 апрѣля, онъ отвѣтилъ на возраженiя, которыя дѣлались противниками противъ его „Гласнаго Отвѣта“. Неопровержимыми цитатами изъ Адама Смита, Рикардо, Стюарта Милля, Сея, Рошера онъ доказалъ, что буржуазная политическая экономiя въ лицѣ своихъ самыхъ видныхъ представителей признавала желѣзный законъ заработной платы. Онъ разоблачилъ ложь, будто нацiональныя мастерскiя, которыя устроило временное правительство французской республики въ 1848 году, въ враждебномъ рабочему классу духѣ, однородны съ соцiальными мастерскими Луи Блана или его собственными производительными ассоцiацiями. Онъ совершенно разбилъ ученiе, согласно которому государство не должно вмѣшиваться въ хозяйственныя отношенiя и показалъ его несостоятельность именно на исторiи Англiи, на мнимый прообразъ которой особенно охотно ссылались нѣмецкiе фритредеры. Когда, благодаря американской междоусобной войнѣ, разразился хлопчатобумажный кризисъ, онъ вызвалъ большую нужду въ англiйскихъ, а также и нѣмецкихъ ткацкихъ округахъ, и Лассаль могъ сослаться на то, что какъ разъ англiйскiе манчестерцы громко кричали, взывая къ государственному вмѣшательству, чтобы удержать оставшихся безъ куска хлѣба рабочихъ отъ эмиграцiи. Ссылаясь на Родбертуса, Лассаль обращалъ особенное вниманiе на высоко цивилизаторскiй характеръ своей агитацiи, которая стремится вполнѣ мирнымъ путемъ снять оковы съ ногъ рабочихъ, предостерегалъ отъ ненависти и презрѣнiя къ буржуазiи, которая сама является невольнымъ продуктомъ господствующихъ экономическихъ отношенiй, но, въ отличiе отъ Родбертуса, онъ заявлялъ себя радикальнымъ демократомъ, который нападаетъ на прогрессистскую партiю только потому, что она оказалась неспособной нанести рѣшительный ударъ реакцiи, который поддерживаетъ прогрессистскую пар-

тію постольку, поскольку она выступаетъ противъ реакціи, который хочетъ вывести ее изъ ея нерѣшительнаго положенія и толкать дальше впередъ. Рѣчь эта имѣла рѣшающее вліяніе; 1300 голосовъ противъ 7 стали на сторону Лассаля. Его проектъ устава былъ напечатанъ и распространялся съ такимъ же усердіемъ какъ и его „Гласный Отвѣтъ"; учредительное собраніе новаго союза сначала предполагалось назначить на іюнь, а затѣмъ рѣшено было устроить его 23 мая.

Но уже черезъ 3 дня послѣ лейпцигскаго собранія, 19 апрѣля, послѣдовало сильное обратное движеніе. Рабочее собраніе въ Берлинѣ высказалось противъ Лассаля. Оно было созвано вожаками прогрессивной партіи, на которомъ, по даннымъ этой партіи, оспариваемымъ другой стороною, присутствовало 1200 рабочихъ Предсѣдательствовалъ наборщикъ Диттманъ, а служащій Борзига, по имени Гаазе, читалъ докладъ о спорѣ между Лассалемъ и Шульце-Деличемъ. Повидимому, болѣе извѣстные представители прогрессивной партіи все-таки стыдились лично взять на себя ту роль, которую долженъ былъ въ ихъ интересахъ сыграть этотъ неизвѣстный дотолѣ Гаазе. Къ „господину Лассалю" онъ относился, какъ къ какому-то „случайному дураку", государственную помощь назвалъ покушеніемъ на свободу личности и общественную нравственность, что особенно красиво звучало въ устахъ служащаго фирмы Борзигъ, поднявшейся благодаря самой щедрой государственной помощи, и опровергъ желѣзный законъ заработной платы такимъ возгласомъ негодованія: скромный нѣмецъ, который пожелаетъ жениться на скромной нѣмецкой дѣвушкѣ, призадумается еще надъ тѣмъ, составляетъ ли его ежедневная заработная плата на одинъ зильбергрошъ больше или меньше! Далѣе, этотъ милый передовой боецъ прогрессистской партіи выразилъ мнѣніе, что хотя Лассаль и оправданъ рейнскими присяжными по обвиненію въ кражѣ шкатулки,

но вѣдь извѣстно, что даже опытнѣйшіе юристы не справились бы съ „господиномъ Лассалемъ“, а кромѣ того, „еще не выяснено, какое участіе принималъ Лассаль въ судьбѣ одной дамы, надъ которой недавно по-сосѣдству съ нимъ совершено было убійство изъ-за 23—25 талеровъ“. Все это нафанатизированная толпа встрѣтила криками ура. Понятно еще было, когда Эйхлеру, пожелавшему еще разъ воспользоваться случаемъ для своей реабилитаціи, кричали „долой съ трибуны!“, но и демократъ Людвигъ Леве, который вовсе не хотѣлъ защищать теоріи Лассаля, а хотѣлъ только заступиться за нравственную личность его отъ заподозрѣваній докладчика, былъ вынужденъ замолчать подъ вліяніемъ такихъ убѣдительныхъ аргументовъ какъ: „Бей его!“ и „вонъ!“ Предложенная врачомъ Эйснеромъ, дѣйствительнымъ приверженцемъ Лассаля, резолюція, предлагающая собранію не принимать пока рѣшенія по соціальному вопросу, но высказаться по крайней мѣрѣ за всеобщее избирательное право,—полетѣла, просто-на-просто, подъ столъ. Напротивъ, такъ называемый народный судъ осудилъ Лассаля, обманщика народа, а берлинскія газеты громко трубили по всему свѣту объ этомъ высоко-культурномъ поступкѣ.

Эта отвратительная комедія вывела Бухера изъ его трусливой сдержанности. Ссылаясь на нее, онъ писалъ на слѣдующій день Лейпцигскому Комитету, что инцидентъ въ Берлинѣ съ терроризированіемъ присутствующихъ и введеніемъ въ заблужденіе отсутствующихъ вдвойнѣ дѣлаетъ необходимымъ раскрыть карты. Онъ обѣщалъ прочитать докладъ въ Лейпцигѣ, чтобъ доказать, что ученіе Манчестерской школы, будто государство должно заботиться только о личной безопасности гражданъ, предоставивъ все остальное своему собственному свободному теченію, не выдерживаетъ критики какъ науки, такъ исторіи и практики. Но едва только это письмо было опубликовано, какъ буржуазія потянула за веревку, которую она обвила вокругъ шеи Бухера

26 апрѣля Бухеръ уже писалъ Лассалю, что письмо въ Лейпцигскій Комитетъ доставило ему „очень серьезныя осложненія“, „что онъ вынужденъ отказаться отъ дружественныхъ отношеній съ Лассалемъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ можетъ попасть въ такія условія, которыя его запутаютъ“. Онъ обѣщалъ, поскольку это будетъ необходимо, просто признаться, что онъ отступилъ въ сознаніи своей слабости. По отношенію къ Лейпцигскому Комитету Бухеръ отдѣлался обѣщаніемъ вмѣсто доклада, который не можетъ исчерпать вопроса, доставить небольшую статью, которую онъ уже началъ писать, но которой онъ никогда не опубликовалъ. Такимъ образомъ Бухеръ совершенно устранился отъ движенія. Впослѣдствіи онъ опять завязалъ личныя отношенія съ Лассалемъ, но онъ никогда больше, какъ документально доказано, не пріобрѣлъ вліянія на политическія рѣшенія Лассаля. Съ чисто человѣческой точки зрѣнія, Лассаль признавалъ, что, повидимому, главная доля вины Бухера падаетъ на инквизиторскіе таланты буржуазіи. Всегда самый вѣрный другъ своихъ друзей и слишкомъ большой идеалистъ, чтобы быть хорошимъ знатокомъ людей, онъ до самаго конца оказывалъ этому слабому человѣку большое личное и, къ сожалѣнію, очень плохо оплачиваемое довѣріе.

8. Франкфуртскій конгрессъ.

На другой день послѣ берлинскаго собранія Лассаль помѣстилъ въ „Народной Газетѣ“ письмо, въ которомъ онъ заявлялъ, что два его знакомыхъ, которые по его порученію должны были объявить о его готовности изложить передъ берлинскими рабочими свои предложенія, если бы они этого пожелали, другими словами, если бы они пожелали его спокойно выслушать, не получили даже слова. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лассаль повторилъ свое предложеніе говорить въ Берлинѣ, если только опять-таки рабочіе пожелаютъ его

слушать. Но прогрессистскіе вожди слишкомъ боялись этого опаснаго эксперимента, чтобы допускать его. Однако, то, что для нихъ благополучно сошло въ Берлинѣ, не удалось во Франкфуртѣ на М. Того же 19 апрѣля, когда берлинское рабочее собраніе совершенно убило агитацію Лассаля для восточной Германіи, рабочій конгрессъ въ Редельгеймѣ долженъ былъ рѣшить тотъ же вопросъ для западной Германіи. Хотя просвѣтительныя общества рабочихъ Майнгаускаго союза въ большинствѣ своемъ высказались противъ Лассаля, но Зоннеманнъ и Максъ Виртъ считали умѣстнымъ, чтобы союзъ, какъ таковой, лишній разъ предалъ Лассаля анаѳемѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно внесенному ими предложенію, комитетъ Майнгаускаго округа долженъ былъ парализовать Лейпцигскій Комитетъ, проводя прежнюю, принятую въ Оффенбахѣ, резолюцію и централизуя просвѣтительныя общества рабочихъ въ прогрессистско-манчестерскомъ духѣ. Для этой цѣли въ Редельгеймѣ былъ созванъ рабочій конгрессъ, на которомъ собралось довольно много представителей; отъ просвѣтительныхъ обществъ рабочихъ Ганау, Майнца, Оффенбаха, Франкфурта, Боккенгейма, Рюссельсгейма, Дармштадта и Остгофена было около 200 делегатовъ.

Но въ хитросплетенномъ разсчетѣ оказалась прорѣха или даже цѣлыхъ двѣ. Во-первыхъ, не всѣ председатели собравшихся въ Редельгеймѣ просвѣтительныхъ обществъ рабочихъ плясали по дудкѣ заправилъ. Людвигъ Бюхнеръ, руководившій Дармштадскимъ рабочимъ просвѣтительнымъ обществомъ и Теодоръ Мюллеръ, вождь Франкфуртскаго не проявляли склонности безъ разсужденій клясться Зоннеманомъ и Максомъ Виртомъ. Оба они имѣли лишь очень слабое понятіе о Лассалѣ, какъ объ экономистѣ и политикѣ, личность же его ихъ скорѣе отталкивала, чѣмъ привлекала.

Но они были слишкомъ образованы и слишкомъ честно относились къ стремленіямъ рабочихъ къ

образованію, чтобы не отнестись съ осужденіемъ къ травлѣ Лассаля прогрессистской партіей.

Теодоръ Мюллеръ, умершій 2 года спустя отъ чахотки, не былъ человѣкомъ борьбы; напротивъ, это была мягкая и кроткая, но притомъ очень стойкая въ вопросахъ чести натура; онъ препятствовалъ руководимому имъ союзу выступать противъ Лассаля, открыто осуждалъ тѣ коварные пріемы, посредствомъ которыхъ хотѣли окончательно отдѣлаться отъ Лассаля. Точно такъ же велъ себя и Людвигъ Бюхнеръ въ качествѣ докладчика на конгрессѣ въ Редельгеймѣ. Могучій голосъ боевого призыва Лассаля отталкивалъ его; въ разрывѣ между буржуазіей и пролетаріатомъ онъ видѣлъ большую опасность для стремленій рабочихъ къ образованію, у него имѣлся цѣлый рядъ по большей части основанныхъ на невѣжествѣ возраженій противъ предложеній Лассаля. Но онъ все-таки объективно излагалъ эти предложенія; онъ предостерегалъ рабочихъ не поддаваться запугиванію громкими фразами о соціализмѣ и коммунизмѣ и рекомендовалъ имъ очень серьезно разобраться въ „Гласномъ Отвѣтѣ". Лассаль во всякомъ случаѣ проявилъ любовь къ народу и заслуживаетъ тѣмъ большей признательности, что, въ интересахъ хорошаго дѣла, подвергалъ себя всевозможнымъ опасностямъ и непріятностямъ. Ошибка его, можетъ быть, только въ томъ, что онъ хочетъ однимъ ударомъ достигнуть того, для чего требуется подготовка въ теченіе цѣлыхъ столѣтій и ужъ, навѣрно, десятилѣтій.

Во-вторыхъ, среди собравшихся въ Редельгеймѣ рабочихъ господствовало очень упорное настроеніе противъ національнаго Союза. Тутъ было еще болѣе острое противорѣчіе, чѣмъ то, которое вообще имѣло мѣсто между великогерманскими теченіями южной Германіи и малогерманской программой Національнаго Союза. Современная промышленность въ Майнгау далеко еще не настолько сильно была развита, чтобы уже

пробудить въ рабочихъ массахъ пролетарское классовое сознаніе; да и самъ Франкфуртъ былъ только денежнымъ, но никакъ не фабричнымъ городомъ. Все же этотъ городъ, начиная съ 1848 года, считался идейной столицей Германіи; онъ былъ любимой ареной для всевозможныхъ празднествъ и конгрессовъ; здѣсь бился сильнѣе всего пульсъ тогдашней политической жизни или, по крайней мѣрѣ, здѣсь она производила больше всего шуму. Какъ въ мѣстахъ, гдѣ въ 1848 году рабочее движеніе достигло извѣстной высоты, на Рейнѣ, въ Гамбургѣ, въ Лейпцигѣ, вновь ожили соціалистическія традиціи, такъ въ юго-западной Германіи ожили мелкобуржуазныя традиціи Баденско-пфальцскаго возстанія. Національный Союзъ вообразилъ сначала, что онъ сможетъ играть съ этимъ огнемъ; на общемъ собраніи, устроенномъ имъ въ 1861 году въ Гейдельбергѣ, было принято рѣшеніе учредить общества обороны съ привлеченіемъ „подходящихъ спеціалистовъ", и одновременно съ этимъ устроить сборы на постройку германскаго военнаго флота и собранную сумму передать прусскому правительству, чтобы, волей или неволей, приковать прусскую корону къ дѣлу германскаго единства. Безстрашная буржуазія праздновала эти рѣшенія, въ видѣ сцены въ нѣмецкомъ шансонетномъ театрѣ, само собой разумѣется, съ той молчаливой оговоркой, что господинъ ф. Беннигсенъ, въ качествѣ Мирабо Люнебургскаго луга, никогда не поставитъ себя въ такое положеніе, чтобы подражать непокорству своего французскаго прообраза.

Но тутъ опять повторилась исторія съ курицей, которая высидѣла утиныя яйца. Постановленіе Національнаго Союза вызвало среди мелко-буржуазной молодежи юго-западной Германіи большое количество обществъ стрѣлковъ, гимнастическихъ обществъ и обществъ обороны, которыя слишкомъ много знали о „Картечномъ принцѣ", чтобъ воображать, будто посредствомъ подачекъ можно заставить прусское правитель-

ство стать во главѣ борьбы за германское единство, но которыя брали хорошее вездѣ, гдѣ его находили, и охотно послѣдовали совѣту Національнаго Союза привлекать „подходящихъ спеціалистовъ" для своего развитія и вооруженія. Такого спеціалиста они нашли въ лицѣ Рюстова, который подалъ имъ практическій совѣтъ, что обществамъ обороны прежде всего нужно оружіе. Общества обороны прекрасно поняли это; они все болѣе ободрялись, и въ 1862 году на Франкфуртскомъ праздникѣ стрѣлковъ нѣкоторые изъ нихъ дали клятву въ слѣдующемъ же году понести помраченное знамя „покинутаго братскаго народа" противъ датскаго угнетателя. Какъ дѣтски наивна ни была эта клятва, и какъ ни ошибочно было мнѣніе Рюстова, что хозяйничанье прогнившаго Союзнаго Совѣта въ Германіи можно и должно устранить тѣми же средствами, какъ такое же хозяйничанье Бурбоновъ въ Южной Италіи, все же движеніе это свидѣтельствовало о стремленіи выйти, наконецъ, изъ болота пустой болтовни. Мимолетный интересъ удѣлилъ этому движенію и Лассаль, снабдивъ лѣтомъ 1862 года рекомендательнымъ письмомъ къ Марксу капитана Швейгерта, служившаго когда-то годъ подъ начальствомъ Гарибальди и Рюстова, а теперь ѣхавшаго въ Англію собрать деньги для пріобрѣтенія нѣсколькихъ тысячъ ружей для обществъ обороны. Однако то, что въ обществахъ обороны могло, пожалуй, интересовать серьезныхъ людей, вожаковъ Національнаго Союза повергло въ паническій ужасъ. Всѣ органы прессы, находившіеся подъ ихъ командой, получили приказъ горячо возставать противъ стремленій „незрѣлой молодежи" въ стрѣлковыхъ гимнастическихъ обществахъ и обществахъ обороны заниматься политикой; но ей свободно предоставлялось заниматься физическими упражненіями и пожалуй еще тѣмъ безалабернымъ пьянствомъ, отъ котораго тупѣетъ „образованная молодежь" высшихъ школъ. До открытаго разрыва дѣло дошло осенью 1862 года, на

конгрессѣ делегатовъ обществъ обороны въ Гейдельбергѣ, на которомъ присутствовали Рюстовъ и нѣкоторые главари Національнаго Союза. Рюстовъ требовалъ, чтобы деньги, собранныя на постройку германскаго военнаго флота, были обращены на пріобрѣтеніе оружія; отдать ихъ прусскому правительству означаетъ, по его словамъ, „измѣну разуму". Бывшіе на собраніи государственные мужи изъ Національнаго Союза потребовали, чтобы „оскорбительное" слово было взято назадъ, и, когда Рюстовъ отказался, они поспѣшно удалились. Вскорѣ послѣ этого Національный Союзъ на своемъ общемъ собраніи въ Кобургѣ еще разъ выразилъ свое платоническое сочувствіе „патріотическимъ стремленіямъ" стрѣлковыхъ гимнастическихъ обществъ и обществъ обороны, но отклонилъ „всѣ дальше этого идущія предложенія" съ той осторожностью, которая для него всегда была лучшею частью храбрости. Эти и аналогичныя имъ происшествія вызвали въ „незрѣлой молодежи" юго-западной Германіи настроеніе, получившее вполнѣ опредѣленное выраженіе на рабочемъ конгрессѣ въ Редельгеймѣ. Рѣчь Бюхнера была встрѣчена съ большимъ одобреніемъ, и когда затѣмъ Зонneманнъ, Максъ Виртъ и другіе воители изъ Національнаго Союза разразились противъ Лассаля, рабочіе отвѣтили очень хладнокровно, что нападать на себя врасплохъ они уже давно перестали позволять. Столяръ Гейманъ изъ Франкфурта сказалъ, что господамъ не мѣшало бы поумѣрить свой пылъ, такъ какъ, какими умниками они бы себя ни считали, они все-таки могли бы еще кой-чему поучиться у Лассаля, а часовой мастеръ Шеплеръ изъ Майнца прибавилъ, что за Лассалемъ, по крайней мѣрѣ, та заслуга, что онъ встряхнулъ нѣмцевъ отъ вѣчнаго полусна Національнаго Союза. Горячіе дебаты показали режиссерамъ, затѣявшимъ народный судъ, что они на этотъ разъ слишкомъ поторопились поднять занавѣсъ. Они поспѣшили скрыть свое огорченіе и покориться обстоятельствамъ.

Зонneманъ взялъ назадъ свои предложенія, направленныя къ уничтоженію Лассаля, и съ хорошо разыграннымъ негодованіемъ спросилъ, можно ли такихъ безупречно честныхъ людей, какъ онъ и его единомышленники, считать способными къ нападенію врасплохъ. Не разрѣшая этого щекотливаго вопроса, рабочій конгрессъ принялъ рѣшеніе пригласить Лассаля и Шульце-Делича на новый конгрессъ, который долженъ быть созванъ 17 мая во Франкфуртѣ на Майнѣ.

Шульце отклонилъ это приглашеніе подъ предлогомъ занятій въ парламентѣ; врядъ ли потому, что считалъ не стоющимъ труда вступать въ дебаты съ Лассалемъ, а гораздо вѣроятнѣе потому, что онъ, вполнѣ основательно, боялся слишкомъ близко подойти къ острому клинку Лассаля. Лассаль же, наоборотъ, тотчасъ далъ свое согласіе, несмотря на то, что всѣ друзья отговаривали его принять сраженіе въ такомъ мѣстѣ, гдѣ заранѣе всѣ стихіи будутъ направлены противъ него. Онъ правильно оцѣнилъ положеніе вещей. Онъ знаетъ очень хорошо, писалъ онъ Родбертусу, что такіе словесные поединки ничего не рѣшаютъ, но въ виду того способа, какимъ использована была противъ него комедія съ рабочими въ Берлинѣ, ему необходимъ большой шумъ. Онъ хочетъ встряхнуть своей старой революціонной гривой и сдѣлать все, чтобы побѣдить. Неблагопріятныя условія борьбы только увеличатъ его торжество, а, въ худшемъ случаѣ, пораженіе будетъ не столь острымъ. Значительно способствовало принятію Лассалемъ приглашенія и то обстоятельство, что поворотъ въ его пользу, который наполовину произошелъ въ Редельгеймѣ, былъ вызванъ не столько экономическими, сколько политическими побужденіями. Молва о его реакціонныхъ замыслахъ, эта клевета прогрессистовъ, больше всего вредила ему среди рабочихъ. Она становилась тѣмъ болѣе опасной, что реакціонная пресса стала обнаруживать теперь подозрительный интересъ къ его агитаціи.

Борьба, въ которой демократическіе майнгаускіе рабочіе наградили бы его вѣнкомъ побѣдителя, могла бы дать останавливавшемуся движенію могучій толчекъ. Но и помимо этого Лассалю во всѣхъ отношеніяхъ нуженъ былъ большой шумъ. Его рѣчи о конституціи „Гласный отвѣтъ", Лейпцигская рѣчь, судебныя рѣчи въ его процессѣ изъ-за „Программы работниковъ" содержали обильный, самый поучительный и захватывающій агитаціонный матеріалъ; самый небольшой изъ этихъ трудовъ открывалъ все-таки возможность для болѣе глубокаго уразумѣнія сущности общества и государства, чѣмъ это въ состояніи была сдѣлать вся премудрость прогрессистской партіи. Тѣмъ не менѣе, какъ мастерски ни умѣлъ Лассаль дѣлать удобопонятными труднѣйшіе вопросы, все же его борьба путемъ брошюръ и рѣчей была борьбой тяжеловооруженнаго съ безчисленнымъ легковѣснымъ сбродомъ, который, каждый день приступалъ къ нему съ новыми нападками. При всей неистощимой его работоспособности, его пушечные удары раскатывались черезъ размѣренные промежутки времени и затихали, такимъ образомъ, среди треска ружейнаго огня, который ежедневно направляла на него прогрессистская пресса.

Для подобной партизанской войны у Лассаля не хватало вооруженія. Въ одномъ или двухъ случаяхъ ему удалось заставить своихъ противниковъ принять его возраженія на ихъ нападки: въ „Фоссовой Газетѣ" (Vossische Zeitung) онъ разсчитался со старымъ Рау, за всѣ его „но" и „если", при помощи которыхъ этотъ профессорскій авторитетъ пытался оспаривать желѣзный законъ заработной платы, въ дѣйствительности же только подкрѣплялъ его. Единственной либеральной газетой, принимавшей статьи Лассаля съ нѣкоторой готовностью, была лейпцигская „Всеобщая Нѣмецкая Газета" (Deutsche Allgemeine Zeitung), издатель которой, Брокгаузъ, напечаталъ „Систему пріобрѣтенныхъ правъ". Лассаль воспользовался этой предоста-

вленной ему не изъ политическаго сочувствія, а изъ личнаго одолженія и потому совершенно недостаточной трибуной именно для того, чтобы документально возстановить истину о французскихъ національныхъ мастерскихъ 1848 года, которыя его противники, въ своемъ грубомъ невѣжествѣ или намѣренно искажая, не переставали выставлять на видъ, какъ устрашающіе прообразы его производительныхъ ассоціацій съ государственнымъ кредитомъ. Помимо этого къ услугамъ Лассаля были еще нѣкоторыя мелкія и мало читаемыя мѣстныя газеты, которыя либо,—какъ „Nordstern“ въ Гамбургѣ, „Fränkische Volkszeitung“ въ Нюренбергѣ, „Zeitgeist“ въ Лейпцигѣ,—находились уже при послѣднемъ издыханіи, либо,—какъ Volksfreund“ во Франкфуртѣ, „Schwäbische Volkszeitung“ въ Штуттгартѣ и „Gradaus“ въ Эсслингенѣ,—пытались тянуть дальше свое жалкое существованіе путемъ полусочувствія рабочимъ.

Съ такими слабыми публицистическими средствами нельзя было бороться съ соединенными силали либеральной печати, которая мало безпокоилась, если Лассаль морально разбивалъ того или другого изъ ея среды.

У буржуазіи никогда не бываетъ недостатка въ новыхъ наемныхъ писателяхъ, которые охотно приносятъ въ жертву свою легковѣсную честь за тяжеловѣсное золото. Тѣмъ болѣе для Лассаля было важно добиться рѣшительнаго успѣха въ самомъ лагерѣ противниковъ, такъ какъ тогда его нельзя будетъ уничтожить никакою ложью.

Такимъ образомъ, какъ безъ особеннаго преувеличенія выразился Бюхнеръ, взоры половины Германіи были обращены на рабочій конгрессъ, засѣдавшій 17 мая во Франкфуртѣ на М.

Майнгаускій комитетъ принялъ всѣ мѣры, чтобы заранѣе обезпечить пораженіе Лассаля. Съ Франкфуртскимъ просвѣтительнымъ обществомъ рабочихъ

хлопоты становились все болѣе и болѣе трудными; предсѣдатель его, Теодоръ Мюллеръ, никакъ не поддавался, а среди членовъ велъ устную и письменную агитацію въ пользу Лассаля вернувшійся недавно изъ Англіи Бернгардъ Беккеръ, скрывшійся туда въ 1848 году. Тогда, въ качествѣ противовѣса, быстро было организовано нѣсколько новыхъ союзовъ изъ зависимыхъ рабочихъ, которые въ рѣшительный день обильными возліяніями были воспламенены на борьбу за святое дѣло капитала. Нижнее помѣщеніе залы, гдѣ должны были происходить дебаты, было отгорожено для членовъ просвѣтительныхъ обществъ рабочихъ, которые, въ большей своей части, уже голосовали противъ Лассаля, а одинъ изъ товарищей по редакціи Зоннемана позаботился, въ качествѣ приставленнаго слѣдить за порядкомъ, о томъ, чтобы ни одинъ козелъ не затесался среди овецъ. Всѣ рабочіе, не принадлежавшіе къ союзу, должны были отправиться на галлереи безъ права голоса, но съ обязательствомъ платить по 6 крейцеровъ съ человѣка для покрытія расходовъ по устройству конгресса. Далѣе пятнадцать ораторовъ уже раньше, какъ говоритъ Бюхнеръ, записались въ списокъ ораторовъ, чтобы, какъ только Лассаль кончитъ, „уничтожить" его испытанными тирадами прогрессистской партіи.

Разумѣется, Майнгаускій комитетъ имѣлъ формальное право организовать созванное имъ собраніе такъ, какъ ему было угодно, но, по существу, Лассаль былъ правъ, когда говорилъ, что Зоннеманъ, Виртъ и К° не могли изъ своего формальнаго права сдѣлать менѣе лойяльное употребленіе.

Разумѣется, его не такъ то легко было провести; онъ обезпечилъ себя настолько, насколько считалъ необходимымъ, и взялъ съ Бюхнера обѣщаніе, что ему дадутъ говорить, сколько онъ пожелаетъ, не прерывая его. На слово Бюхнера онъ могъ положиться, а больше ему и не надо было: онъ вѣрилъ въ свое дѣло и въ свою

звѣзду. Его большая рѣчь, какъ нельзя лучше, подходила къ данному моменту. Бѣдная новыми мыслями, представлявшая собой, по большей части, лишь дальнѣйшее развитіе и обоснованіе того, что Лассаль уже сказалъ въ своемъ „Гласномъ отвѣтѣ“ и въ Лейпцигской рѣчи, рѣчь его была богата блестящими оборотами, которые должны были привлечь заблудившихся слушателей и обезоружить коварныхъ враговъ. Въ самомъ началѣ своей рѣчи Лассаль озадачилъ собраніе указаніемъ на то, что Максъ Виртъ въ одномъ, съ позволенія сказать, „научномъ“ трудѣ самъ призналъ неоспоримой истиной тотъ самый желѣзный законъ заработной платы, который этотъ честный человѣкъ вотъ уже нѣсколько недѣль предаетъ анаѳемѣ, какъ недостойное заблужденіе. „Вы видите, милостивые государи, наемный рабочій для меня нѣчто очень достойное уваженія, но наемный писатель—это ужъ совсѣмъ другое дѣло“.

Съ ядовитой насмѣшкой Лассаль прибавилъ, что онъ не читалъ упомянутаго произведенія Макса Вирта: онъ „невольно швырнулъ его въ сторону, перелиставъ нѣсколько страницъ при появленіи его на свѣтъ и тотчасъ узнавъ лишеннаго самостоятельной мысли компилятора“. Но одинъ другъ обратилъ его вниманіе на то мѣсто, гдѣ Максъ Виртъ признаетъ желѣзный законъ заработной платы. Другъ этотъ былъ Родбертусъ, и Лассаль, тутъ же выразилъ ему свою благодарность въ такой формѣ, которая еще больше унизила несчастнаго Макса Вирта. Тщетно заправилы комитета пытались отомстить за своего присутствующаго въ собраніи товарища шумными требованіями кончить. Въ собраніи поднялся энергичный протестъ противъ буяновъ; оно хотѣло продолжать слушать этого интереснаго оратора. Затѣмъ Лассаль сталъ отстаивать статистическія цифры „Гласнаго отвѣта“ которыя возбудили „море сомнѣній и бурю неистовства“, ибо надо было скрыть отъ неимущихъ классовъ ихъ количество,

чтобы тѣмъ самымъ скрыть отъ нихъ ихъ силу. Онъ задалъ трепку именно нѣкоему Вакернагелю, мелкому литератору изъ Эльберфельда, который ничѣмъ не проявилъ себя ни до того, ни послѣ того, но въ то время считался большимъ свѣтиломъ въ области статистики, такъ какъ рядомъ съ двумя-тремя удачными, больше по формѣ, чѣмъ по существу, возраженіями пытался путемъ смѣлой подтасовки разбить цифровыя данныя Лассаля. Затѣмъ Лассаль доказалъ при помощи другихъ и болѣе точныхъ данныхъ оффиціальной статистики, что по существу результатъ остается тотъ же, къ которому онъ пришелъ въ своемъ „Гласномъ отвѣтѣ"; на возраженіе Бюхнера, что трудно понять, какимъ образомъ, если цифры оффиціальной статистики вѣрны, половина населенія Пруссіи еще не вымерла съ голоду, онъ отвѣтилъ тѣмъ, что привелъ ужасающія цифры смертности пролетаріата. Затѣмъ Лассаль съ тяжкимъ вздохомъ прибавилъ: „Вы, нѣмецкіе рабочіе, замѣчательные люди! Съ французскими и англійскими рабочими надо было бы обсуждать, какъ выйти изъ ихъ плачевнаго состоянія, вамъ же еще нужно сначала доказать, что положеніе ваше плачевно. Пока у васъ есть кусокъ скверной колбасы и стаканъ пива, вы и не замѣчаете, да и не знаете, что вамъ чего-то не хватаетъ. Все это изъ-за отсутствія у васъ потребностей, будь оно проклято!"

Тутъ, при всеобщемъ, ужъ ничѣмъ не нарушаемомъ сочувствіи собранія, Лассаль развилъ ту мысль, что отсутствіе потребностей—добродѣтель для индійскаго столпника и христіанскаго монаха, а не въ глазахъ историка и политико-эконома, которые въ растущихъ потребностяхъ народа нашли двигателя его развитія и культуры. О принципѣ государственной помощи Лассаль развивалъ тѣ же мысли, что и въ Лейпцигѣ, но въ еще болѣе рѣзкой и сильной формѣ указывая на ту духовную нищету, которая является источникомъ манчестерскихъ общихъ мѣстъ. На вопросъ, гдѣ взят

государству капиталъ или кредитъ для производительныхъ товариществъ, Лассаль отвѣтилъ, что для этого понадобятся не тысячи милліоновъ, какъ утверждалъ Шульце, а на первое время слишкомъ много будетъ и ста милліоновъ талеровъ, съ помощью которыхъ могли бы вступить въ ассоціацію 400,000 рабочихъ. Онъ привелъ это число только для примѣра, что, однако не помѣшало его противникамъ послѣ того злоупотреблять этимъ примѣромъ, чтобы тѣмъ самымъ выставить въ смѣшномъ свѣтѣ самую идею. Подающій большія надежды юноша, только что начинавшій въ то время писать въ духѣ вѣрнаго слуги капитализма, по имени Евгеній Рихтеръ, писалъ вскорѣ послѣ этого, замаскировавшись рабочимъ: „Итакъ, каждый изъ 400,000 рабочихъ, которыхъ пріищутъ себѣ будущіе министры, отнынѣ получаетъ изъ числа 100 милліоновъ талеровъ въ долгъ, съ уплатой процентовъ, 200 талеровъ, съ которыми онъ и будетъ подъ надзоромъ полиціи работать въ производительномъ товариществѣ? Больше ничего? Благодарю покорно!“ Мнимый рабочій разсчиталъ, что онъ могъ бы сберечь эти 200 талеровъ въ потребительномъ обществѣ Шульце въ теченіе семи лѣтъ и 4 мѣсяцевъ, и тогда онъ получилъ бы ихъ въ полную собственность, тогда какъ, въ качествѣ государственной помощи, онъ получилъ бы ихъ взаймы отъ соціалъ-демократическаго министра, въ случаѣ, если онъ обладаетъ счастьемъ и хорошими родственниками. „И за все это, надо еще лишиться своей свободы и работать подъ надзоромъ полиціи? Это ужъ черезчуръ глупо!“ Безъ сомнѣнія, политика Рихтера противъ Лассаля была черезчуръ глупа; если бы всѣ эти забіяки, при всей ихъ безсовѣстности, обладали хоть искрой разума, то они скорѣе направили бы свою политику противъ Лассалевской кредитной операціи, въ основаніи которой лежала та же ошибка, что и въ его производительной ассоціаціи: ошибка, заключающаяся въ томъ, что онъ хотѣлъ вызвать къ жизни

новое общество посредствомъ государственнаго займа, какъ какую-нибудь новую желѣзную дорогу. Но въ томъ-то и заключалось несчастье этихъ геніальныхъ мыслителей, что всегда, когда Лассаль допускалъ одну ошибку, они ошибались трижды; ему, такимъ образомъ, не стоило труда побѣдоносно разсѣять ихъ безтолковыя фантазіи о невозможности оказать рабочему классу помощь на счетъ государства такими словами:

„Представьте себѣ все дѣло совершенно грубо и невѣрно. Представьте себѣ, что государство должно выложить всѣ сто милліоновъ на столъ. А вѣдь еще не было ведено, милостивые государи, ни одной войны, которая бы не обходилась вдвое больше этой суммы, а изъ-за чего только ни велись войны? Въ прошломъ столѣтіи—изъ-за какой-нибудь любовницы, въ этомъ столѣтіи—изъ-за завоевательныхъ стремленій князей или изъ-за торговыхъ интересовъ буржуазіи. Война изъ-за опія, которую въ сороковыхъ годахъ Англія вела съ Китаемъ, навѣрно, обошлась, по меньшей мѣрѣ, вдвое больше, а вѣдь она велась исключительно ради того, чтобы накормить китайца опіумомъ, стало быть, ради уже совсѣмъ спеціальныхъ торговыхъ интересовъ буржуазіи. Итакъ, для всего на свѣтѣ находились эти сто милліоновъ въ двойномъ количествѣ—для всякаго ограниченнаго торговаго интереса имущихъ классовъ, для всякой княжеской прихоти; когда же дѣло идетъ объ освобожденіи человѣчества, нельзя вдругъ достать этихъ денегъ!"

При возрастающемъ одобреніи Лассаль дошелъ до того, что противники его поняли, что мѣшкать—опаснѣе всего. Собраніе все болѣе и болѣе настраивалось въ пользу Лассаля, тогда какъ надежда на то, что послѣ его уже четыре часа продолжающейся рѣчи удастся говорить и другимъ ораторамъ, исчезла. Правда, Лассаль выразилъ готовность на этотъ случай, придти на новое собраніе и отвѣчать своимъ противникамъ, но они не безъ основанія боялись, что особенно будутъ въ

накладѣ, если собраніе предоставитъ безпрепятственному вліянію рѣчи Лассаля. Такимъ образомъ, они затѣяли скандалъ, и Лассаль вынужденъ былъ прервать свою рѣчь. Послѣ короткихъ переговоровъ съ нимъ, Гейманъ объявилъ съ трибуны, что Лассаль окончитъ свою рѣчь черезъ 2 дня въ залѣ просвѣтительнаго общества рабочихъ.

На слѣдующій день органы франкфуртской буржуазіи утверждали, что „большая масса“ рабочихъ покинула залъ съ криками „ура!“ въ честь Шульце-Делича. Но подсчетъ этотъ былъ сдѣланъ безъ честнаго Теодора-Мюллера. Въ публичномъ заявленіи онъ раскрылъ „нѣкоторые обманы въ числахъ“, оказалось, что Майнгаускій комитетъ внесъ въ протоколъ 1300 членовъ просвѣтительныхъ обществъ рабочихъ, въ то время, какъ по точному подсчету, присутствовало только 527 чел. Изъ нихъ къ концу собранія оставалось только отъ 250 до 300 человѣкъ, изъ числа которыхъ, самое большее, 160 покинуло залъ съ криками „ура“ въ честь Шульце.

Лассаль имѣлъ право писать Родбертусу, чтобы тотъ не давалъ вводить себя въ обманъ невѣрными свѣдѣніями либеральной прессы, такъ какъ въ нихъ нѣтъ ни слова правды. Это было рѣшительной побѣдой, и если бы не интриги противниковъ, перешедшія всякія границы, то она достигла бы высшей степени. И дѣйствительно, второе собраніе, происходившее 19 мая, 400 голосами противъ 40 приняло рѣшеніе въ пользу Лассаля.

Въ концѣ своей рѣчи Лассаль отвелъ мѣсто по преимуществу политической сторонѣ вопроса, и довольно правдоподобно сообщеніе очевидца, что именно франкфуртскіе гимнасты, руководимые больше юношескимъ энтузіазмомъ, чѣмъ пролетарскимъ классовымъ сознаніемъ, обезпечили успѣхъ. Лассаль закончилъ пламенными словами, что именно политическая сторона его рѣчи должна заставить рабочихъ привѣтствовать ее.

„Если, вы не демократы, то зачѣмъ же я обращаюсь къ вамъ съ рѣчью? У меня нѣтъ ни охоты, ни призванія обращать свою рѣчь къ кому-либо, кромѣ демократовъ". Прогрессистское филистерское движеніе не можетъ имѣть никакихъ результатовъ, даже если захотѣть дожидаться ихъ цѣлыя столѣтія, цѣлые геологическіе періоды. Съ тѣхъ поръ, какъ правительства сумѣли удовлетворить матеріальные интересы буржуазіи, въ борьбѣ за политическую свободу на этотъ классъ разсчитывать больше не приходится. За реакціей стоятъ въ высшей степени энергичные классы, готовые отстаивать ее до послѣднихъ силъ; на сторонѣ политической свободы не стоитъ никакой классъ, нѣтъ никого, кромѣ кучки идеологовъ и мечтателей. Въ интересахъ политической свободы въ высшей степени важно, чтобы она опиралась на классовые, соціальные интересы, и именно—интересы безконечно преобладающихъ въ числѣ и силѣ неимущихъ классовъ вообще. Кто обвиняетъ его въ служеніи реакціи, тотъ сознательно и постыдно лжетъ вопреки очевидности. Не реакціи опасается въ его лицѣ либеральная буржуазія, какъ она это утверждаетъ, а совсѣмъ наоборотъ: она боится, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изъ этой агитаціи разовьется самая рѣзкая противоположность реакціи.

„Дайте мнѣ 500,000 германскихъ рабочихъ, которые вошли бы въ мой союзъ, и у насъ нѣтъ больше реакціи!"

Этимъ лозунгомъ Лассаль одержалъ побѣду на Франкфуртскомъ конгрессѣ. Этимъ же лозунгомъ онъ вслѣдъ за тѣмъ побѣдилъ и въ Майнцѣ, гдѣ собраніе въ 700 рабочихъ приняло единогласно рѣшеніе въ его пользу.

9. Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ.

Лассаль поспѣшилъ въ Лейпцигъ, гдѣ 23 мая 1863 года былъ основанъ Всеобшій Германскій Рабо-

чій Союзъ. Говорятъ, будто Лассаль сказалъ, что, не будь успѣха во Франкфуртѣ и въ Майнцѣ, онъ отступился бы отъ своего предпріятія, что, во всякомъ случаѣ надо понимать cum grano salis. Не въ духѣ Лассаля было такъ скоро бросать разъ поднятое знамя, и если принять во вниманіе то революціонное упорство, которымъ было проникнуто все его существо, то нельзя придавать серьезное значеніе тому, что въ тотъ или другой моментъ онъ, съ присущей ему страстностью и подъ впечатлѣніемъ истребительной борьбы, можетъ быть, сказалъ о томъ или другомъ испытываемомъ имъ чувствѣ ободренія или угнетенія; въ рѣшающіе моменты жизни, чувства эти не столько руководили его дѣятельностью, сколько ей сопутствовали. И безъ франкфуртской побѣды онъ шелъ бы впередъ по разъ намѣченному пути и, какъ ни воодушевлялъ его этотъ успѣхъ, онъ не забывалъ изъ-за него огромныхъ трудностей, которыя его еще ожидали.

Публичное открытіе Союза послѣдовало въ Пантеонѣ. Представлено было 11 городовъ съ 12 делегатами: Лейпцигъ представленъ былъ Вальтейхомъ, Даммеромъ и Фриче; Гамбургъ — Аудорфомъ и Перлемъ, Гарбургъ — Іоркомъ, Кельнъ и Дюссельдорфъ — Леви, Эльберфельдъ, Барменъ и Золингенъ—Гильманомъ, Франкфуртъ на М. — Бернгардомъ, Беккеромъ и Гейманомъ, Майнцъ — часовымъ мастеромъ Шлепперомъ и, наконецъ, уже послѣ начала засѣданій прибылъ башмачникъ Лессигъ изъ Дрездена, гдѣ дѣло это имѣло мало приверженцевъ. Кромѣ того, присутствовало еще нѣсколько сотъ лейпцигскихъ рабочихъ, въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ ихъ стекалось на рабочія собранія, происходившія зимой въ Одеонѣ. Это дало буржуазнымъ газетамъ поводъ къ дешевому остроумію, точно такъ же, какъ и выборъ помѣщенія, которое они окрестили „Пандемоній“. Однако относительно небольшое участіе лейпцигскихъ рабочихъ въ достаточной мѣрѣ объяснялось тѣмъ, что засѣда-

нія происходили не по вечерамъ, а въ послѣ-обѣденное время.

Цѣлью Союза по первому параграфу устава являлось мирнымъ и законнымъ путемъ, въ особенности путемъ завоеваніе общественнаго мнѣнія, добиваться введенія всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права, единственнаго средства достигнуть удовлетворительной защиты соціальныхъ интересовъ германскаго рабочаго класса и дѣйствительнаго устраненія классовыхъ противорѣчій въ обществѣ.

Больше трудностей, въ сравненіи съ выясненіемъ принципа, представляли организаціонныя статьи устава. Лассаль вмѣстѣ съ Циглеромъ, объ организаторскомъ талантѣ котораго онъ былъ очень высокаго мнѣнія, обсуждалъ сначала планъ всеобщаго союза страхованія рабочихъ, а послѣ того, какъ этотъ планъ былъ оставленъ, отстаивалъ основныя положенія выработаннаго Циглеромъ устава и для своего союза политико-соціальной агитаціи. Такъ, онъ отстаивалъ то положеніе, что не слѣдуетъ замыкать Союзъ съ самаго начала въ слишкомъ узкія рамки параграфовъ, а, напротивъ, предоставить возможно большую свободу въ руководствѣ имъ и обезпечить, по крайней мѣрѣ председателю, на нѣсколько лѣтъ прочное положеніе. Нельзя также отрицать, что предоставленіе первому президенту по-возможности диктаторскихъ полномочій вполнѣ соотвѣтствовало положенію вещей, все равно — отвѣчало ли это личнымъ наклонностямъ Лассаля или нѣтъ. Даже необходимость принимать въ соображеніе реакціонные законы о союзахъ, существовавшіе почти во всѣхъ германскихъ государствахъ, и согласные всѣ въ томъ, что они запрещаютъ взаимныя сношенія между политическими союзами, не разъ имѣла тутъ рѣшающее значеніе, поскольку она вынуждала къ строгой централизаціи, въ виду того, что нельзя было образовывать филіальные союзы, и всѣ члены, независимо отъ своего мѣстожительства, должны были непосредственно

принадлежать къ Союзу, имѣющему постоянное пребываніе въ Лейпцигѣ.

Оставляя все это въ сторонѣ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что тутъ дѣло шло не объ основаніи общества соціалистической пропаганды, на подобіе покойнаго Союза Коммунистовъ, а объ организаціи соціалистической партіи, которая должна была единодушно мыслить и единодушно бороться, которая должна была возможно скорѣе повести массы рабочаго класса сомкнутыми рядами на арену политической борьбы. При тогдашнемъ положеніи вещей этого можно было достигнуть не иначе, какъ путемъ диктаторскаго руководства человѣка, который лучше другихъ умѣлъ понимать и отстаивать интересы пролетаріата. Самый лучшій контингентъ, на который могло разсчитывать новое движеніе, составляли еще члены просвѣтительныхъ обществъ рабочихъ, т. е. рабочіе, которые, привыкнувъ въ теченіе многихъ годовъ къ пустой игрѣ въ союзы, должны были лишь теперь учиться дѣйствіямъ и выступленіямъ. Лассаль былъ вынужденъ приспособиться къ даннымъ обстоятельствамъ, при чемъ важно было также, при этихъ особыхъ условіяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ остаться вѣрнымъ неизмѣнной основѣ дѣла, тому демократическому духу, который для всякаго пролетарскаго движенія такъ же необходимъ, какъ легкія для дыханія. Организовавъ классовую борьбу пролетаріата, Лассаль далъ ей также силу сравнительно легко и быстро разбить преходящую форму, въ которой она въ первое время только и могла быть организована. Никто не умѣлъ лучше Лассаля пробудить дремлющую въ современномъ пролетаріатѣ силу самодисциплины. Главнымъ образомъ его заслугой является то, что сознаніе необходимости прочной организаціи вошло въ плоть и кровь германскаго рабочаго класса, что такая организація могла функціонировать въ самыя тяжелыя времена безъ посторонней поддержки, и за такое цѣнное наслѣдіе не слишкомъ дорогой цѣной явля-

ются временныя и, во всякомъ случаѣ, очень преходящія замѣшательства, вызывавшіяся черезчуръ рабской приверженностью къ буквѣ Лассалевскаго устава.

Уставъ этотъ былъ приблизительно вотъ каковъ: каждый рабочій можетъ простымъ заявленіемъ о присоединеніи стать полноправнымъ членомъ Союза и такимъ же путемъ онъ можетъ во всякое время опять выйти изъ него. Въ сомнительныхъ случаяхъ правленіе рѣшаетъ можетъ ли данное лицо считаться рабочимъ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ Союзъ; правленіе имѣетъ также право принимать въ союзъ не рабочихъ или исключать предосудительныхъ членовъ, при чемъ за ними сохраняется право апеллировать къ общему собранію. При вступленіи въ Союзъ каждый членъ долженъ сдѣлать вступительный взносъ въ размѣрѣ двухъ зильбергрошеновъ, а затѣмъ поползильбергрошена въ недѣлю. Правленіе состоитъ изъ президента и 24 членовъ, въ томъ числѣ одного кассира и секретаря, получающаго 400 талеровъ жалованья. Они избираются на общемъ собраніи; президентъ избирается—въ первый разъ срокомъ на 5 лѣтъ, а затѣмъ на 1 годъ — абсолютнымъ большинствомъ голосовъ. Правленіе завѣдуетъ дѣлами Союза и рѣшаетъ простымъ большинствомъ, но президентъ въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ можетъ немедленно принимать мѣры съ тѣмъ, чтобы въ теченіе трехъ мѣсяцевъ представить одобреніе правленія. Одинъ разъ въ году должно происходить общее собраніе. Мѣсто и время собранія назначаетъ президентъ, но онъ долженъ созвать общее собраніе въ теченіе шести недѣль всякій разъ, когда этого письменно требуетъ у него большинство правленія или шестая часть всѣхъ членовъ Союза. Равнымъ образомъ, онъ назначаетъ мѣсто и время засѣданій правленія, но онъ долженъ созвать его въ теченіе четырехъ недѣль, если этого требуетъ большинство правленія. Кассиръ обязанъ производить всѣ расходы, указываемые президентомъ,

который, въ свою очередь, не имѣетъ никакого контроля надъ счетоводствомъ. Текущими дѣлами завѣдуетъ секретарь Союза. Во главѣ мѣстныхъ отдѣленій стоятъ уполномоченные, назначаемые правленіемъ. Правленіе имѣетъ право ихъ смѣстить во всякое время, президентъ—временно отрѣшить отъ должности. На ихъ обязанности лежитъ пріемъ новыхъ членовъ и отправленіе взносовъ и вписныхъ денегъ въ кассу, дѣлать сообщенія секретарю, устраивать публичныя собранія мѣстныхъ членовъ Союза и руководить ими. Продолжительность Союза опредѣлена въ 30 лѣтъ, измѣненія въ уставѣ допускаются лишь по истеченіи 3-хъ лѣтъ существованія союза и должны быть приняты по крайней мѣрѣ большинствомъ двухъ третей общаго собранія.

Ясно, какія широкія полномочія давались этими постановленіями въ руки президента. Возможное ограниченіе его власти 24 другими членами правленія имѣло мало значенія. Они были разсѣяны по всей Германіи, что сильно препятствовало ихъ дѣеспособности. Такимъ образомъ, съ самаго начала, какъ будто это само собою разумѣлось, важное право назначать уполномоченныхъ отъ правленія перешло къ президенту. Слѣдуетъ однако замѣтить, что уже въ учредительномъ собраніи возникла демократическая оппозиція противъ слишкомъ неограниченной власти президента. Представителями этой оппозиціи въ особенности являлись делегаты отъ Гамбурга и Гарбурга, которые еще лично не знали Лассаля. Аудорфъ внесъ предложеніе въ первый разъ выборы президента произвести не на пять, а только на три года, и, когда это предложеніе было отвергнуто, Іоркъ при выборахъ подалъ пустую записку, демонстрируя этимъ противъ выборовъ Лассаля въ президенты не изъ личнаго недовѣрія къ нему, а потому, что онъ былъ раздраженъ безтактнымъ замѣчаніемъ Бернгарда Беккера: „Само собою же разумѣется, что президентство должно достаться Лассалю“.

Лассаль принялъ избраніе съ двумя условіями: во-первыхъ, оно должно было быть утверждено общимъ голосованіемъ въ городахъ, имѣвшихъ представительство при основаніи Союза, и во-вторыхъ, ему должно было быть предоставлено право, когда и на какой срокъ онъ захочетъ, замѣщать себя вицепрезидентомъ. Кассиромъ былъ избранъ Леви, письмоводителемъ Вальтейхъ. Кромѣ нихъ въ правленіе вошли Даммеръ и Нидерлей въ Лейпцигѣ, Лессигъ въ Дрезденѣ; Перль и Аудорфъ въ Гамбургѣ, Іоркъ въ Гарбургѣ, торговецъ сигарами Штраусъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, Шепплеръ въ Майнцѣ, наборщикъ Кихнявый, старый другъ Лассаля, въ Дюссельдорфѣ, Гильманъ въ Эльберфельдѣ и, наконецъ, Клингсъ и Вильмсъ, два сабельныхъ мастера въ Золингенѣ, стоявшихъ во главѣ просвѣтительнаго и потребительнаго общества рабочихъ и побудившихъ оба общества примкнуть къ лассалевской агитаціи. Остальныя мѣста въ правленіи были оставлены для городовъ, которые вновь вступятъ, и правленію было предоставлено право пополнить себя изъ такихъ городовъ простымъ большинствомъ до 25. Такимъ образомъ въ правленіе потомъ вступили еще адвокатъ Мартини въ Каукеменѣ и башмачный подмастерье Метцнеръ въ Берлинѣ.

Послѣ того, какъ Союзъ, такимъ образомъ, былъ основанъ, Лассаль въ Берлинѣ и Вальтейхъ въ Лейпцигѣ проявили оживленную дѣятельность по его расширенію, — на первыхъ порахъ опять съ очень незначительнымъ внѣшнимъ успѣхомъ. Вальтейхъ разослалъ „Гласный отвѣтъ“, всюду, гдѣ можно было питать хоть малѣйшую надежду на успѣхъ. Но разбрасываемое полной рукой сѣмя почти всюду падало на невоспріимчивую почву. Незрѣлость рабочей массы и сильный гнетъ, посредствомъ котораго предприниматели держали ее вдали отъ агитаціи Лассаля, вызывали сдержанность пролетаріата. 19-го іюня Лассаль назначилъ 16 уполномоченныхъ; къ 11 городамъ, пред-

ставленнымъ при основаніи Союза,—при чемъ въ Дрезденѣ едва насчитывалось полдюжины членовъ, а Майнцъ уже началъ обнаруживать тенденцію къ отпаденію,—новыхъ прибавилось всего: Альтена, Берлинъ, Бреславль, Гильдбурггаузенъ и Нюрнбергъ. Въ Альтенѣ и Нюрнбергѣ былъ только уполномоченный, членовъ же не было, точно такъ же въ Бреславлѣ, гдѣ сломленный продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ Нотьюнгъ перенялъ въ качествѣ уполномоченнаго должность. Гильдбурггаузенъ насчитывалъ, можетъ быть, дюжину членовъ, а въ Берлинѣ почти одни башмачники проявляли нѣкоторую симпатію. Какъ и членъ правленія Метцнеръ, берлинскій уполномоченный Арндтъ былъ башмачникомъ. Съ публицистическимъ аппаратомъ Союза дѣло обстояло тоже очень ненадежно. Изъ мелкихъ газетъ, изнемогавшихъ въ предсмертной агоніи и нуждавшихся въ поддержкѣ, Гамбургская „Nordstern“ была избрана, въ качествѣ временнаго органа Союза, и получила отъ Лассаля денежное подкрѣпленіе. Эта маленькая еженедѣльная газета до того находилась подъ духовнымъ вліяніемъ Гейнцена, Кинкеля, Блинда и другихъ, враждебныхъ соціализму эмигрантовъ; она выходила подъ редакціей, и довольно скверной, Бруна, того заговорщика тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, который въ свое время былъ исключенъ изъ Союза Коммунистовъ. „Nordstern“ не стала лучше послѣ перехода къ Всеобщему Германскому Рабочему Союзу, и шумный оркестръ буржуазной прессы совершенно заглушалъ эту жиденькую флейточку, которая вдобавокъ брала невѣрные тоны.

Самъ Лассаль главное вниманіе обратилъ на то, чтобы завербовать возможно больше извѣстныхъ и образованныхъ людей для своей агитаціи. Ему въ этомъ мало повезло, причемъ онъ, безъ сомнѣнія, до нѣкоторой степени переоцѣнивалъ значеніе такихъ рекрутовъ. Еще до Франкфуртскаго конгресса онъ нѣ-

сколько поспѣшно старался истолковать въ свою пользу одно опубликованное письмо Губера о кризисѣ въ рабочемъ движеніи; этимъ онъ придалъ голосу Губера значеніе, которое обратилось потомъ противъ него самого, когда Губеръ выпустилъ статейку о рабочихъ и ихъ совѣтчикахъ, которая несравненно рѣзче была направлена противъ Лассаля, чѣмъ противъ Шульце. Впрочемъ, полемика Губера противъ Лассаля носила очень поверхностный характеръ и обосновывалась съ легкомысліемъ, которое равнялось той дерзости, съ которой Губеръ выступалъ судьей между Лассалемъ и Шульце. Онъ, въ сущности, заслуживалъ, пожалуй, не многимъ болѣе легкаго наказанія, чѣмъ жалкій Вакернагель, котораго Лассаль только что рѣзко пробралъ за то, что онъ опять принялся за прежнее.

Несмотря на это, Лассаль написалъ Губеру, что ему слѣдовало бы, собственно, дать „рѣзкій“ отвѣтъ, но пусть небо хранитъ его отъ того, чтобы изъ-за минутной причиненной ему несправедливости относиться рѣзко къ человѣку, котораго онъ такъ много лѣтъ любитъ и уважаетъ за многія его сочиненія, который такъ преисполненъ любви и благороднаго расположенія къ рабочимъ, такъ безкорыстенъ и готовъ къ самопожертвованію, какъ Губеръ. Лассаль пытался придти къ соглашенію съ Губеромъ, убѣждая, что фантомъ соціальнаго королевства,--величественная вещь въ теоріи, на практикѣ же—невозможное дѣло. Оберъ-оффиціозъ Бисмарка Ганъ, старый школьный товарищъ Лассаля, впослѣдствіи ложно истолковывалъ это въ томъ смыслѣ, будто Лассаль мечталъ о соціальномъ королевствѣ. Но Губеръ былъ слишкомъ пропитанъ консервативнымъ образомъ мыслей, чтобы его могло убѣдить краснорѣчіе Лассаля, и если этотъ консерватизмъ былъ искреннимъ, то Губеръ послѣ смерти Лассаля опять слишкомъ далеко зашелъ, посвятивъ „катилиновой породѣ“, „маммоновому выскочкѣ“ не-

приличный некрологъ. Лично Лассаль своей любезностью и откровенностью очень хорошо покончилъ свои отношенія съ Губеромъ, но, съ политической точки зрѣнія, было напраснымъ трудомъ стараться вымыть христіанско-соціалистическаго мавра.

Болѣе логичнымъ могло бы показаться со стороны Лассаля, когда онъ хотѣлъ завербовать старыхъ демократовъ 1848 г.; но и про нихъ можно было сказать: „Zum Teufel ist der Spiritus, das Phlegma ist geblieben!“ Тѣ же немногіе, которыхъ Лассалю удалось завербовать, обманули его ожиданія. Присоединеніе Мартини представлялось ему „въ высшей степени важнымъ фактомъ“; онъ не только заставилъ избрать новаго приверженца въ правленіе, но назначилъ его также главноуполномоченнымъ для провинціи Восточной Пруссіи. Но Мартини остался генераломъ безъ арміи. То же самое и Гервегъ, котораго Лассаль назначилъ главноуполномоченнымъ для Швейцаріи, хотя и не ввелъ въ правленіе. Съ большимъ трудомъ, послѣ неотступныхъ требованій, продолжавшихся полгода, Лассалю удалось добыть отъ Гервега союзную пѣсню, знаменитое „Молись и трудись“! Эта пѣсня безусловно написана не безъ таланта, но слишкомъ ужъ сквозитъ рабское подражаніе извѣстному стихотворенію Шелли; пѣсня эта никогда не пользовалась популярностью въ кругу нѣмецкихъ рабочихъ, несмотря на отдѣльныя очень сильныя строфы. Нѣкоторою виною этому, можетъ быть, была трудность мелодіи, которую составилъ для стихотворенія Гервега „музыкантъ будущаго“ Гансъ ф. Бюловъ, личный другъ Лассаля.

Несмотря на все это, стремленіе Лассаля привлечь къ своей агитаціи образованные элементы буржуазіи имѣло очень достойную вниманія сторону. Когда Моисей Гессъ выступилъ въ защиту новаго движенія съ докладомъ о правахъ труда и занялъ должность уполномоченнаго для Кельна, Лассаль писалъ: „Какъ разъ очень хорошо и важно, что не все говорится

однимъ мною. Въ противномъ случаѣ, движеніе въ глазахъ глупцовъ принимаетъ образъ одного только человѣка". Несмотря на всю разборчивость, Лассаль все-таки нашелъ человѣка, который смогъ послѣ его неожиданной смерти продолжать его дѣло, счастливѣе, можетъ быть, чѣмъ онъ самъ могъ это сдѣлать. Это былъ адвокатъ во Франкфуртѣ на Майнѣ Жанъ Баптистъ ф. Швейцеръ, еще молодой человѣкъ около тридцати лѣтъ.

Швейцеръ происходилъ изъ стараго патриціанскаго рода во Франкфуртѣ. Онъ выросъ подъ духовнымъ обаяніемъ Шопенгауэра, но уже въ 1861 году онъ опубликовалъ обширное изслѣдованіе о духѣ времени и христіанства, въ которомъ онъ отказывался отъ неисторическаго квіетизма Шопенгауэра и обратился къ великимъ вопросамъ историческаго развитія, еще не въ соціалистическомъ духѣ, но все же во идеологически-революціонномъ духѣ Дантона и Робеспьера. Книга эта — произведеніе юноши и, какъ таковая, въ своемъ родѣ значительна, цѣли автора еще не ясны, и потому книга не свободна отъ нѣкоторой наклонности къ фразамъ, но богата мелкими наблюденіями, свидѣтельствующими о проницательности и познаніяхъ автора. Одновременно съ этимъ Швейцеръ принималъ участіе въ агитаціи Національнаго Союза, во время празднества стрѣлковъ въ Франкфуртѣ въ 1862 г. редактировалъ оффиціальную праздничную газету и вообще выдѣлялся, какъ адъютантъ герцога Кобургскаго, который съ ужимками, имѣвшими цѣлью рекламу, игралъ комическую роль будущаго германскаго императора.

Уже съ этой дѣятельностью Швейцера связана темная молва о томъ, что онъ утаилъ собранныя на празднествѣ деньги. Это никогда не было доказано, и даже не было сдѣлано попытокъ доказать это тогда, когда буржуазія дорого дала бы, чтобы морально убить Швейцера, если бы это только было воз-

можно. Поэтому слѣдуетъ предположить, что эта молва была только отплатой за то, что Швейцеръ очень скоро понялъ всю пустоту Національнаго Союза. Еще болѣе суровый ударъ былъ нанесенъ его чести, когда онъ, вскорѣ послѣ франкфуртскаго празднества стрѣлковъ, былъ присужденъ въ Мангеймѣ къ двухнедѣльному заключенію за оскорбленіе общественной нравственности путемъ соблазненія молодого человѣка къ распутному поступку. Крупнобуржуазное общество подвергло его изгнанію, и тутъ опять есть основаніе предполагать, что Швейцеръ долженъ былъ понести искупленіе скорѣй за свой демократическій образъ мыслей, чѣмъ за свои половыя прегрѣшенія. Въ случаѣ такихъ прегрѣшеній именно крупнобуржуазное общество умѣетъ, обыкновенно, своихъ грѣшниковъ съ безупречнымъ въ другихъ отношеніяхъ образомъ мыслей прикрывать широкимъ плащемъ любви. Въ то время изъ болѣе идеальныхъ побужденій и демократическія гимнастическія общества и общества обороны, въ которыхъ Швейцеръ до этого пользовался большимъ вліяніемъ, совершенно отвернулись отъ него; такимъ образомъ, вполнѣ понятно было, когда франкфуртскіе рабочіе совсѣмъ недружелюбно встрѣтили тотъ фактъ, что онъ примкнулъ къ Лассалю и приглашалъ его въ крестные отцы своему соціальному роману.

Лассаль ни минуты не колебался стать на сторону Швейцера противъ франкфуртскихъ рабочихъ. Хотя онъ открыто высказывался противъ „печальной и при его вкусѣ непонятной страсти“ Швейцера, хотя онъ безъ околичностей соглашался съ франкфуртскими рабочими въ томъ, что таковая склонность Швейцера является „противоестественнымъ преступленіемъ“, тѣмъ не менѣе онъ полагалъ, что это не имѣетъ ничего общаго съ вѣрностью убѣжденіямъ и честностью, съ политическимъ характеромъ человѣка. Греческій вѣкъ не видалъ ничего предосудительнаго въ любви

къ юношамъ, а великіе греческіе мыслители вѣдь знали все-таки, что такое нравственность. Въ нежеланіи франкфуртскихъ рабочихъ вступить въ политическое общеніе со Швейцеромъ онъ видѣлъ поразительное и очень печальное доказательство того, какъ глубоко еще нѣмцы погрязли въ филистерскомъ ночномъ колпакѣ, и какъ мало они умѣютъ отдѣлять политическое отъ частнаго. Лассаль, не колеблясь, принялъ посвященіе романа Швейцера: „Люцинда или капиталъ и трудъ" и былъ въ большомъ восторгѣ, когда первый томъ появился еще лѣтомъ 1863 года. Безпристрастная критика, разумѣется, не подпишется подъ его восторженнымъ отзывомъ. Съ эстетической точки зрѣнія романъ Швейцера представляетъ безформенное чудовище, невѣроятную смѣсь романтическихъ приключеній съ соціально-политическими изслѣдованіями по рабочему вопросу, обширными выписками изъ агитаціонныхъ статей Лассаля и историческими картинами изъ революціонной борьбы во Франціи. Лучшія мѣста—это сатирическое изображеніе жизни и дѣятельности въ Національномъ Союзѣ, которое, главнымъ образомъ, и вызвало благопріятный отзывъ Лассаля. Отдѣльные портреты съ живыхъ оригиналовъ удались прекрасно,—какъ, напримѣръ, либеральный банкиръ Итцингеръ, образцомъ для котораго служилъ Зоннеманъ,—но, какъ поэтическое произведеніе, романъ неудаченъ.

Между тѣмъ наступило время для лѣтней поѣздки Лассаля. 27-го іюня путемъ публичнаго извѣщенія онъ назначилъ Даммера вице-президентомъ и передалъ ему на время своего отсутствія руководство Союзомъ. Это объявленіе вызвало насмѣшку противниковъ, даже нѣкоторые изъ приверженцевъ Лассаля покачивали головами. Тѣмъ не менѣе ошибка Лассаля заключалась больше въ формѣ оффиціальнаго приказа, которымъ Лассаль объявлялъ „рабочимъ" о своемъ „отъѣздѣ на воды въ Швейцарію", чѣмъ въ

самомъ отъѣздѣ. Здоровье Лассаля, пошатнувшееся уже много лѣтъ тому назадъ, было сильно разстроено благодаря тяжелымъ трудамъ и борьбѣ истекшаго года, и ему необходимо было основательно отдохнуть для еще болѣе тяжелыхъ трудовъ и борьбы будущаго года. Къ тому же Лассаль не думалъ во время досуга сидѣть сложа руки; онъ взялъ съ собой въ дорогу доклады,—читанные Шульце передъ берлинскими рабочими и отпечатанные теперь въ видѣ главы изъ катехизиса нѣмецкихъ рабочихъ,—чтобы путемъ ихъ критическаго опроверженія создать теоретическій кодексъ для своей агитаціи.

Лассаль отправился прежде всего въ Швейцарію, гдѣ его ожидало довольно чувствительное пораженіе. Прогрессистская партія осуществила планъ сплотить потѣснѣе оставшіяся ей вѣрными просвѣтительныя общества рабочихъ; въ іюнѣ 1863 года во Франкфуртѣ на Майнѣ при содѣйствіи Бебеля, Росмесслера, Евгенія Рихтера и Германа Беккера, который, подобно Бюргерсу, изъ коммуниста превратился въ безвреднаго сторонника самопомощи, была основа Федерація (Verband) Германскихъ Рабочихъ Союзовъ. На этомъ рабочемъ конгрессѣ обнаружилось, что громадное большинство германскихъ рабочихъ союзовъ шло еще въ фарватерѣ прогрессистской партіи; въ комитета новой федераціи не были избраны даже такіе люди, какъ Бебель и Росмесслеръ. Зоннеманъ и Максъ Гиршъ играли тамъ первую скрипку, а Національный Союзъ изъ своей кассы дѣлалъ ежегодный взносъ звонкою монетою для цѣлей Союза. 19 и 20 іюля 36 нѣмецкихъ рабочихъ союзовъ въ Швейцаріи устроили общее празднество въ Цюрихѣ, на которомъ должно было также обсуждаться нѣмецкое рабочее движеніе. Были посланы приглашенія Федераціи Германскихъ Рабочихъ Союзовъ и Всеобщему Германскому Рабочему Союзу.

Главноуполномоченнымъ для Швейцаріи только что былъ назначенъ Гервегъ, и къ его обязанностямъ

относилось представлять союзъ на цюрихскомъ общемъ празднествѣ, тѣмъ болѣе, что онъ жилъ въ Цюрихѣ. Но ни добровольно взятый на себя долгъ, ни настойчивыя просьбы Лассаля не могли заставить этого лѣниваго человѣка сдѣлать то, что требовалось его должностью. Онъ отговаривался всевозможными пошехонскими соображеніями и скорѣе готовъ былъ допустить тяжелый ущербъ дѣлу, чѣмъ подвергнуть свою священную особу, можетъ быть, рѣзкому сквозняку. „Мы оба не годимся для этихъ маленькихъ скандальныхъ исторій, къ которымъ сводится все рабочее дѣло", сказалъ въ возвышенномъ и веселомъ настроеніи его другъ Рюстовъ.

Расторопнѣе былъ Зоннеманъ, котораго послала въ Цюрихъ Федерація Германскихъ Рабочихъ Союзовъ. Посредствомъ гнуснаго доклада онъ сумѣлъ вызвать со стороны швейцарскаго рабочаго конгресса, на которомъ, кстати сказать, предсѣдательствовалъ теперь совсѣмъ превратившійся въ мумію Георгъ Фейнъ, рѣзкое осужденіе экономическихъ теорій Лассаля, и это осужденіе было потомъ опять-таки гнуснѣйшимъ образомъ использовано нѣмецкой буржуазной прессой противъ мнимаго реакціонера Лассаля. Съ Цюрихскимъ конгрессомъ было то же, что и съ Франкфуртскимъ: швейцарскимъ рабочимъ были еще слишкомъ чужды условія крупной промышленности, чтобы ихъ могли воспламенить соціальныя цѣли Лассаля, но политической оппозиціи Лассаля противъ всякой оппозиціи буржуазіи они безусловно симпатизировали. Честный очевидецъ Ладендорфъ изображаетъ поступокъ Зоннемана, какъ „положительно комическій", а комитетъ цюрихскаго общаго празднества опубликовалъ въ швейцарскихъ газетахъ заявленіе, въ которомъ выдумка Гервега, будто отъ швейцарскихъ рабочихъ союзовъ нельзя было ожидать безпристрастнаго рѣшенія, отвергалась такъ же рѣзко, какъ и мнимое соглашеніе этихъ союзовъ съ Зоннеманомъ. Союзы вы-

сказались только противъ политико-экономическихъ взглядовъ Лассаля; предложеніе въ пользу прогрессистской партіи не только не принималось, но даже не вносилось. Противникамъ Лассаля, провинившимся въ чемъ-либо передъ нимъ, никоимъ образомъ не давалось пощады; неслыханная дерзость, съ которой они подавляли всякое уклоняющееся мнѣніе, способно только уничтожить послѣдній остатокъ симпатій и у тѣхъ, которые еще не разобрались въ сути дѣла. Но объ этомъ заявленіи въ Германіи ничего не было извѣстно, и, такимъ образомъ, осталось дурное впечатлѣніе, будто нѣмецкіе рабочіе въ Швейцаріи знать ничего не хотятъ о Лассалѣ. Самъ онъ обнаружилъ по отношенію къ виновнику зла ту снисходительность, которая была ему свойственна по отношенію къ друзьямъ; въ сердечномъ письмѣ онъ еще разъ пытался только встряхнуть Гервега отъ мечтательнаго бездѣйствія, хотя и совершенно безуспѣшно.

Можетъ быть, Лассалю легче было покончить съ этимъ роковымъ дѣломъ, потому что рѣшающее значеніе все-таки имѣлъ только вопросъ, скоро ли Всеобщій Германскій Союзъ въ самой Германіи превратится въ крупную силу. Еще до своего отъѣзда изъ Германіи онъ писалъ Вальтейху: „Мы можемъ подвигаться впередъ только при помощи широкихъ массъ. Массовое движеніе, имѣя ввиду число участниковъ Національнаго Союза, было бы смѣшно. Итакъ, у насъ должно быть въ семь разъ больше, чѣмъ у господъ изъ Національнаго Союза. Въ противномъ случаѣ, мы потерпѣли жалкое кораблекрушеніе". Затѣмъ, когда Вальтейхъ сообщалъ, что съ внѣшней стороны положеніе дѣлъ превосходно, онъ опять писалъ изъ Энгадина: „Въ томъ то и бѣда, что съ внутренней стороны — т. е. въ отношеніи количества членовъ — оно менѣе удовлетворительно. Это хуже всего!... Если агитація не захватываетъ массъ рабочаго класса, то, она, несмотря ни на что, пропала даромъ. Если у насъ

не позднѣе, какъ по истеченіи года, не произойдетъ значительнаго роста, то мы совсѣмъ безсильны, сколько бы идеальныхъ побѣдъ мы ни одерживали". Такъ какъ противники еще переоцѣнивали успѣхи агитаціи и говорили о десяти тысячахъ членовъ, то Вальтейхъ хотѣлъ предложить уполномоченнымъ поддержать передъ обществомъ это число; Лассаль же на это возразилъ: „Если рабочіе таковы, какъ вы ихъ рисуете, то мы, несмотря на всѣ мои усилія, осрамимся. Это несомнѣнно. Мы не можемъ позволить нашимъ уполномоченнымъ говорить неправду. Мы не должны говорить о десяти тысячахъ, если у насъ, можетъ быть, всего тысяча человѣкъ. Можно молчать объ этомъ, но лгать намъ не подобаетъ". Послѣ того, въ концѣ августа, черезъ три мѣсяца послѣ основанія Союза, когда Вальтейхъ писалъ Лассалю, переселившемуся къ тому времени въ Остендэ, онъ совсѣмъ палъ духомъ; такъ какъ въ союзѣ насчитывалось всего около тысячи членовъ, то Вальтейхъ предложилъ распустить его или построить на иныхъ началахъ.

Такое количество членовъ было бы очень внушительнымъ, если бы рѣчь шла объ обществѣ соціалистической пропаганды; у Союза Коммунистовъ никогда не было такого количества членовъ. Но для политической партіи это было очень мало; оно не только не превосходило числа членовъ Національнаго Союза въ семь разъ, но едва достигало двадцатой части его. Съ большою горечью Лассаль писалъ 29-го августа: „Итакъ, около тысячи членовъ во всемъ нашемъ союзѣ! Вотъ пока плоды нашей дѣятельности! Вотъ результаты того, что я исписалъ свои пальцы и легкія надрывалъ въ рѣчахъ! Не правда ли, дорогой Вальтейхъ, такая апатія массъ можетъ привести въ отчаяніе! Такая апатія при движеніи, существующемъ исключительно для нихъ, исключительно въ ихъ интересахъ, и при огромныхъ, въ духовномъ отношеніи,

агитаціонныхъ средствахъ, которыя уже пущены въ ходъ, и которыя у такого народа, какъ французскій, имѣли бы уже гигантскіе результаты! Когда встряхнетъ, наконецъ съ себя свою летаргію „этотъ тупой народъ?“ Но Лассаль все-таки не палъ духомъ. „Распустить Союзъ, какъ Вы говорите? Совершенно невозможно! Для этого слишкомъ мало времени протекло. Еще зима не прошла. Это было бы слишкомъ большимъ стыдомъ для нашей націи и для нашей партіи. Отъ стыда мы не могли бы никому въ глаза смотрѣть. Наконецъ, при нынѣшнихъ политическихъ условіяхъ это было бы огромной ошибкой! Пока дѣла находятся въ настоящемъ положеніи, я не брошу меча. Правда, можно сказать, что, при тысячѣ членовъ, этотъ мечъ деревянный. Но нужды нѣтъ, пока мечъ въ ножнахъ, онъ, судя по рукояткѣ, имѣетъ видъ настоящаго меча, а бывали случаи, что противниковъ устрашали и меньшимъ. До ближайшей весны или лѣта я, стало быть, какъ бы дѣла ни шли, ни въ какомъ случаѣ Союза не распущу“. Затѣмъ Лассаль соображаетъ, какими средствами можно помочь Союзу, предлагаетъ свою личную агитацію на Рейнѣ и отклоняетъ мысль о капитуляціи такими словами: „Я еще трижды растянусь и вдоль и поперекъ. Только не терять мужества!“

Что поддерживало въ немъ мужество, это, рядомъ съ вѣрою въ новыя средства агитаціи, было направленіе, которое приняло развитіе германской политики лѣтомъ 1863 года.

Глава вторая.

Тактическій поворотъ Лассаля.

Споръ между Бисмаркомъ и прогрессистской партіей въ прусской палатѣ представителей тянулся утомительно скучно съ января до мая. Чѣмъ безсильнѣе оказывались парламентскіе разговоры, тѣмъ болѣе

либеральные парламентскіе герои старались посредствомъ громкихъ словъ ввести себя въ обманъ на этотъ счетъ. Самые кроткіе представители Готы, какъ Гнейстъ, Симсонъ, Зибель называли Бисмарка Донъ-Кихотомъ, канатнымъ плясуномъ, каррикатурой настоящаго государственнаго человѣка, что ничуть не мѣшало реакціонному министру и во внѣшней, и во внутренней политикѣ дѣлать то, что ему было угодно. Въ концѣ концовъ, дѣло свелось къ парламентскому спору объ этикетѣ по вопросу о томъ, должны ли министры подчиняться дисциплинарной власти президента, спору, которому правительство положило предѣлъ, преждевременно прекративъ сессію 27 мая.

Тогда оппозиція организовала большія торжества, чтобы отпраздновать свой испытанный въ безбрежномъ краснорѣчіи героизмъ новымъ безбрежнымъ краснорѣчіемъ. Бисмаркъ въ отвѣтъ на это нанесъ тяжелый ударъ ихъ прессѣ, издавъ 1 іюня ордонансъ о печати, предоставлявшій органамъ администраціи право, послѣ предварительнаго двукратнаго предостереженія, временно пріостанавливать или запрещать навсегда дальнѣйшій выходъ отечественныхъ газетъ за продолжающееся вредное для общественной безопасности направленіе. Министерская инструкція разъясняла это право въ томъ смыслѣ, что газетамъ запрещается писать о правительственныхъ мѣропріятіяхъ что-либо, указывающее на ихъ противозаконность и противоконституціонность. Вообще, нападки на внутреннюю политику правительства не должны быть терпимы; не допускалась даже обсужденіе положенія дѣлъ за границей, поскольку за такимъ обсужденіемъ скрывается критика прусской политики. Въ такихъ случаяхъ органамъ администраціи предписывалось дѣйствовать безъ замедленія и рѣшительно; и дѣйствительно, шесть берлинскихъ газетъ, протестовавшихъ противъ ордонанса о печати, какъ противоконституціонной мѣры, получили немедленно первое предостереженіе.

Такимъ образомъ, передъ прогрессистской партіей опять стоялъ выборъ, объявить ли абсолютистско-феодальной реакціи настоящую войну или продолжать по-прежнему безсодержательную призрачную борьбу. Въ первомъ случаѣ ей представлялись благопріятныя перспективы. Заставивъ своего противника серьезно примѣнять ордонансъ о печати, она могла поставить его въ невыносимое положеніе. Это было бы самое лучшее средство вызвать въ странѣ сильнѣйшее возбужденіе и вовлечь въ бой матеріальные интересы буржуазіи, которые на сотню ладовъ связаны съ буржуазной прессой. Газеты, убитыя сегодня, могли на завтра воскреснуть подъ новымъ названіемъ и продолжать войну съ удвоенной силой. Бисмаркъ могъ посредствомъ ордонанса нанести раны отдѣльнымъ капиталистамъ, но онъ долженъ былъ бы, въ концѣ концовъ, покориться капиталу, который готовъ былъ мстить за дерзновенныя посягательства на священную собственность. Именно то соображеніе, что, послѣ возобновленія сессіи ландтага, Бисмаркъ все-таки не сможетъ и не будетъ отстаивать противоконституціонный ордонансъ противъ возраженій палаты представителей, тѣмъ болѣе должно было побудить направить обоюдоострое оружіе противъ поднявшаго его; тѣмъ меньшему риску подвергался вложенный въ либеральныя газеты капиталъ при упорномъ сопротивленіи ордонансу. Все это было совершенно ясно, при томъ предположеніи, что прогрессистская партія хочетъ настоящей войны.

Если же конституціонный конфликтъ впредь, какъ и до того, не долженъ былъ выходить за предѣлы парламентско-публицистической потасовки, тогда, разумѣется, въ интересахъ прогрессистовъ было уклониться отъ удара, который Бисмаркъ направилъ противъ оппозиціонной печати. Тогда надо было покориться и отказаться отъ публицистической оппозиціи, пока ландтагъ вновь не соберется, и ордонансъ о печати не будетъ отмѣненъ палатой представителей. Избравъ

послѣдній путь, прогрессистская партія была въ своемъ родѣ послѣдовательна, но не подлежитъ спору, что такимъ образомъ никогда нельзя одержать побѣду. Вмѣстѣ съ тѣмъ справедливость требуетъ признать, что въ данномъ случаѣ она еще съ большимъ основаніемъ, чѣмъ въ другихъ, не довѣряла своей силѣ. Буржуазная пресса, начиная съ извѣстной ступени своего развитія, вообще неспособна рѣшительно доводить до конца политическую борьбу. На почвѣ развитой капиталистической конкурренціи, никакая газета не можетъ отважиться на такую войну, при которой могутъ быть раненые, такъ какъ она можетъ быть увѣрена, что, въ случаѣ пораненія, ее немедленно сожрутъ ея собственные товарищи по борьбѣ. Когда, нѣсколько десятилѣтій спустя, „Народная газета“ подверглась временному запрещенію, благодаря закону противъ соціалистовъ, конкуррирующія газеты свободомыслящихъ, съ наною партіи свободомыслящихъ, Евгеніемъ Рихтеромъ, во главѣ, жадно бросились сдирать мясо съ костей только что задушеннаго коллеги, проливая при этомъ, конечно, крокодиловы слезы по поводу совершеннаго надъ нимъ насилія. Такова же была бы судьба всякой прогрессистской газеты, которая лѣтомъ 1863 года рѣшительно осмѣлилась бы показать зубы ордонансу о печати.

Такими понятными соображеніями объясняется также то, что пресса прогрессистской партіи вела себя тогда еще болѣе недостойно, чѣмъ это привыкли дѣлать ея парламентскіе представители. „Рейнская Газета“ съ негодованіемъ спрашивала, какъ можно ожидать, что издатель газеты станетъ рисковать своимъ капиталомъ тогда, когда „Народная Газета“, чтобы чернымъ по бѣлому доказать свою политическую безвредность, выпустила особымъ изданіемъ всѣ вѣрноподданническія, преисполненныя довѣрія статьи, напечатанныя ею съ самаго начала новой эры. Правда, книга была „напечатана на правахъ рукописи“, но отъ того, что это

чрезмѣрное обиліе лойяльнаго образа мыслей осталось скрытымъ отъ читателей профановъ, она лучше не стала. Она спеціально предназначалась для кронпринца и кронпринцессы, принадлежавшихъ къ самымъ ревностнымъ читателямъ „Народной Газеты". Кронпринцъ открыто высказался противъ ордонанса о печати, и вѣрные монархисты изъ буржуазіи возликовали по поводу того, что „столь благословенная Богомъ династія" обѣщаетъ нынѣ дать отпрыскъ имъ по сердцу. Ко всѣмъ прежнимъ недугамъ, одолѣвавшимъ прогрессистскую партію, ее началъ въ то время разъѣдать ракъ преклоненія передъ либерализмомъ кронпринца, и это продолжалось цѣлую четверть вѣка, пока ракъ не достигъ полнаго своего развитія и не превратилъ пляску дурака въ пляску смерти, какъ разъ тогда, когда она, повидимому, достигала своей цѣли.

Пока прогрессистскіе депутаты ломались на своихъ торжествахъ, а прогрессистскія газеты молчали подъ палкою ордонанса о печати, неожиданно всплылъ германскій вопросъ. Австрійское правительство считало конституціонный конфликтъ въ Пруссіи подходящимъ поводомъ для того, чтобы освободиться отъ соперничества Пруссіи въ руководствѣ германскими дѣлами. Австрійскій императоръ созвалъ во Франкфуртѣ на М. конгрессъ германскихъ князей для обсужденія вопроса о реформѣ Союза на основѣ расхваливаемаго до небесъ федеративнаго принципа, — принципа фактическаго партикуляризма и владычества Габсбурговъ. Императоръ австрійскій, король прусскій и три среднихъ или мелкихъ князя, вѣрность которыхъ Австріи была заранѣе обезпечена, должны были составить союзную директорію, рѣшающую дѣла простымъ большинствомъ голосовъ, и изъ парламентскихъ представительствъ отдѣльныхъ государствъ должно было быть избрано Союзное собраніе. Излишне входить въ подробности этой неуклюжей интриги; цѣлью ея было, съ одной

стороны, майоризированіе прусскаго государства, съ другой — медіатизированіе нѣмецкой націи.

Бисмарку не трудно было отпарировать этотъ неловкій ударъ. Онъ охлаждалъ въ королѣ интересъ къ франкфуртскому конгрессу князей и холодно заявлялъ, что австрійскія предложенія имѣютъ въ виду партикуляристическія стремленія, а не дѣйствительные интересы націи. Обезпеченіе этихъ интересовъ можетъ дать только истинное національное представительство, проистекающее изъ непосредственнаго участія всей націи. Только такое представительство можетъ дать Пруссіи увѣренность въ томъ, что ей ничѣмъ не приходится жертвовать, что не служило бы на пользу всей Германіи. Никакой механизмъ союзныхъ властей, какъ бы искусно онъ ни былъ выдуманъ, не можетъ устранить игру противоположныхъ династически-партикуляристическихъ интересовъ, и противовѣсомъ ей должно служить національное представительство. На эти слова прусскаго кабинета австрійское правительство, правда, сдѣлало злое замѣчаніе, что, судя по опыту революціонныхъ годовъ, слишкомъ „смѣло будетъ предположить", что въ собраніи, возникшемъ путемъ прямыхъ выборовъ, специфически прусская точка зрѣнія окажется тожественной съ обще-германской, но эта пароянская стрѣла была пущена при отступленіи; при всей „смѣлости" своихъ доводовъ, Бисмаркъ основательно посрамилъ австрійскую дипломатію и отправилъ конгрессъ князей вмѣстѣ съ федеративной реформой союза въ историческую мусорную яму, гдѣ имъ и быть надлежитъ.

Въ гораздо болѣе безпомощное положеніе, чѣмъ Бисмарка, по отношенію къ австрійскимъ планамъ, поставилъ себя франкфуртскій съѣздъ представителей, на которомъ присутствовало болѣе трехсотъ человѣкъ отдѣльныхъ германскихъ ландтаговъ. Правда, прямо онъ не попался на удочку, заявивъ, что полнаго удовлетворенія націй можно ожидать только отъ объ-

единенія въ союзное государство, какъ оно нашло свое правовое выраженіе въ имперской конституціи 1849 года. Но онъ прибавилъ, что въ вопросѣ о внутреннемъ кризисѣ и во внѣшнихъ вопросахъ онъ не можетъ относиться безусловно отрицательно къ проектамъ Австріи. Вдобавокъ, съѣздъ представителей сдѣлалъ глупость, передавъ эту резолюцію конгрессу князей: нѣмецкіе народные представители играли роль навязчивыхъ просителей у того самаго династическаго карликоваго деспотизма, который, сотни лѣтъ являясь проклятіемъ германскаго народа, трепался Бисмаркомъ на глазахъ всего міра. Разумѣется, у нихъ не было никакихъ серьезныхъ намѣреній при этомъ позорномъ выраженіи преданности, и вскорѣ послѣ этого они, со всѣмъ свойственнымъ имъ паѳосомъ, отреклись отъ австрійскаго плана реформы Союза. Но тѣмъ болѣе близорукой являлась та дипломатія, которая прятала въ трубу свои собственные принципы для того, чтобы низкопоклонствомъ передъ монархами среднихъ и мелкихъ государствъ досадить Бисмарку. Не такого сорта человѣкомъ былъ Бисмаркъ, чтобы очень безпокоиться такими булавочными уколами. Напротивъ, на первый разъ онъ пустилъ въ ходъ національный вопросъ противъ конституціоннаго и распустилъ 3 сентября палату представителей, чтобы предоставить избирателямъ высказаться о покушеніи франкфуртскаго конгресса князей на международное положеніе, независимость и достоинство прусскаго государства.

Такое развитіе приняли германскіе дѣла лѣтомъ 1863 года. Прусскій конституціонный конфликтъ совсѣмъ погрязъ въ болотѣ, а неспособность прогрессистской партіи на какой бы то ни было серьезный вопросъ дать серьезное рѣшеніе, была очевидна всему міру. Тутъ появился на сцену національный вопросъ, и его перваго появленія было достаточно, чтобы заставить реакціонное министерство Бисмарка стать, такъ сказать,

на демократическую точку зрѣнія. Нельзя сказать чтобы Лассаль оцѣнилъ дипломатическій шахматный ходъ Бисмарка выше, чѣмъ онъ того заслуживалъ, но онъ вѣрилъ въ непреоборимую логику фактовъ и въ свою силу помочь этой логикѣ восторжествовать.

Уже выпуская свой „Гласный отвѣтъ“, онъ принялъ въ разсчетъ и національную революцію; онъ писалъ тогда Леви: „Можетъ случиться, что, благодаря внѣшнимъ коньюнктурамъ, напримѣръ, благодаря войнѣ, возникнетъ національно-политическая революція, и я очень надѣюсь на такой случай и вѣрю въ него; немного раньше или немного позже, но онъ наступитъ. Но эта революція только тогда станетъ дѣйствительной, рѣшительной и разумной, когда за ней будетъ стоять ядро сознательной рабочей партіи и толкать ее впередъ. Въ противномъ случаѣ, она и въ политическомъ отношеніи кончится пораженіемъ и реакціей. Прочное ядро рабочей партіи, сознательной, по соціальнымъ причинамъ, революціонной партіи, толкающей и вынуждающей идти впередъ—одно это можетъ и въ національно-политическомъ отношеніи обезпечить революціи, возникшей, благодаря войнѣ и т. д., могучее плодотворное теченіе. Въ противномъ случаѣ, опять шаткость, неясность, реакція“. Ядро рабочей партіи Лассаль, несмотря на все это, создалъ. Послѣ того, какъ Бисмаркъ волей или неволей вынужденъ былъ включить въ свою программу парламентъ на основѣ прямыхъ народныхъ выборовъ, неужели не стоило толкать его впередъ, исторгнуть у него всеобщее избирательное право, котораго никогда нельзя было дождаться отъ прогрессистской партіи, чтобы, такимъ образомъ, завоевать для пролетаріата оружіе, при помощи котораго онъ могъ удовлетворить свои классовые интересы?

Этотъ тактическій поворотъ Лассаль совершилъ осенью 1863 года. Морально-политическое оправданіе го само по себѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Въ дни своего дѣтства революціоннымъ рабочимъ партіямъ часто приходится использовать для своихъ цѣлей внутренніе раздоры господствующихъ классовъ; сколько разъ чартисты пользовались торіями противъ виговъ и вигами противъ торіевъ! Да, политика прогрессистской партіи дѣлала тактическій поворотъ Лассаля неизбѣжнымъ. Эта партія всегда пренебрегала товарищескимъ союзомъ съ Лассалемъ и рабочими; самыя скромныя требованія пролетаріата она встрѣчала со сжатыми кулаками; справедливымъ притязаніямъ рабочихъ она противопоставляла то упорное сопротивленіе, отъ котораго она терпѣливо отказывалась при самыхъ наглыхъ требованіяхъ реакціи. Сильной, разсудительной политикой, даже исключительно съ ея буржуазной точки зрѣнія, прогрессистская партія во всякій моментъ могла снова пріобрѣсть симпатіи рабочихъ. Если же она предпочла все больше погружаться въ болото политическаго ничтожества, то она не имѣла права требовать, чтобы рабочіе позволяли ей и себя увлечь въ это болото.

Оправданіе тактики, принятой Лассалемъ, основано, конечно, на томъ, что революціонная рабочая партія используетъ для себя внутренніе раздоры господствующихъ классовъ, превосходящихъ ее силой, что она, другими словами, дурачитъ своихъ угнетателей, не давая имъ себя одурачивать. Такъ, графиня Гацфельдъ писала въ духѣ Лассаля: „Глубокая пропасть лежитъ между слѣдующими двумя вещами: явно или скрытно трудиться для своихъ враговъ, или, какъ великій политикъ, улавливать моментъ, чтобы извлекать выгоду изъ ошибокъ противниковъ, уничтожать одного врага посредствомъ другого, толкать ихъ на наклонную плоскость и пользоваться благопріятной для своихъ цѣлей конъюнктурой, кѣмъ бы она ни была вызвана“. Въ подобномъ же родѣ писалъ Іоганнъ Филиппъ Беккеръ, бывшій въ послѣдніе дни жизни Лассаля въ частомъ общеніи съ нимъ и въ принци-

ціальныхъ вопросахъ не легко поддававшійся обману: „Въ своей тактикѣ Лассаль былъ отважнымъ смѣлымъ акробатомъ, который, твердо полагаясь на собственную силу и ловкость, безъ всякой опасности могъ отважиться на прыжокъ до самаго края пропасти, такъ какъ однимъ скачкомъ онъ всегда снова стоялъ въ самой серединѣ своего укрѣпленнаго лагеря. Онъ умѣлъ заставать врасплохъ и внушать уваженіе, онъ бросалъ иногда реакціи кость, чтобы, пока она ломала надъ ней зубы, нанести ей основательные удары“. Лассаль всегда заботился о томъ, чтобы выдвинуть революціонный рабочій классъ, какъ третью самостоятельную и превосходную силу, рядомъ и выше юнкеровъ и буржуазіи; въ пользу своихъ принциповъ онъ хочетъ заставить свирѣпствовать королей и епископовъ; когда онъ въ своемъ позднѣйшемъ процессѣ по обвиненію въ государственной измѣнѣ намѣревался объяснить, что онъ будетъ интеллектуальнымъ виновникомъ, если Бисмаркъ дастъ всеобщее избирательное право, то онъ отвергъ осторожный совѣтъ Бухера, поставить вмѣсто „интеллектуальнаго виновника“ „герольда“ или „пророка“, чтобы не запугать Бисмарка

Не противъ тактическаго поворота Лассаля и не противъ того духа, въ которомъ онъ его выполнилъ, но противъ его личной способности къ практическому примѣненію этой тактики можно кое-что возразить. Чище и прекраснѣе всего Лассаль былъ тогда, когда онъ смѣло облекался въ цвѣта собственнаго знамени. Тогда ярко выступали его достоинства и блѣднѣли недостатки. Онъ указалъ на самую глубокую сущность свою, когда накапунѣ смерти писалъ: „Безъ крупной силы ничего нельзя сдѣлать, для дѣтской же игры я слишкомъ старъ и слишкомъ великъ... Я боюсь, что событія будутъ развиваться медленно, медленно, а моя пылкая душа не можетъ забавляться этими дѣтскими болѣзнями и хроническими процессами“. Съ

осени 1863 года Лассаль началъ считаться съ медленностью, съ дѣтскими болѣзнями и хроническими процессами историческаго развитія, и онъ не всегда могъ укротить свою пылкую душу, свои глубокія страсти для холоднаго и спокойнаго размышленія, котораго его тактика прежде всего требовала. Къ этому присоединилась нервная раздражительность и физическое истощеніе, которыя одолѣвали его въ продолжающейся, все растущей борьбѣ.

Тутъ недостатки его выступали сильнѣй, достоинства—слабѣй. Въ концѣ жизни его агитація уже не обладала больше первоначальной свѣжестью и прежней силой. Правда, духовный огонь его иногда еще воспламенялся, пожалуй, лучезарнѣе, чѣмъ въ лучшіе дни прежняго времени, когда онъ больше чадилъ и дымилъ, чѣмъ свѣтилъ и грѣлъ.

I. Рейнскій смотръ и штурмъ Берлина.

20 сентября въ Барменѣ, 27 въ Золингенѣ и 28 въ Дюссельдорфѣ Лассаль устроилъ предполагавшійся смотръ рейнскимъ рабочимъ. Рѣчь, которую онъ передъ ними произнесъ, онъ набросалъ во время уединенныхъ прогулокъ на морскомъ берегу. Предметъ ея составляли празднества, пресса и франкфуртскій съѣздъ представителей, какъ три проявленія общественнаго духа.

Въ этой рѣчи Лассаль затронулъ политическое происхожденіе своей агитаціи, возмущеніе буржуазной глупостью, получившей новое подтвержденіе въ указанныхъ трехъ симптомахъ. Что касается празднествъ прогрессистской партіи и ея прессы, то Лассаль былъ совершенно правъ, сказавъ, что буржуазія хотѣла умыть медвѣдя, не замочивъ шкуры, что способъ, какъ она устраивала свои празднества, и способъ, какъ ея пресса подчинялась ордонансу о печати, находились въ полномъ согласіи со всей ея политикой. И отвергая эту политику, какъ трусливую и безпомощную, онъ

логически былъ также правъ, когда подвергалъ ѣдкой насмѣшкѣ празднества прогрессистовъ и ихъ прессу.

Оправданіе политическихъ оппозиціонныхъ торжествъ находится въ полной зависимости отъ сущности той оппозиціи, которая ими имѣется въ виду. Если они сопутствуютъ политикѣ, умѣющей дѣйствовать и наносить удары — въ духѣ гетевскаго: „днемъ работа, вечеромъ гости, тяжелыя недѣли, веселые праздники", — тогда они являются дѣйствительными агитаціонными средствами, и ихъ оправданіе неподлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но если они должны замѣнить политическую работу, если шумными тостами они должны замаскировать полное отсутствіе дѣеспособности, тогда они являются средствомъ развращенія, которое нельзя осудить съ достаточною рѣзкостью. Кёльнскій праздникъ въ честь представителей въ 1865 году долженъ былъ подтвердить, что Лассаль, характеризуя кёльнскій праздникъ въ честь представителей въ 1863 году, не допустилъ ни малѣйшаго преувеличенія.

Болѣе уязвима въ извѣстномъ отношеніи была полемика Лассаля противъ прогрессистской и вообще буржуазной прессы. Правда, это значило бы доить комаровъ и проглатывать верблюдовъ, если придавать большое значеніе той, такъ сказать, конкретной несправедливости, которую Лассаль оказалъ этой прессѣ въ своей рѣчи во время смотра, какъ напримѣръ, слишкомъ суровому приговору, вынесенному имъ противъ такого во многихъ отношеніяхъ заслуженнаго человѣка, какъ Бернштейнъ изъ „Народной Газеты". Если соединить вмѣстѣ всѣ эти несправедливости, то онѣ не достигнутъ и десятой доли той несправедливости, которую Лассалю приходилось испытывать отъ буржуазной прессы, въ томъ числѣ и отъ Бернштейна. Онъ ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ притязанія на принадлежность къ тѣмъ христіанскимъ терпѣливцамъ которые, получивъ ударъ въ правую щеку, подста-

вляютъ и лѣвую, и онъ не былъ бы человѣкомъ изъ плоти и крови, если бы, защищаясь отъ невѣроятныхъ поношеній, онъ всегда умѣлъ не выходить за предѣлы объективной справедливости. Затѣмъ, онъ могъ указать на то, что его неблагопріятныя сужденія о буржуазной прессѣ впервые были вызваны не причиненными ему обидами, а что онъ бичевалъ ея язвы уже въ своемъ сочиненіи противъ Юліана Шмидта.

Тѣмъ не менѣе, онъ слишкомъ односторонне понималъ эти язвы, изображая прессу исключительной носительницей духовной развращенности, которая неотдѣлима отъ капиталистическаго общества. Конечно, буржазная пресса—это „промышленное приложеніе капитала и спекуляція“, но, какъ средство опустошенія народнаго духа, она не стоитъ одиноко, а, при обстоятельствахъ, даже не на первомъ планѣ. Буржуазія „превратила—какъ сказано въ „Коммуническомъ Манифестѣ“—въ своихъ оплачиваемыхъ наемниковъ“ не только газетнаго писателя, но также и „врача, юриста, попа, поэта, человѣка науки“. Ученые, которыхъ Лассаль въ своей рѣчи во время смотра и въ другихъ случаяхъ противопоставляетъ прессѣ, какъ классъ, такъ же или еще больше зависимы, чѣмъ „интеллигентный пролетаріатъ“ газетной прессы. Уже приближалось время, когда патентованные профессора въ качествѣ коробейниковъ реакціи, развозили по странѣ планы Бисмарка, сводившіеся къ ограбленію народныхъ массъ, при чемъ они нерѣдко пользовались бранными словами Лассаля о либеральной прессѣ, чтобы сломить справедливое до извѣстной степени сопротивленіе промышленно-капиталистическихъ газетъ.

Слишкомъ односторонне также судилъ Лассаль, когда источникъ развращенія буржуазной прессы видѣлъ, главнымъ образомъ, въ печатаніи объявленій. Пресса, имѣющая корни въ капиталистическомъ обществѣ, должна подвергнуться капиталистической инфекціи, все равно, даетъ ли она мѣсто объявленіямъ

или пѣть. Здѣсь, однако, дѣло шло только о теоретической односторонности. Для нѣмецкой прессы, которая прежде всего имѣлась въ виду, печатаніе объявленій было, во всякомъ случаѣ, дорогой къ пропасти. Возникшія бюро объявленій, вскорѣ послѣ смерти Лассаля, дали начало той дѣловой, совершенно безыдейной прессѣ, которая расползалась, какъ масляное пятно и стояла гораздо ниже прессы шестидесятыхъ годовъ, которую бичевалъ Лассаль. Затѣмъ, предложеніе Лассаля уничтожить въ интересахъ государства систему объявленій и тѣмъ вернуть прессу къ ея дѣйствительному призванію,—совершенно правильная мысль, конечно, не для нынѣшняго государства, а для соціалъ-демократическаго, которое только Лассаль и имѣлъ въ виду, для того времени, когда пролетаріатъ завоюетъ политическую власть и превратитъ капиталистическое общество въ соціалистическое.

Центръ тяжести рѣчи, произнесенной Лассалемъ во время смотра, былъ въ третьемъ ея отдѣлѣ, въ критикѣ франкфуртскаго съѣзда представителей. Имперская конституція 1849 года была, по мнѣнію Лассаля, реакціонной утопіей, никогда не могущей стать знаменемъ пролетаріата. Но онъ прибавлялъ, что прогрессисты и члены Національнаго Союза, разъ избравъ это знамя, не должны были ставить себя въ смѣшное положеніе своею непослѣдовательностью, относясь къ австрійскимъ планамъ реформы Союза „не безусловно отрицательно". „Прогрессисты строютъ глазки князьямъ, чтобы досадить господину ф. Бисмарку. Они надѣются запугать его, кокетничая съ нѣмецкими князьями. Вотъ средства этихъ нищихъ изъ нищихъ! И если бы мы обмѣнивались выстрѣлами съ господиномъ ф. Бисмаркомъ, то справедливость требовала бы, во время залповъ еще признать, что онъ мужчина, а тѣ — старыя бабы! А никогда еще старыя бабы не запугивали мужчины, строя глазки противной сторонѣ". Такъ Бисмаркъ и отвѣтилъ.

прогрессистамъ уже тѣмъ, что распустилъ палату представителей.

Отношеніе рабочихъ къ предстоящимъ выборамъ Лассаль опредѣлилъ въ томъ смыслѣ, что рабочіе принципіально не заинтересованы въ ихъ исходѣ. Всеобщаго избирательнаго права еще нѣтъ или уже нѣтъ, а прусская конституція не имѣла еще ни одного дня правового существованія. Она покоится на цѣломъ рядѣ правонарушеній, посредствомъ которыхъ корона отмѣнила апрѣльскіе законы 1848 года. Данная ей присяга не дѣйствительна, какъ недѣйствительна данная у алтаря клятва, разъ какой-нибудь законъ дѣлаетъ недѣйствительнымъ заключенный бракъ. Со времени Revisionskammer 1849 года въ Пруссіи еще не было законнаго представительства; прусскія палаты, это противозаконныя кучки узурпаторовъ. Конечно, либеральные парламентскіе герои могли бы собираться и въ незаконномъ парламентѣ, чтобы превратить остатки народныхъ правъ въ оружіе для вторичнаго достиженія дальнѣйшихъ правъ народа. Но тогда они должны были бы каждую сессію начинать прежде всего констатированіемъ своего собственнаго нелегальнаго существованія и вызовомъ еще неумиротворенной тѣни народнаго права.

Стало быть, продолжаетъ Лассаль, рабочіе принципіально не заинтересованы въ предметѣ борьбы, прусской конституціи, и они не связаны принципіальными интересами съ борющимися сторонами, такъ какъ и та, и другая сторона, и реакціонеры, и прогрессисты, имъ одинаково чужды. Но въ тактическомъ отношеніи они серьезно заинтересованы въ томъ, чтобы борьба между прогрессистской партіей и реакціей продолжалась, а потому всюду, гдѣ побѣда прогрессистской партіи не обезпечена безусловно, они должны подавать свои голоса въ пользу этой партіи, какъ болѣе слабой стороны. Рабочіе заинтересованы въ продолженіи борьбы между реакціей и прогрессистской партіей, не изъ того

соображенія, чтобы одна сторона пожрала и поглотила другую, а чтобы,—какъ Гуттенъ сказалъ, когда Лютеръ возсталъ противъ папы,—онѣ пожрали и поглотили другъ друга.

По поводу рѣчей Беннигсена и Шульце-Делича на франкфуртскомъ съѣздѣ представителей Лассаль тогда еще обратилъ вниманіе на торжественное заявленіе буржуазіи, что она революціи не хочетъ, что она не перестаетъ угрожать уходомъ съ поля борьбы, если рабочіе отважатся вести собственную классовую политику, что она никогда не согласится улучшить соціальное положеніе рабочаго класса, и что она скорѣе откажется отъ собственной политической свободы, чѣмъ допустить всеобщее избирательное право для рабочихъ.

Онъ ставилъ рабочимъ въ обязанность, если „тѣмъ или инымъ путемъ" когда-нибудь переворотъ произойдетъ, припомнить прогрессистамъ и членамъ Національнаго Союза, что они до послѣдняго момента заявляли, что они не хотятъ революціи.

Этимъ Лассаль сказалъ рабочимъ, что буржуазія относится къ нимъ такъ же враждебно, какъ и реакція, что въ ихъ интересахъ взаимное истребленіе этихъ партій и использованіе всѣхъ преимуществъ, вытекающихъ изъ борьбы между господствующими классами. И если „тѣмъ или инымъ путемъ" произойдетъ переворотъ,—завоюютъ ли рабочіе всеобщее избирательное право собственными силами, октроируетъ ли его Бисмаркъ посредствомъ государственнаго переворота,—рабочимъ ни въ какомъ случаѣ нѣтъ надобности заботиться объ интересахъ такой буржуазіи, которая разъ навсегда ничего знать не хочетъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ.

Въ доводахъ, при помощи которыхъ Лассаль обосновывалъ свой тактическій поворотъ, онъ не отрекался ни отъ одного изъ своихъ прежнихъ принциповъ. На имперскую конституцію 1849 года онъ уже въ своей статьѣ объ итальянской войнѣ смотрѣлъ, какъ на

реакціонную утопію. И уже въ статьѣ о политическомъ завѣщаніи Фихте онъ сказалъ: „Рядомъ съ великимъ противорѣчіемъ между федераціей и единствомъ народа становится относительно незначительнымъ даже различіе между монархіей и республикой, и мы совершенно серьезно полагаемъ, что даже тѣ, которые хотятъ наслѣдственной, монархической, единой германской имперіи съ полнымъ уничтоженіемъ 35 суверенныхъ государствъ второго порядка, хотя бы со всѣми завитушками, побрякушками и сентиментальностями временъ буршеншафта, все же еще стоятъ на гораздо болѣе высокой ступени интеллигентности и политической правды, чѣмъ наши федералисты-республиканцы“. Согласно съ Фихте, Лассаль видѣлъ въ федерализмѣ идеологическій принципъ; въ своей рѣчи во время смотра онъ воспользовался американской гражданской войной въ качествѣ довода противъ федерализма и упустилъ при этомъ изъ виду, что политическія государственныя формы въ конечномъ счетѣ опредѣляются тѣми экономическими условіями, на почвѣ которыхъ онѣ возникаютъ, такъ что федерализмъ, въ зависимости отъ этихъ условій, можетъ быть столько же разумной, сколько неразумной государственной формой. Но это опять-таки было лишь чисто теоретической односторонностью; какъ разъ въ Германіи федерализмъ шелъ вразрѣзъ съ потребностями экономическаго развитія, какъ это доказалъ уже Марксъ въ „Новой Рейнской Газетѣ“, и Лассаль безусловно оставался вѣренъ самому себѣ, когда онъ бичевалъ заигрываніе господъ изъ Національнаго Союза съ австрійско-партикуляристической реформой Германскаго Союза, какъ заигрываніе съ самой реакціонной и устарѣлой точкой зрѣнія, какая только вообще мыслима въ національномъ вопросѣ.

Что Бисмаркъ искуснѣе и логичнѣе, чѣмъ прогрессистская партія, разрушилъ федералистическую интригу франкфуртскаго конгресса князей, это—не-

сомнѣнный фактъ, и рѣзкое сравненіе съ мужчиной и старыми бабами, сдѣланное Лассалемъ, въ сущности, было очень мѣтко. Въ тактическомъ отношеніи оно было бы неумѣстнымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы прогрессистская партія вообще вела серьезную войну съ Бисмаркомъ. Но этого-то она не дѣлала. Въ своихъ сужденіяхъ о цѣнности прусской конституціи Лассаль оставался вполнѣ на почвѣ своихъ прежнихъ рѣчей о конституціи. И теперь онъ совершенно открыто называлъ настоящимъ именемъ право нарушенія со стороны прусской короны; и то, что онъ говорилъ прогрессистской партіи, она сама должна была сказать себѣ, если она хотѣла довести до побѣдоноснаго конца борьбу за бюджетное право.

Итакъ, если рѣчь Лассаля во время смотра и оставалась въ предѣлахъ тактическаго поворота, то въ результатѣ ея все-таки былъ такой случай, когда Лассаль преступилъ границы политическаго такта. Рейнскіе рабочіе не обманули его надеждъ; они встрѣтили стараго товарища во время революціи и друга во время реакціи съ горячимъ торжествомъ. Въ Барменѣ Лассаль говорилъ передъ двумя или тремя тысячами рабочихъ. Попытка либеральныхъ фабрикантовъ и ихъ прислужниковъ помѣшать собранію посредствомъ шума окончилась полной неудачей. Нарушителей тишины моментально выпроводили, при чемъ, какъ гласитъ отчетъ Вальтейха, потрясаемые въ воздухѣ стулья и брошенныя пивныя бутылки ускорили ихъ отступленіе.

Собраніе произвело глубокое впечатлѣніе на Альберта Ланге, который написалъ о немъ отчетъ во франкфуртской „Южногерманской Газетѣ". Въ анонимной, но, несомнѣнно, написанной Ланге статьѣ говорится, что вздорное утвержденіе, будто Лассаль является орудіемъ и даже слѣпымъ орудіемъ реакціи, не нуждается въ опроверженіи. Реакція работаетъ ему наруку, но не онъ ей. Число его приверженцевъ

безпрестанно растетъ, такъ же растетъ и ихъ фанатизмъ. Приверженность его учениковъ къ нему совсѣмъ не такого рода, какъ привязанность членовъ товариществъ къ Шульце-Деличу. Бутылки, брошенныя въ Барменѣ въ отступавшихъ прогрессистовъ, не являлись оружіемъ обычной грубости, и въ Золингенѣ, гдѣ рабочее населеніе всегда отличалось пылкимъ характеромъ, можно ожидать совершенно подобныхъ же явленій. И это не было пустымъ чванствомъ, когда Лассаль назвалъ свое выступленіе военнымъ смотромъ. Выступитъ ли когда-нибудь армія стрѣлковъ и гимнастовъ па борьбу за конституцію, это, можетъ быть, вопросъ спорный, но не подлежитъ спору, что Лассалевская армія рабочихъ, если дѣлу дадутъ зайти такъ далеко, не оставитъ на мѣстѣ отъ нынѣшней конституціи ни кусочка, и прежде всего отъ скипетра, короны, звѣзды и прочихъ побрякушекъ.

Прежде всего, подтвердилось предсказаніе Ланге, что барменскія происшествія повторятся, и въ еще болѣе сильной степени, въ Золингенѣ. Тысячи рейнскихъ рабочихъ устремились въ Золингенъ, чтобы послушать Лассаля. Гигантскій залъ замка стрѣлковъ былъ набитъ биткомъ, а передъ дверьми его тѣснилась еще густая толпа. Попытки прогрессистовъ прервать Лассаля, лишь только онъ началъ говорить, были опять подавлены въ зародышѣ, тѣмъ не менѣе нѣкоторые возмущенные рабочіе позволили себѣ увлечься до того, что нанесли кой-кому изъ выпроваживаемыхъ нарушителей порядка раны ножами. Черезъ полчаса послѣ того, какъ Лассаль началъ говорить, явился золингенскій бургомистръ съ дюжиною вооруженныхъ полицейскихъ и распустилъ собраніе, ссылаясь на пораненіе прогрессистскихъ буяновъ. Тогда Лассаль, въ сопровожденіи жандармовъ, окруженный многотысячной толпой ликующихъ рабочихъ, все время кричавшихъ въ честь его „ура!“, поспѣшилъ на телеграфную станцію и отправилъ Бисмарку телеграмму

съ просьбой о „строжайшемъ, скорѣйшемъ, законномъ удовлетвореніи“ по отношенію къ „прогрессистскому бургомистру“, распустившему собраніе безъ всякаго законнаго основанія.

Эта телеграмма была большой ошибкой со стороны Лассаля. На чорта не жалуются сатанѣ. Менѣе всего имѣлъ право революціонеръ обращаться къ носителю феодальной реакціи, уже въ теченіе половины поколѣнія не перестававшей позорнѣйшимъ образомъ третировать право союзовъ и собраній, за удовлетвореніемъ по поводу нарушенія этого права, кто бы ни былъ въ этомъ виновенъ, прогрессистъ или кто-либо другой. Бисмаркъ, разумѣется, не далъ просимаго удовлетворенія; не станетъ отрекаться феодальная бюрократія отъ либеральнаго бюрократа, провинившагося въ полицейскомъ произволѣ, но, наоборотъ, трижды будетъ привѣтствовать его, какъ обращеннаго грѣшника. Если, какъ человѣка, Лассаля и можно до извѣстной степени оправдать за то, что онъ, до глубины души раздраженный прогрессистской партіей, совершилъ необдуманный поступокъ, то тѣмъ менѣе имѣлъ право Лассаль, какъ политическій дѣятель, помогать дѣлу своихъ смертельныхъ враговъ. Въ рукахъ прогрессистской партіи былъ теперь документъ, который могъ служить ей мнимымъ доказательствомъ связи Лассаля съ Бисмаркомъ.

Самъ Лассаль долженъ былъ довольно скоро почувствовать неблагопріятныя послѣдствія своей ошибки. Послѣ золингенскаго собранія онъ говорилъ еще безъ помѣхи въ Дюссельдорфѣ, но затѣмъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія привѣтствовать также и своихъ гамбургскихъ приверженцевъ, въ виду полнаго истощенія голосовыхъ средствъ. 7 октября онъ опять прибылъ въ Берлинъ, справедливо считая своей важнѣйшей задачей теперь завоевать этотъ городъ. Штурмъ Берлина онъ началъ съ обращенія къ берлинскимъ рабочимъ, которое онъ распространилъ въ 16.000 экземпляровъ.

Прогрессистская партія думала сначала обойти молчаніемъ рейнскіе успѣхи Лассаля; бывшій коммунистъ Беккеръ обрабатывалъ въ этомъ смыслѣ Вильгельма Газенклевера, кожевеннаго подмастерья, возвысившагося до редактора буржуазно-демократической газетки въ Гагенѣ. Однако, когда съ замалчиваніемъ дѣло все-таки не выгорѣло, прогрессистскія газеты, какъ бы для подтвержденія того, что рѣчь Лассаля во время смотра не причинила имъ много вреда, стали распространять сказку, будто въ Золингенѣ Лассалю пришлось прибѣгнуть къ защитѣ полицейскихъ отъ ярости возмущенныхъ его демагогіей рабочихъ. Съ особеннымъ усердіемъ распространяли эту ложь „Народная Газета“ и берлинская „Реформа“, самыя распространенныя среди рабочихъ газеты. Съ этого Лассаль и началъ, чтобы показать берлинскимъ рабочимъ, какимъ безпримѣрнымъ образомъ ихъ обманывала прогрессистская пресса. Онъ воспользовался письмомъ Ланге для доказательства того, что прогрессисты, оставаясь наединѣ, говорятъ правду и указываютъ на революціонный характеръ его агитаціи. Онъ снова доказывалъ, что прогрессисты ненавидятъ его не за то, что боятся его реакціонности, а за то, что боятся его революціонности. Защиту прусской конституціи онъ называлъ дѣломъ реакціоннымъ, защиту же всеобщаго избирательнаго права—революціоннымъ дѣломъ. Онъ осмѣивалъ прогрессистскихъ флюгеровъ, которые поняли, наконецъ, свою ошибку на франкфуртскомъ съѣздѣ представителей и съ фанатизмомъ отрекались отъ австрійско-партикуляристической реформы союза. Лассаль спрашивалъ, какъ рабочимъ поступать съ людьми, которые въ августѣ выступали подъ черножелтымъ знаменемъ, а въ октябрѣ подъ чернобѣлымъ, которые, по отношенію къ важнѣйшимъ національнымъ вопросамъ не знаютъ, чего они хотятъ, и, стало быть, еще менѣе могутъ сказать рабочимъ, чего имъ хотѣть?

Особенно горячо протестовалъ Лассаль противъ

того, будто онъ требуетъ государственной помощи отъ государства. Онъ заранѣе осудилъ позднѣйшую „соціальную реформу“ Бисмарка, рѣшительно отвергнувъ ту мысль, что рабочіе должны получать пенсію отъ государства и за милостыню пожертвовать своею самостоятельностью и независимостью. Онъ требовалъ ни больше, ни меньше того, чтобы будущее, возрожденное, благодаря введенію всеобщаго прямого избирательнаго права, демократическое государство путемъ легкой для него кредитной операціи снабдило рабочихъ необходимыми капиталами для устройства производительныхъ товариществъ. Эта государственная помощь не противорѣчитъ самопомощи, наоборотъ, она является грандіознѣйшей и „соціальной самопомощью“, она впервые вообще открываетъ для рабочихъ возможность самопомощи. Лассаль напоминалъ берлинскимъ рабочимъ объ ихъ великихъ мертвецахъ 1848 года и предупреждалъ ихъ объ отвѣтственности, которую они возьмутъ на себя передъ собою, передъ своими братьями, передъ всей исторіей, если будутъ продолжать колебаться. Важнѣйшіе центры Германіи охвачены уже движеніемъ, прусская Рейнская провинція форсированнымъ маршемъ идетъ впереди; если примкнетъ Берлинъ, движеніе станетъ непреодолимымъ.

Обращеніе было составлено очень искусно, но не имѣло почти никакого вліянія. Берлинскій пролетаріатъ находился тогда въ какомъ-то хаотическомъ броженіи, благодаря которому онъ уже въ предыдущемъ году невыгодно отличался отъ лейпцигскаго пролетаріата. Прусская столица развивалась съ какимъ-то лихорадочнымъ темпомъ, превращаясь въ крупный промышленный и торговый центръ, между прочимъ, также благодаря тому, что она превращалась все болѣе и болѣе въ узловой пунктъ расходившейся во всѣ стороны желѣзнодорожной сѣти. Она массами привлекала рабочія силы изъ прусскихъ отдаленныхъ областей; съ 1860 по 1867 гг. народонаселеніе ея возросло съ 500.000

до 700.000. Рабочая масса суетливо металась изъ стороны въ сторону подъ сильнымъ вліяніемъ новыхъ элементовъ, знавшихъ до того о политикѣ столько же, сколько о томъ, что дѣлается на лунѣ, и думавшихъ, что въ городѣ они прежде всего нашли мѣсто, обилующее золотомъ, элементовъ, павшихъ подъ ударами перваго разочарованія лишь съ тѣмъ, чтобы еще судорожнѣе уцѣпиться за послѣднюю надежду. Къ тому же не было почти никакихъ организацій, которыя бы могли внести порядокъ въ эту безпорядочную массу.

Рядомъ съ крупнымъ союзомъ ремесленниковъ, посвящавшимъ себя исключительно или преимущественно просвѣтительнымъ цѣлямъ, и берлинскимъ рабочимъ союзомъ, политическою цитаделью Шульце, было только три рабочихъ союза въ собственномъ смыслѣ слова: союзъ старшихъ подмастерьевъ, во главѣ котораго стоялъ башмачникъ, союзъ помощниковъ книгопечатниковъ и тотъ союзъ машиностроительныхъ рабочихъ въ ораніенбургскомъ предмѣстьѣ, который называлъ себя загороднымъ союзомъ ремесленниковъ. Участіе этихъ союзовъ въ агитаціи Лассаля выразилось сначала въ очень странной формѣ. Изъ пяти или, если считать Вальтейха, изъ шести рабочихъ, изъявившихъ послѣ обращенія Лассаля готовность принимать записи въ списки Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, было четыре или пять башмачниковъ, одинъ наборщикъ и ни одного машиностроительнаго рабочаго. Если теперь принять въ соображеніе, что башмачное производство принадлежало къ гибнущимъ ремесламъ, книгопечатаніе—къ мануфактурному производству, а машиностроеніе—къ современной крупной промышленности, то оказывается что берлинскіе рабочіе тѣмъ болѣе уклонялись, чѣмъ выше была та ступень промышленнаго развитія, на которой они стояли.

Тѣмъ не менѣе, внутренняя причина этого страннаго явленія объяснялась довольно просто. Башмачное про-

изводство, — ремесло постоянно переполненное, въ виду того, что за него легко браться и при этомъ не требуется значительныхъ средствъ, — уже съ сороковыхъ годовъ превратилось, большею частью, въ капиталистически эксплоатируемую домашнюю промышленность; въ дѣлѣ попеченія о бѣдныхъ Берлина и другихъ крупныхъ городовъ голодающій башмачникъ съ кучей ребятъ игралъ съ тѣхъ поръ выдающуюся роль. Въ шестидесятыхъ годахъ въ это ремесло вторгнулось машинное производство. Отчетъ о парижской выставкѣ 1867 года съ торжествомъ заявлялъ: „Болѣе трехъ тысячелѣтій, со временъ фараоновъ, башмаки дѣлались однимъ и тѣмъ же ручнымъ способомъ; теперь удалось добиться чисто механическаго изготовленія". Въ прусскихъ военныхъ башмачныхъ мастерскихъ работали при помощи машинъ, которыя одна берлинская фабрика изготовляла по 200 талеровъ за штуку. Положеніе этого ремесла было таково: „Спасайся, кто можетъ!" Вождемъ цехового движенія былъ башмачный мастеръ; изъ 200 товариществъ для закупки сырья, основанныхъ Шульце, не меньше 80 состояли изъ башмачныхъ мастеровъ; первыми самыми ревностными приверженцами Лассаля были интеллигентные башмачные подмастерья, вродѣ Вальтейха, Метцнера, Арндта, Гойтса, Фойгта.

Не таково было положеніе подмастерьевъ въ книгопечатномъ дѣлѣ. Рядъ обстоятельствъ — быстрый расцвѣтъ газетнаго дѣла и прикрѣпленность этого промысла къ опредѣленнымъ мѣстамъ, реакціонное разрушеніе школы, ограничившее конкурренцію въ этой профессіи, требующей въ такой высокой мѣрѣ школьнаго образованія, отсутствіе, пока что, опасности машиннаго производства и многое другое — дѣлали подмастерьевъ въ книгопечатномъ дѣлѣ особенно склонными къ профессіональной организаціи, которая позволяла бы имъ, какъ они правильно полагали, оказывать извѣстное вліяніе на высоту заработной платы. Бор-

линскій союзъ подмастерьевъ печатниковъ, насчитывавшій 600 членовъ и, такимъ образомъ, охватывавшій около половины всѣхъ берлинскихъ печатниковъ и наборщиковъ, обратился уже къ берлинскимъ владѣльцамъ типографій съ предложеніемъ подвергнуть пересмотру навязанный рабочимъ въ реакціонное время тарифъ, уже совершенно несоотвѣтствовавшій сильно повысившимся цѣнамъ на средства къ существованію. Союзъ, разумѣется, получилъ рѣшительный отказъ; тогда-то онъ призналъ положенія Лассаля, поскольку они оказались ему въ пору. Онъ требовалъ государственной помощи и съ этой цѣлью обратился къ правительству съ петиціей объ отмѣнѣ запрета коалицій. Въ обоснованіи этой петиціи онъ ссылался на желѣзный законъ заработной платы, дѣлая, однако, оговорку, что путемъ коалицій можно достигнуть „нѣкотораго уравненія перевѣса предпринимателя надъ неимущимъ рабочимъ". Въ союзѣ подмастерьевъ печатниковъ Лассаль пріобрѣлъ приверженцевъ только на половину.

Затѣмъ, совсѣмъ не откликнулись на его агитацію машиностроительные рабочіе. Хорошо оплачиваемые при тогдашнемъ цвѣтущемъ состояніи машиннаго производства, представляя собою сильный, живой, чисто современный слой рабочихъ, машиностроительные рабочіе питали самое глубокое отвращеніе ко всякой политической и экономической реакціи. Они очень близко видѣли на дѣлѣ прусскихъ бюрократовъ и защитниковъ цехового строя и стали очень недовѣрчивыми благодаря тому, что вождь прошлогодняго рабочаго движенія, къ тому же выходившій изъ ихъ же собственной среды, оказался потомъ орудіемъ правительства. Такимъ образомъ, „Народной Газетѣ", съ которой они были въ тѣсномъ общеніи съ пятидесятыхъ годовъ, сравнительно не трудно было внушить имъ отвращеніе къ „государственной помощи". Къ тому же прогрессивные машинные фабриканты подали прави-

тельству петицію объ отмѣнѣ запрета коалицій, что, правда, было, какъ очень скоро обнаружило поведеніе прогрессистской партіи, лишь временной уловкой, чтобы не охлаждать значительнѣйшую часть берлинскаго пролетаріата, но въ данный моментъ это произвело нужное впечатлѣніе. Ко всему этому прибавилась еще несчастная телеграмма Лассаля къ Бисмарку. Машиностроительные рабочіе остались вѣрны прогрессистской партіи, а ихъ поведеніе оказалось рѣшающимъ для массы берлинскаго пролетаріата.

Нѣсколькихъ приверженцевъ Лассаль пріобрѣлъ въ буржуазномъ населеніи Берлина, а именно, врачей Эйспера и Неймана, книготорговца Рейнольда Шлингмана, кандидата Алекси. И Либкнехтъ, годъ тому назадъ вернувшійся изъ Англіи, гдѣ онъ жилъ въ изгнаніи, примкнулъ къ нему около этого времени. Либкнехтъ короткое время работалъ въ „Сѣверно-Германской Всеобщей Газетѣ“, основанной Августомъ Брассомъ, яркокраснымъ республиканцемъ 1848 года, въ качествѣ всегерманскаго демократическаго органа, но очень скоро перешедшей въ лагерь Бисмарка. Какъ только Либкнехтъ объ этомъ узналъ, онъ покинулъ газету, чтобы на берлинской мостовой снова начать суровую борьбу за существованіе, которую онъ велъ двѣнадцать лѣтъ на лондонской мостовой. Къ вступленію во Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ его побуждало, по его собственнымъ словамъ, выполненіе долга чести, желаніе выразить свои симпатіи союзу, на который сыпались нападки со стороны прогрессистской печати. Вообще же на агитацію Лассаля онъ смотрѣлъ, какъ Марксъ, и было вполнѣ понятно, что ему, послѣ недавняго печальнаго опыта съ Брассомъ, тактическій поворотъ Лассаля былъ не по сердцу и даже возбуждалъ недовѣріе. Съ другой стороны, германскія отношенія ему стали чужды, и онъ держался того ложнаго мнѣнія, что Лассаль, какъ старый коммунистъ, всетаки поддался увлеченію въ прогрессистски демократи-

ческій фарватеръ и соблазнился наполеоновскими всегерманскими мечтаніями 1859 года. Такимъ образомъ, антипатія была взаимная, какъ Либкнехтъ справедливо и признавалъ.

Слабыя силы, съ которыми Лассаль попытался штурмовать Берлинъ, наткнулись на очень сильное сопротивленіе. Прогрессистская партія заявила, что соціализмъ поднялъ голову въ Берлинѣ, въ Берлинѣ же нужно его разбить на голову. Для стяжанія столь благородныхъ лавровъ, она не пренебрегла и помощью полиціи; она снять всякими неправдами старалась использовать ошибку Лассаля съ депешей къ Бисмарку, она всячески старалась вліять на владѣльцевъ залъ, отдаваемыхъ подъ собранія; это было ея первое средство, при проведеніи котораго полиція оказывала посильную помощь, а попытки мѣшать правильному теченію собраній путемъ скандаловъ, опять-таки при услужливомъ содѣйствіи полиціи, были ея вторымъ средствомъ. Памятуя рейнскій опытъ, Лассаль сначала устраивалъ закрытыя собранія членовъ, чтобы воспитать прочное ядро приверженцевъ. Но уже на первомъ такомъ собраніи, 22 октября, пришлось выпроводить одиннадцать прогрессистовъ, обманнымъ путемъ проникшихъ въ списки союза для того, чтобы можно было производить скандалы. Во время второго собранія, 2 ноября, въ залу ворвалась шумная толпа, и наблюдавшій за порядкомъ полицейскій чиновникъ поторопился распустить собраніе. Третье собраніе, 10 ноября, прошло сравнительно спокойно; пришлось вывести только двухъ скандалистовъ, а полиція отказала имъ даже въ требуемой помощи. Тогда Лассаль хотѣлъ хватать быка за рога и созвалъ публичное собраніе въ большомъ залѣ Эльдорадо. Но сильное воспаленіе горла помѣшало ему явиться, и прогрессисты съ торжествомъ распространили слухъ, что Лассаль спрятался отъ страху. Но когда затѣмъ, 22 ноября, Лассаль появился на новомъ публичномъ собраніи, которое онъ опять

созвалъ въ Эльдорадо, ворвалась толпа полицейскихъ чиновниковъ, насильственно разогнала собравшихся и арестовала Лассаля по обвиненію въ томъ, что въ своемъ обращеніи къ берлинскимъ рабочимъ онъ подготовлялъ государственное преступленіе. При этомъ присутствовавшіе прогрессисты и, къ сожалѣнію, также одураченные ими рабочіе бѣшено кричали „браво!“

Черезъ три дня Лассаль былъ выпущенъ на поруки, тѣмъ не менѣе онъ находилъ, что штурмъ Берлина окончился для него неудачей.

Сочувствіе рабочихъ его аресту доказало ему, что онъ не можетъ еще пробудить силу, настолько внушительную, чтобы сломить соединенное противодѣйствіе прогрессистской партіи и полиціи. Онъ устроилъ еще одно или два собранія, которыя прошли уже безпрепятственно, потому ли, что въ прогрессистской партіи пробудился остатокъ чести, потому ли, что она считала теперь рабочихъ обезпеченными за собой. Затѣмъ Лассаль прекратилъ агитацію въ Берлинѣ. Число берлинскихъ членовъ союза во время этой горячей борьбы возросло до 200, затѣмъ оно быстро снова опустилось до 30—40, и при жизни Лассаля никогда выше не подымалось.

2. Лассаль и Бисмаркъ.

Тѣмъ временемъ новые выборы въ палату представителей, несмотря на судорожныя усилія, воздѣйствія и мѣропріятія Бисмарка, принесли прогрессистской партіи новую побѣду. Правда, и число консервативныхъ представителей возросло съ дюжины до трехъ дюжинъ, но не на счетъ прогрессистской партіи, а на счетъ старо-либеральной и другихъ мелкихъ промежуточныхъ группъ. Новая палата немедленно отмѣнила ордонансъ о печати, и Бисмаркъ отказался отъ него. Его спекуляція на національное чувство пока не удалась, однако обстоятельства сложились такъ, что онъ могъ повторить ее съ большей надеждой на успѣхъ.

15 ноября умеръ король датскій, не оставивъ наслѣдниковъ мужского пола, а 18 ноября была обнародована датская общая конституція, по которой, вопреки лондонскому постановленію, герцогство Шлезвигское было присоединено къ королевству датскому. Такимъ образомъ, на сцену опять выступилъ шлезвигъ-голштинскій вопросъ, являвшійся въ теченіе половины человѣческаго поколѣнія въ нѣкоторомъ родѣ воплощеніемъ германскаго позора. Въ націи началось, несомнѣнно, сильное движеніе. На сотняхъ народныхъ собраній выражалась готовность пожертвовать послѣднимъ для освобожденія герцогства отъ датскаго ига, было рѣшено собирать для этой цѣли деньги и вербовать отряды добровольцевъ. Противъ этого движенія сурово выступили германскія великія державы, Австрія и Пруссія, держась лондонскихъ постановленій, устранившихъ насильственнымъ путемъ шлезвигъ-голштинскій порядокъ престолонаслѣдія въ пользу датскаго престолонаслѣдника. Онѣ объявили, что выступятъ противъ Даніи только потому, что она не выполнила взятыхъ на себя, согласно лондонскимъ постановленіямъ, обязательствъ по отношенію къ Шлезвигъ-Голштиніи, но тѣмъ самымъ онѣ именно признали законность этого документа, разрыва котораго бурно требовало національное движеніе. Таковы были предпосылки революціонной народной войны, которой Марксъ желалъ въ 1848 году, а Лассаль въ 1859 году.

Однако германской буржуазіи, въ миломъ согласіи съ дипломатіей мелкихъ и среднихъ государствъ, удалось быстро загнать національное движеніе въ тупой закоулокъ, въ право наслѣдованія дома Аугустенбургскаго, княжеское право, законность котораго была написана на какой-то средневѣковой бараньей кожѣ, нравственная же правота и политическое оправданіе— совсѣмъ на другой бумагѣ. Самъ аугустенбургскій претендентъ принадлежалъ къ тѣмъ, и по характеру, и по умственнымъ способностямъ, одинаково ничтож-

нымъ принцамъ, которые дюжинами наводняли Германію борьбу за свое, такъ называемое, право онъ началъ просительнымъ письмомъ къ Луи Бонапарту. Въ Германіи главными, самыми ревностными борцами его были герцогъ Кобургъ-Готскій, всюду поспѣвавшій и во все совавшій свой носъ, бывшій всеобщимъ посмѣшищемъ во всей Европѣ, и саксонскій министръ ф. Бейстъ, постыдное поведеніе котораго, по отношенію къ дрезденскимъ майскимъ борцамъ, сдѣлалось предметомъ европейскаго скандала.

Несмотря на этотъ сомнительный братскій союзъ, германская буржуазія поспѣшила предоставить къ услугамъ аугустенбургской агитаціи все вліяніе, которымъ она пользовалась среди германскихъ массъ. Сторонники большой и малой Германіи объединились для этой высокой задачи, и новый конгрессъ представителей во Франкфуртѣ-на-Майнѣ назначилъ комитетъ тридцати шести, который взялся сжить со свѣта австрійскіе и прусскіе штыки посредствомъ громкозвучныхъ заявленій о недѣйствительности. Скоро дѣло зашло такъ далеко, что радикальные элементы буржуазіи возмутились отвратительнымъ шумомъ. Когда „чисто нѣмецкому“ министру Бейсту хотѣли поднести національный подарокъ за его заслуги въ шлезвигъ-голштинскомъ дѣлѣ, еженедѣльная газета національнаго союза предотвратила такое чрезмѣрное безчестіе тѣмъ, что разоблачила въ нѣсколькихъ статьяхъ ужасныя тайны каторжной тюрьмы въ Вальдгеймѣ. И когда прусская прогрессистская партія поторопилась съ головой влѣзть въ аугустенбургское дѣло, лѣвое крыло ея на это не согласилось. Вальдекъ неоднократно заявлялъ, что у прусской палаты представителей нѣтъ рѣшительно никакого основанія защищать дѣло претендента такого сорта; вмѣсто того, чтобы образовывать безсильное карликовое государство въ предѣлахъ Шлезвигъ-Голштиніи, гораздо разумнѣе присоединить его къ Пруссіи. Вотъ это-то и составляло тайную пока, конечную цѣль

которую переплетающимися путями насквозь реакціонной кабинетской политики преслѣдовалъ Бисмаркъ, и при всемъ томъ съ ловкостью, превосходившею всѣ государственные таланты дипломатіи среднихъ и мелкихъ государствъ и буржуазіи большой и малой Германіи.

Къ „шлезвигъ-голштинскому хмелю“ Лассаль относился такъ же отрицательно, какъ въ свое время Марксъ къ dem meerumschlungenen Shoppenenthusiasmus. Поскольку національное движеніе было проникнуто настоящимъ содержаніемъ, оно охватило и рабочихъ; такъ, гамбургскіе члены Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, жившіе такъ близко къ спорнымъ странамъ, выпустили воззваніе, призывавшее къ сбору денегъ и къ вербовкѣ войскъ за „доброе германское право“, при этомъ, впрочемъ, рабочіе вовсе не имѣли въ виду идти въ хвостѣ политики прогрессистовъ, а разсчитывали на самостоятельное дѣйствіе рабочаго класса. Было очевидно, что такое дѣйствіе при данныхъ обстоятельствахъ могло дать господствующимъ классамъ только желанный поводъ задушить молодое рабочее движеніе, и Лассаль поэтому поспѣшилъ своевременно предупредить угрожающую опасность. Онъ составилъ резолюцію, въ которой характеризовалъ лондонскія постановленія, какъ актъ насилія, а законное княжеское право, какъ фантомъ. Долгомъ всѣхъ германскихъ правительствъ, говорилось тамъ, является вырвать герцогство изъ власти датской короны, но слѣдуетъ серьезнѣйшимъ образомъ предостерегать отъ посылки въ Шлезвигъ-Голштинію добровольцевъ и членовъ гимнастическихъ обществъ. Народъ лишится такимъ образомъ своихъ самоотверженнѣйшихъ передовыхъ бойцовъ, сохраненіе которыхъ теперь требуется настоятельнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. По сравненію съ важными основными задачами, которыя должны быть разрѣшены въ самой Германіи, сравнительно очень второстепенное значеніе имѣетъ вопросъ, будетъ ли въ числѣ трехъ десятковъ

князей, господствующихъ пока въ Германіи, одинъ иностранный князь. Увлекавшіеся законнымъ княжескимъ правомъ приверженцы прогрессистской партіи и Національнаго Союза хотѣли, повидимому, воспользоваться Шлезвигъ-Голштиніей, какъ поводомъ для того, чтобы отвлечь вниманіе отъ внутренняго положенія и подъ видомъ патріотизма уклониться отъ разрѣшенія конфликта, разрѣшить который имъ не подъ силу. Но народъ не долженъ забывать, что шлезвигъ-голштинскій вопросъ рѣшается самъ собою при единствѣ и свободѣ Германіи, тогда какъ никакой успѣхъ въ Шлезвигъ-Голштиніи не можетъ обезпечить германскаго единства и свободы.

Резолюція всюду въ союзѣ была принята. И гамбургскіе члены, первое выступленіе которыхъ Лассаль призналъ очень славнымъ, мало-по-малу успокоились. Изъ двухъ членовъ правленія, жившихъ въ Гамбургѣ, Аудорфъ съ самаго начала не потерялъ головы, тогда какъ Перль получилъ еще особое посланіе Лассаля съ настойчивымъ предупрежденіемъ ничего не предпринимать для поставки рекрутовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что пониманіе Лассаля шлезвигъ-голштинскаго вопроса при тогдашнихъ обстоятельствахъ соотвѣтствовало интересамъ пролетаріата; это относится и къ резолюціи по польскому вопросу, составленной Лассалемъ около того же времени.

Эта резолюція признавала, что польское возстаніе 1863 года оказало услугу Европѣ, разсѣявъ иллюзіи панславизма и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показавъ неосновательность опасенія многихъ германскихъ патріотовъ относительно союза, будто бы заключеннаго подъ покровомъ принципа національности между Наполеономъ и царемъ. Этимъ сдѣлана важнѣйшая подготовительная работа для солидарной политики европейской демократіи. Германіи польское возстаніе оказало спеціальную услугу, устранивъ одно изъ могущественнѣйшихъ внѣшнихъ препятствій для достиженія германскаго единства,

даемаго дѣйствія, оно еще болѣе ухудшило бы положеніе оппозиціи, развѣ если бы плательщики налоговъ отказались платить, но объ этомъ нечего думать. Такимъ образомъ, палата удовольствовалась тѣмъ, что изъ бюджета, круглымъ числомъ въ 135 милліоновъ талеровъ, вычеркнула не полныхъ 6 милліоновъ талеровъ, при чемъ и Бисмаркъ не остался безъ выигрыша: 25 января 1864 года онъ распустилъ ландтагъ съ строгимъ выговоромъ палатѣ представителей, а деньги, какъ и обѣщалъ, взялъ, гдѣ только могъ найти. Для сравнительно незначительной суммы, о которой шла рѣчь, у него пока было достаточно финансовыхъ источниковъ, а государственныхъ кредиторовъ онъ успокоилъ опубликованнымъ 12 февраля постановленіемъ министерства, связывавшимъ финансовое управленіе опредѣленными, строго ограниченными нормами. Все это снова подтвердило тотъ взглядъ Лассаля, что единственнымъ средствомъ оппозиціи парализовать правительство была бы полная пріостановка конституціонной машины. Продолжая играть роль парламента, палата представителей достигла только того, что перестала вообще считаться политической силой.

Даже болѣе того, она стала прямо опорой своего противника. Съ франкфуртскимъ конгрессомъ князей и съ шлезвигъ-голштинскимъ кризисомъ Бисмаркъ попалъ подъ перекрестный огонь феодальныхъ и дворцовыхъ „треній", которыя, какъ онъ очень хорошо зналъ, должны были все болѣе осложняться, по мѣрѣ разоблаченія его германской политики. Королева Августа, которая, какъ ученица Гете, была очень образованной женщиной, никогда не могла равнодушно видѣть юнкера Восточной Пруссіи; кронпринцъ и кронпринцесса были либеральнаго, а еще гораздо больше, аугустенбургскаго образа мыслей; вліятельная вдовствующая королева боялась всякаго разрыва съ Австріей, и подобный же страхъ испытывала очень

даемаго дѣйствія, оно еще болѣе ухудшило бы положеніе оппозиціи, развѣ если бы плательщики налоговъ отказались платить, но объ этомъ нечего думать. Такимъ образомъ, палата удовольствовалась тѣмъ, что изъ бюджета, круглымъ числомъ въ 135 милліоновъ талеровъ, вычеркнула не полныхъ 6 милліоновъ талеровъ, при чемъ и Бисмаркъ не остался безъ выигрыша: 25 января 1864 года онъ распустилъ ландтагъ съ строгимъ выговоромъ палатѣ представителей, а деньги, какъ и обѣщалъ, взялъ, гдѣ только могъ найти. Для сравнительно незначительной суммы, о которой шла рѣчь, у него пока было достаточно финансовыхъ источниковъ, а государственныхъ кредиторовъ онъ успокоилъ опубликованнымъ 12 февраля постановленіемъ министерства, связывавшимъ финансовое управленіе опредѣленными, строго ограниченными нормами. Все это снова подтвердило тотъ взглядъ Лассаля, что единственнымъ средствомъ оппозиціи парализовать правительство была бы полная пріостановка конституціонной машины. Продолжая играть роль парламента, палата представителей достигла только того, что перестала вообще считаться политической силой.

Даже болѣе того, она стала прямо опорой своего противника. Съ франкфуртскимъ конгрессомъ князей и съ шлезвигъ-голштинскимъ кризисомъ Бисмаркъ попалъ подъ перекрестный огонь феодальныхъ и дворцовыхъ „треній“, которыя, какъ онъ очень хорошо зналъ, должны были все болѣе осложняться, по мѣрѣ разоблаченія его германской политики. Королева Августа, которая, какъ ученица Гете, была очень образованной женщиной, никогда не могла равнодушно видѣть юнкера Восточной Пруссіи; кронпринцъ и кронпринцесса были либеральнаго, а еще гораздо больше, аугустенбургскаго образа мыслей; вліятельная вдовствующая королева боялась всякаго разрыва съ Австріей, и подобный же страхъ испытывала очень

большая часть юнкерства. Все это обрушилось на короля съ цѣлью повліять на его робкій характеръ. Тогда часто повторялись, будто бы, сказанныя Бисмаркомъ слова: „Лишь только эту старую клячу начинаютъ толкать на край могилы, она всегда въ страхѣ быстро отскакиваетъ обратно“. Тѣмъ не менѣе Бисмаркъ снискалъ себѣ милость короля тою рѣшительностью, съ которой онъ отдѣлалъ крамольную палату депутатовъ. Онъ очень хорошо зналъ, что дѣлалъ, когда вызывалъ передъ королемъ тѣни 18 марта, когда онъ, по собственнымъ разсказамъ, сравнивалъ короля съ Карломъ I Англійскимъ, себя самого съ Страффордомъ, а безвредныхъ манчестерцевъ, которые хотѣли только купонными ножницами немножно подрѣзать „непроизводительные“ расходы на войско, съ поголовно кровожадными Кромвелями.

Въ шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ Бисмаркъ дѣйствовалъ на основѣ лондонскихъ постановленій, сообща съ Австріей, которая теперь охотно шла ему навстрѣчу, побуждаемая заботами, вызываемыми національнымъ движеніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, судя по нѣкоторымъ парламентскимъ намекамъ австрійскихъ министровъ, также тайнымъ недовѣріемъ къ нему самому. Сеймовое большинство и уничтожающія резолюціи тридцати шести больше не безпокоили Бисмарка. Онъ сказалъ, что политическіе вопросы—это вопросы силы; германскія великія державы—это теплица, охраняющая германскій союзъ отъ европейскаго сквозного вѣтра; Пруссія не можетъ позволить майоризировать себя большинствомъ, представляющимъ какихъ-нибудь два милліона. Въ крайнемъ случаѣ онъ пользовался пышными резолюціями тридцати шести по отношенію къ иностраннымъ державамъ точно такъ же, какъ онъ пользовался пышными рѣчами прусскихъ представителей по отношенію къ королю; онъ обставлялъ дѣло такъ, какъ будто эти воззванія могли вызвать революцію, если германскія великія державы не

вмѣшаются, по крайней мѣрѣ, на основѣ лондонскихъ постановленій, и не примутъ мѣръ противъ Даніи Еще больше, разумѣется, увеличили комичность этой мистификаціи господа изъ тридцати шести, пустивъ въ обращеніе новую резолюцію, въ которой они по поводу прежнихъ своихъ неудачъ утѣшали себя тѣмъ, что они „все-таки заставили обратить вниманіе на Шлезвигъ, Австрію и Пруссію, эти враждебныя дѣлу національной чести гордящіяся своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ національному движенію державы“.

Въ январѣ 1864 года Австрія и Пруссія обратились къ Даніи съ требованіемъ, отмѣнить новую общую конституцію, угрожая въ противномъ случаѣ своимъ вмѣшательствомъ; если Данія окажетъ ихъ вмѣшательству вооруженное сопротивленіе, то война лишитъ силы всѣ договоры, и лондонскія постановленія придется тогда вообще поставить на обсужденіе. Данія упорствовала, и дѣло дошло до войны. 18 апрѣля прусскія войска штурмовали дюппельскіе окопы. Стараніями Англіи на новой международной конференціи въ Лондонѣ были сдѣланы новыя попытки примиренія. Но теперь Бисмаркъ отказывался отъ лондонскихъ постановленій, а вмѣстѣ съ этимъ, въ прусскомъ государствѣ, какъ и въ самыхъ герцогствахъ, появились адреса, обращавшіеся къ королю съ постыднымъ и замаскированнымъ требованіемъ присоединенія къ Пруссіи и привѣтливо имъ принятые. Бисмаркъ писалъ одному довѣренному лицу, что ему представляется цѣлесообразнымъ „спустить съ цѣпи всѣхъ собакъ, которыя хотятъ лаять“; „всеобщій трезвонъ всей стаи“ приведетъ къ тому, что за границей представится невозможнымъ подчиненіе герцогствъ датчанамъ. Герцогъ аугустенбургскій долженъ научиться принимать въ соображеніе программы, которыхъ прусское правительство ему предложить не можетъ. Адреса должны показать герцогствамъ, что

пора излѣчиться отъ того заблужденія, что они именинники въ германской семьѣ, за партикулярные интересы которыхъ Пруссія должна вступаться, рискуя своимъ существованіемъ. А для „освѣщенія положенія“ Бисмаркъ „въ заключеніе“ прибавилъ, что для него присоединеніе къ Пруссіи является не высшей и необходимой цѣлью, но лишь пріятнѣйшимъ результатомъ.

Въ то время, когда происходили эти политическія событія, имѣли мѣсто личные переговоры между Лассалемъ и Бисмаркомъ. То, что стало объ этомъ извѣстно, основывается на сообщеніяхъ, сдѣланныхъ въ 1878 году графиней Гатцфельдъ, съ одной стороны, и Бисмаркомъ—съ другой. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ оба эти источника расходятся. Такъ, съ самаго начала оказывается спорнымъ, кто началъ переговоры: по словамъ графини Гатцфельдъ, это былъ Бисмаркъ, по словамъ же самого Бисмарка—Лассаль. Въ этомъ пунктѣ нельзя придти ни къ какому рѣшительному выводу, да это и не очень важно, такъ какъ Бисмаркъ признается, что онъ легко пошелъ навстрѣчу, и Лассаль, разъ онъ находилъ необходимымъ и желательнымъ вообще вести переговоры съ Бисмаркомъ, врядъ ли придавалъ формальному вопросу объ этикетѣ такое большое значеніе, какъ это впослѣдствіи утверждала графиня Гатцфельдъ. Имѣли ли мѣсто эти переговоры три или четыре раза, какъ утверждаетъ Бисмаркъ, или гораздо больше, какъ говоритъ графиня Гатцфельдъ, также невозможно рѣшить, да и это, въ сущности, безразлично. Въ третьемъ пунктѣ показаніе Бисмарка болѣе вѣроятно. По словамъ графини Гатцфельдъ, Лассаль прервалъ сношенія, потому что Бисмаркъ отказался немедленно октроировать всеобщее избирательное право, тогда какъ, по словамъ Бисмарка, никакого разрыва не послѣдовало, и это подтверждается тѣмъ, что Лассаль до самой смерти заботился о доставкѣ своихъ соображеній Бисмарку. Но

въ несравненно болѣе важномъ вопросѣ о томъ, что составляло предметъ этихъ переговоровъ, несомнѣнно, права графиня Гатцфельдъ, отвѣчая, — политическія дѣла. Утвержденіе Бисмарка, будто онъ мирно болталъ съ Лассалемъ, какъ съ умнымъ сосѣдомъ по имѣнію, можетъ имѣть значеніе только, какъ смѣшная увертка.

Не менѣе забавна также попытка Бисмарка обосновать свои утвержденія. Въ 1878 году онъ объ этомъ сказалъ: „Наши отношенія не могли даже носить характера политическихъ переговоровъ. Что могъ мнѣ предложить и дать Лассаль? У него ничего не было за собой. Во всѣхъ политическихъ переговорахъ do ut des является необходимымъ правиломъ, даже когда изъ приличія иногда объ этомъ не говорятъ. И вѣдь въ данномъ случаѣ приходилось бы сказать себѣ: что можешь ты, бѣдняга, дать? У него ничего не было, что онъ могъ бы мнѣ, какъ министру, дать. То же, чѣмъ онъ обладалъ, было вещью, которая очень привлекала меня, какъ частнаго человѣка: онъ былъ однимъ изъ умнѣйшихъ и любезнѣйшихъ людей, съ какими мнѣ когда-либо приходилось имѣть дѣло; это былъ человѣкъ, обладавшій честолюбіемъ высокаго полета, онъ безусловно не былъ республиканцемъ; у него былъ вполнѣ опредѣленный національный и монархическій образъ мыслей; идея, къ которой онъ стремился, была идеей Германской имперіи, и въ этомъ у насъ была точка соприкосновенія. Лассаль обладалъ честолюбіемъ высокаго полета, и должна ли Германская имперія завершиться какъ разъ подъ династіей Гогенцоллерновъ или подъ династіей Лассалей, это, можетъ быть, подлежало для него сомнѣнію, но образъ мыслей его былъ безусловно монархическимъ“. Эта цитата показываетъ, что если противопоставить Бисмарка съ Лассалемъ лицомъ къ лицу, то бѣднягой былъ Бисмаркъ, и его попытка жаръ загребать посредствомъ соціализма кончилась тѣмъ, что онъ получилъ камни, какъ предсказалъ Лассаль.

Переговоры ихъ, какъ заявляетъ графиня Гатцфельдъ и признаетъ Бисмаркъ, вращались около всеобщаго избирательнаго права и производительныхъ ассоціацій съ государственнымъ кредитомъ. Къ этому можно прибавить, что центръ тяжести для Лассаля лежалъ въ первомъ, для Бисмарка—во второмъ. Какой-то старательный профессоръ недавно прославлялъ Дизраэли, Луи Бонапарта и Бисмарка, какъ трехъ классическихъ представителей имперіалъ-соціализма, при чемъ Дизраэли и даже Бонапартъ незаслуженно потерпѣли неудачу. Если вообще угодно говорить о соціализмѣ Бисмарка, то его слѣдуетъ окрестить соціализмомъ милостыни, или лакейскимъ соціализмомъ. Непонятное упорство, съ которымъ Бисмаркъ противился не только революціонной освободительной борьбѣ пролетаріата, что само собою разумѣется, но также всѣмъ соціальнымъ реформамъ, могущимъ поднять положеніе рабочаго класса на почвѣ буржуазнаго общества, достаточно извѣстно; прошлое столѣтіе не знало ни одного капиталистическаго эксплоататора, который съ такой откровенностью, какъ Бисмаркъ называлъ бы воскресный отдыхъ рабочихъ даромъ данайцевъ, или который законодательное регулированіе дѣтскаго труда на фабрикахъ клеймилъ бы, какъ недостойное вмѣшательство во внутреннее святилище семьи. Такъ называемый, соціализмъ Бисмарка исчерпывался словами, преподанными имъ одному изъ своихъ молодцовъ, въ качествѣ лейтмотива для оффиціознаго заключенія рабочаго вопроса: „Кто имѣетъ надежду на пенсію на случай старости или инвалидности, тотъ чувствуетъ себя, какъ бы эта пенсія ни была мала, лучше и болѣе довольнымъ судьбою, тотъ гораздо смирнѣе, и съ нимъ легче имѣть дѣло, чѣмъ тотъ, передъ которымъ—неизвѣстное будущее. Обратите, напримѣръ, вниманіе на разницу между частнымъ и канцелярскимъ или придворнымъ служителемъ; послѣдніе будутъ гораздо уступчивѣе, такъ какъ они болѣе привязаны къ своей

службѣ, чѣмъ первый, ибо у нихъ есть надежда на пенсію". Соціализмъ Бисмарка, если ужъ угодно злоупотреблять этимъ словомъ, всегда заключался въ томъ, чтобы ослѣпить рабочихъ милостыней, чтобы съ ними, какъ съ придворными лакеями, легче было имѣть дѣло, и чтобы они были уступчивѣе. Съ этой геніальной точки зрѣнія смотрѣлъ Бисмаркъ и на производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ. Его бонапартистскіе маневры наткнулись на нѣкоторое сопротивленіе со стороны министровъ; старыя бюрократическія крысы еще не разобрались въ этой новой модѣ. Тѣмъ болѣе искалъ Бисмаркъ хорошаго совѣта гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Его собственная экономическая мудрость заключалась въ мутной смѣси феодально-средневѣковыхъ остатковъ и вульгарно-экономическихъ начатковъ, смѣси, соотвѣтствующей положенію юнкера, которому начинаетъ улыбаться капиталистическое производство прибыли. Разумѣется Лассаль ни минуты не обманывался на счетъ соціалистическаго образа мыслей Бисмарка, какъ Бисмаркъ обманывался на счетъ монархическаго образа мыслей Лассаля. Ужасъ объявшій его, когда онъ раскрылъ соціализмъ милостыни, или лакейскій соціализмъ, довольно ясно отражается на энергичныхъ протестахъ, которые онъ съ тѣхъ поръ постоянно выражалъ противъ всякихъ экспериментовъ съ его проектомъ производительныхъ ассоціацій. Въ лучшемъ случаѣ онъ использовалъ глупость Бисмарка для своихъ цѣлей, какъ, напримѣръ, весною 1864 года, когда въ Берлинъ прибыла депутація изъ трехъ силезскихъ ткачей, чтобы просить у короля помощи противъ ихъ капиталистическихъ эксплоататоровъ. Хроническая нужда силезскихъ ткачей превратилась тогда, благодаря хлопчатобумажному кризису, въ острую катастрофу. Уже въ августѣ 1862 года фабриканты рейхенбахскаго округа обратили вниманіе ландрата Олеаріуса на „опасное положеніе" и просили

принять на зиму мѣры противъ господствующей среди ткачей нужды. Олеаріусъ отвѣтилъ имъ, что всѣ фабриканты, навѣрно, сами сдѣлаютъ все, чтобы собственными средствами предотвратить угрожающую нужду, ибо положеніе фабрикантовъ въ общемъ улучшилось, тогда какъ положеніе рабочихъ осталось въ прежнемъ печальномъ состояніи. Когда затѣмъ фабриканты предложили устроить рабочій домъ для безработныхъ ткачей, то Олеаріусъ злорадно рѣшилъ, что это предложеніе „не безъ основанія“ вызоветъ ненависть рабочаго населенія къ его авторамъ. Рабочій домъ долженъ защитить отъ голода многочисленное безъ всякой вины впавшее въ нужду населеніе, которое едва ли когда-нибудь было въ состояніи сберечь пфеннигъ, и трудами котораго другіе разбогатѣли? Этотъ господинъ былъ самымъ маленькимъ Бонапартомъ а потому пришелся по сердцу тому маленькому Бонапарту, который вскорѣ послѣ этого, въ сентябрѣ 1862 года, сдѣлался прусскимъ министромъ-президентомъ. Дѣло это произвело порядочный шумъ и вызвало парламентскіе дебаты. Рейхенбахскій округъ, къ которому принадлежали большія деревни съ ткацкимъ производствомъ Лангенбилау и Петерсвальдау, былъ горячей почвой, и среди тамошнихъ капиталистовъ былъ вождь прогрессистской партіи, Леонoръ Рейхенгеймъ, владѣвшій въ Вюстэ-Гирсдорфѣ большой прядильной и ткацкой фабрикой, одной изъ тѣхъ фабрикъ, которыя возникли въ сороковыхъ годахъ благодаря морской торговлѣ, и которую Ганземанъ въ 1848 году продалъ за безцѣнокъ. Рейхенгеймъ было обыкновеннымъ капиталистомъ фабрикантомъ; онъ не издѣвался надъ эксплоатируемыми имъ рабочими на подобіе братьевъ Цвангигеръ, но онъ утѣшалъ ихъ сберегательными рецептами Шульце, на что неблагодарные ткачи также смотрѣли, какъ на горькую насмѣшку. Они довольно справедливо отвѣчали: „Изъ чего намъ сберегать, не повѣсить ли намъ нашъ желудокъ въ трубу?“

И вотъ изъ Вюстэ-Гирсдорфа весною 1864 года прибылъ въ Берлинъ ткачъ Флоріанъ Пауль съ двумя товарищами, чтобы принести свои жалобы къ подножію трона; они имѣли полномочіе отъ 300 ткачей, большею частью, работавшихъ у Рейхенгейма. Вѣроятно, этотъ шагъ былъ внушенъ ткачамъ феодалами; иначе нельзя понять, откуда имъ было почерпнуть довѣріе къ королевской власти, которая двадцать лѣтъ тому назадъ наказывала ихъ за сопротивленіе безпримѣрной эксплоатаціи свинцовыми бобами, ударами кнута, каторжными работами и кандалами. Оффиціально ландратъ Олеаріусъ заявилъ, что онъ не можетъ ни содѣйствовать, ни препятствовать намѣренію ткачей. Сердце этого молодца разрывалось, такъ какъ его непосредственный начальникъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, точно такъ же, какъ и министръ торговли, которому была подвѣдомственна промысловая политика, ничего и знать не хотѣли о бонапартистскихъ штукахъ. Прошло также четыре недѣли, пока Бис марку удалось осуществить свое желаніе и доставить депутаціи ткачей аудіенцію у короля.

На досугѣ ткачи вращались въ средѣ берлинскихъ рабочихъ, присматривались и наткнулись на рабочаго Карла Пройссэ, о которомъ много говорили и который принадлежалъ одновременно и къ Всеобщему Германскому Рабочему Союзу Лассаля, и къ Берлинскому Рабочему Союзу Шульце. Прогрессисты утверждали, что Пройссэ— агентъ Вагенера, и старались, такимъ образомъ, подкопаться подъ Лассаля, въ домѣ котораго видѣли Пройссэ. Такъ какъ это утвержденіе еще и понынѣ не доказано, то оно было ни на чемъ не основаннымъ подозрѣніемъ. По многочисленнымъ рѣчамъ Пройссэ, которыя приводятся въ отчетахъ прессы того времени о берлинскомъ рабочемъ движеніи, можно узнать въ немъ одного изъ тѣхъ болтливыхъ, но вполнѣ честныхъ надежныхъ „кружковщиковъ“ которые вездѣ выдвигаются впередъ и которыхъ въ концѣ концовъ вездѣ терпятъ

съ какой-то снисходительной благосклонностью; когда прогрессисты, для вящшаго подкрѣпленія своего утвержденія, хотѣли добиться его исключенія изъ Берлинскаго Рабочаго Союза, то громадное большинство членовъ помѣшало тайному суду, заявивъ, что Пройссэ, хотя и чудакъ, но честный человѣкъ. Силезскимъ ткачамъ, обратившимся къ нему за помощью и совѣтомъ, Пройссэ сказалъ, что самъ онъ человѣкъ не ученый, но рекомендовалъ обратиться только къ Лассалю, Шульце-Деличу и Вагенеру, настоящимъ ученымъ по рабочему вопросу, а когда ткачи заявили, что они ужа насытились рецептами Шульце, онъ порекомендовалъ имъ вмѣсто апостола сбереженія — наборщика Диттмана,— предсѣдателя Берлинскаго Рабочаго Союза.

Лассаль понравился ткачамъ гораздо больше, чѣмъ Диттманъ и Вагенеръ. Флоріанъ Пауль сдѣлался уполномоченнымъ для Вюстэ-Гирсдорфа, и Рейхенбохскій округъ сталъ одной изъ сильнѣйшихъ опоръ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза. Бисмаркъ же безусловно игралъ роль бѣдняги, когда представлялъ королю депутацію ткачей. „Соціальное королевство“ основательно было посрамлено, когда король далъ ткачамъ милостивое никогда не выполненное обѣщаніе „скораго законодательнаго урегулированія вопроса, а тѣмъ самымъ и помощи въ ихъ нуждѣ“; бюрократическая комиссія, назначенная для изслѣдованія возбужденныхъ ткачами жалобъ, нашла все въ наилучшемъ порядкѣ, а Леоноръ Рейхенгеймъ вышелъ изъ этого дѣла какъ бы съ вѣнцомъ мученика. Между тѣмъ онъ произвелъ среди жившихъ у него ткачей ужасную чистку, а Бисмаркъ предложилъ выброшеннымъ рабочимъ изъ королевской шкатулки маленькій капиталъ, чтобы основать производительную ассоціацію. Но и тутъ ему не посчастливилось, ибо образцовое учрежденіе, въ управленіи которымъ ландратъ Олеаріусъ долженъ былъ обнаружить свои таланты госу-

дарственнаго мужа, ровно черезъ годъ славно закончило свое существованіе. Величина милостыни, при помощи которой Бисмаркъ хотѣлъ привить силезскимъ ткачамъ мягкость и уступчивость придворныхъ лакеевъ, показывается различно: минимумъ 6,000, максимумъ 12.000 талеровъ.

Если Бисмарка интересовали съ демагогической точки зрѣнія производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ, то Лассаля интересовало съ демократической точки зрѣнія всеобщее избирательное право. Объ этомъ оружіи, при помощи котораго онъ надѣялся поразить и прогрессистскую партію, и реакцію, шла рѣчь въ его переговорахъ съ Бисмаркомъ. Онъ правильно предвидѣлъ, что Бисмарку рано или поздно придется обратиться ко всеобщему избирательному праву, но онъ ошибался въ томъ, что надѣялся ускорить наступленіе этого времени своимъ личнымъ краспорѣчіемъ. Если Бисмаркъ ошибался въ Лассалѣ на манеръ ограниченно-лукаваго купца, то Лассаль ошибался въ Бисмаркѣ на манеръ далеко и широко видящаго идеалиста, предполагающаго въ противникѣ такія точки зрѣнія, которыя ему были такъ же чужды, какъ какому-нибудь островитянину южнаго моря—гегелевская философія.

О томъ, что говорилъ Лассаль, чтобы побудить Бисмарка октроировать всеобщее избирательное право, можно съ достаточной степенью вѣроятности судить по его позднѣйшимъ рѣчамъ. Исходя изъ того взгляда, что прусская конституція не имѣла еще ни одного дня правового существованія, Лассаль въ октроированіи всеобщаго избирательнаго права видѣлъ не нарушеніе, а возстановленіе права, и это было вполнѣ пріемлемо, если вообще можно быть настолько добродушнымъ, чтобы говорить о правѣ въ Пруссіи, послѣ многочисленныхъ правонарушеній, на которыхъ покоилось это благословенное „правовое государство“. Тѣмъ не менѣе все это разсужденіе было напраснымъ трудомъ, поскольку оно

имѣло цѣлью оказать вліяніе на Бисмарка и его короля. Оба принимали участіе въ такомъ большомъ количествѣ правонарушеній, что однимъ правонарушеніемъ больше или меньше для нихъ не могло имѣть значенія и, какъ показало близкое будущее, дѣйствительно не имѣло значенія. Точно также мало понятенъ былъ призывъ Лассаля къ „самымъ образованнымъ и самымъ интеллигентнымъ“, которые въ борьбѣ своей съ буржуазіей постигли бы, что ссылка на народъ является „выполненіемъ самой высокой исторической миссіи“ или обращеніе Лассаля къ королевской власти, которая все еще находится въ томъ самомъ состояніи, какъ она „сдѣлана была изъ своего первоначальнаго тѣста“, и которая все еще стоитъ, опираясь на рукоятку меча. Это было для нихъ опять-таки настоящимъ санскритомъ. Они знали уже народъ, котораго Фридрихъ-Вильгельмъ IV въ началѣ своего царствованія не зналъ, того puer robustus sed malitiosus, сильнаго, но злонравнаго мальчика, который 18-го марта 1848 года мѣсилъ здоровыми кулаками „первоначальное тѣсто“ законной королевской власти и сломалъ мечъ принца прусскаго. Они благоразумно остерегались звать его преждевременно на сцену. Въ самомъ дѣлѣ, Лассаль при этомъ разсужденіи забывалъ два своихъ собственныхъ положенія; одно положеніе: индивидуумы поддаются обману, классы никогда, — другое: революціи снизу прогрессивная партія предпочитаетъ деспотизмъ сверху. Бисмаркъ былъ не только личностью, но и классомъ, и онъ очень хорошо зналъ, что, въ случаѣ нужды, онъ сможетъ купить буржуазію за цѣну, гораздо болѣе дешевую, чѣмъ значительная уступка пролетаріату.

Онъ отнюдь не питалъ любви къ трехклассной системѣ выборовъ, обнаружившей въ послѣдніе годы рядомъ съ антидемократическимъ и свой антифеодальный характеръ, и онъ скоро призналъ ее „самой жал-

кой и безсмысленной“ избирательной системой. Онъ не отрицалъ также привлекательныхъ сторонъ всеобщаго избирательнаго права для юнкеровъ, пока сельскій пролетаріатъ находится подъ ихъ властью. Но въ немъ слишкомъ рельефно было выражено классовое сознаніе, чтобы онъ согласился преждевременно испытывать обоюдоострый мечъ. Пока что невозмутимо сонливая политика прогрессистской партіи въ конституціонномъ конфликтѣ была ему очень выгодна; у него не только не было настоятельной, но, на ближайшее время, вообще никакой необходимости октроировать въ Пруссіи всеобщее избирательное право. Никто рѣзче Лассаля не доказалъ безнадежности оппозиціи прогрессистовъ.

Только въ германскомъ вопросѣ Бисмаркъ использовалъ выгоды всеобщаго избирательнаго права, и этотъ вопросъ *имѣлъ еще глубокіе корни въ мутныхъ источникахъ* реакціонной кабинетской политики, въ которую Лассаль не могъ вселить живой духъ. Бисмаркъ былъ безусловно дипломатомъ старой школы, не думавшимъ и не смѣвшимъ даже думать вести ту сильную игру съ открытыми картами, которой отъ него ожидалъ Лассаль. Искренность, которую онъ временами выставлялъ на показъ, чтобы тѣмъ лучше скрыть свою хитрость, походила на „сильнѣйшую дипломатію, которой нѣтъ надобности окружать свои разсчеты тайной, такъ какъ они основаны на желѣзной необходимости“, но столько же, сколько верблюдъ похожъ на коня или революція сверху на революцію снизу. Великая Пруссія, которой добивался Бисмаркъ, менѣе всего нуждалась въ той „возвышенной духовной жизни“ и той „огромной силѣ расширенія“ для націи, которыхъ Лассаль ждалъ отъ всеобщаго избирательнаго права.

Своими переговорами съ Бисмаркомъ Лассаль вступилъ на ложный путь, на который его толкнула чрезмѣрная увѣренность въ самомъ себѣ и идеологи-

ческая недооцѣнка силъ, таящихся въ современной классовой борьбѣ. Разумѣется, Лассаль умѣлъ сохранить полную свободу по отношенію къ реакціи, и онъ всегда могъ сказать, что онъ играетъ ею, а не она имъ. Но попытки хитростью проникнуть въ крѣпость, которую нельзя еще было завоевать силою, все-таки заставляли его говорить вещи, вызывавшія недоумѣніе.

3. Борьба Лассаля съ юстиціей и полиціей.

Какъ мало основаній было надѣяться перехитрить старо-прусское государство, Лассаль могъ убѣдиться изъ той ярости, съ какой прусскія власти напали на него и его агитацію. Бисмаркъ не оказалъ ему тутъ защиты; да онъ врядъ ли и могъ бы это сдѣлать, даже если бы и захотѣлъ. Полицейское государство имѣетъ свои собственныя цѣли; оно инстинктивно реагируетъ на всякую попытку вырвать массы изъ его ежовыхъ рукавицъ, и честные полицейскіе, желавшіе отвлечь рабочихъ отъ Лассаля къ Шульце-Деличу, оставались вполнѣ вѣрными самимъ себѣ.

Но способъ, какимъ Лассаль велъ борьбу съ юстиціей и полиціей, дѣлаетъ ему величайшую честь. За соломинку стоять горой, это вопросъ чести — вотъ его пароль въ этой борьбѣ, и онъ часто говорилъ (нѣмецкій же либерализмъ никогда этого не понималъ), что полицейское государство только тогда можетъ превратиться въ правовое, если каждый въ отдѣльности будетъ всѣми силами, оставляя всякія другія соображенія, преслѣдовать, доводя дѣло до полнѣйшей гласности, всякое учиненное надъ нимъ противозаконное насиліе, каждый разъ не переставая апеллировать къ общественному правосознанію страны. Какъ бы идеологически ни была выражена эта мысль, она безконечно практичнѣе, чѣмъ поведеніе тѣхъ практическихъ людей, которые покоряются всякому полицейскому произволу, потому что ничего вѣдь не подѣлаешь.

Если бы буржуазная оппозиція съ самаго начала приняла основное положеніе Лассаля, то прусская свобода печати и союзовъ давно уже представляла бы нѣчто лучшее, чѣмъ бумажный параграфъ конституціи. Вмѣсто этого, либерализмъ громогласно или молча выражалъ свое сочувствіе всѣмъ полицейскимъ притѣсненіямъ, при помощи которыхъ старались подавить молодое рабочее движеніе. Тѣмъ большаго уваженія заслуживалъ Лассаль, когда онъ, до истощенія своихъ духовныхъ и физическихъ силъ, старался защищать свободу, хотя бы онъ и вызвалъ благодаря этому ненависть къ себѣ подъ ударами которой онъ, всегда одинокій, долженъ былъ пасть.

Война Лассаля съ беззаконнымъ произволомъ является образцовой и до настоящаго времени. Тѣмъ не менѣе невозможно, или именно поэтому не стоитъ излагать ее детально. Полицейскія притѣсненія, которыми преслѣдовали Лассаля и его приверженцевъ, еще слишкомъ хорошо извѣстны и въ настоящее время, чтобы нужно было ихъ подробное описаніе; кто когда-нибудь принималъ участіе въ пролетарской классовой борьбѣ, тотъ ихъ испыталъ на самомъ себѣ. Обыски и аресты, конфискаціи и лишенія концессій, распущенія и запрещенія, все на основаніи законовъ, которые и сами по себѣ оставляли уже широкій просторъ полицейскому произволу, но которые безъ размышленія нарушались, когда они ставили предѣлъ этому произволу, — вотъ тѣ ободряющія средства, при помощи которыхъ святая Германдада осуществляла свое призваніе охранять общество и государство отъ мирной и законной агитаціи за введеніе всеобщаго избирательнаго права въ интересахъ трудящихся классовъ.

На такой же точно высотѣ, какъ полиція, стояла и юстиція. Не говоря уже о прокурорахъ, бывшихъ лишь безвольнымъ орудіемъ полицейскаго государства, и суды были въ высшей степени зависимы отъ этого государства. Они рекрутировались изъ господствую-

щихъ классовъ, были подчинены строгимъ дисциплинарнымъ правиламъ и даже лучшіе изъ нихъ были вынуждены, благодаря каучуковому прусскому уголовному уложенію, въ основу судебныхъ рѣшеній класть свои классовые предразсудки. Классовой юстиціи не было надобности ни себя, ни другихъ обманывать сказочкой о томъ, что Лассаль реакціонеръ. Она охотно свидѣтельствовала, что онъ не похожъ на людишекъ изъ либеральной оппозиціи. Послѣ того, какъ контръреволюція укрѣпилась посредствомъ ряда позорныхъ казней невинныхъ людей, она, соотвѣтственно сонному темпу буржуазной классовой борьбы, не выходила въ пользованіи развращенной ею юстиціей за извѣстные предѣлы. Въ пятидесятыхъ годахъ на почвѣ каучуковыхъ уголовныхъ статей было возбуждено сравнительно мало обвиненій, и назначались сравнительно легкія наказанія. Тюремное заключеніе за оскорбленіе, возбужденіе ненависти и презрѣнія, поношеніе государственныхъ учрежденій и т. д. было тогда уже цѣлымъ событіемъ, и если приговаривали къ такому наказанію, то на нѣсколько дней или, самое большее, на нѣсколько недѣль. Сразу произошла перемѣна, какъ только на общественной аренѣ появился пролетарскій агитаторъ Лассаль. Прокуроры наперерывъ предъявляли къ нему обвиненія, при чемъ трудно было сказать, чему слѣдуетъ больше изумляться: дѣтской ли логикѣ обоснованія обвиненія или каннибальскимъ размѣрамъ предлагаемыхъ наказаній. Девять мѣсяцевъ тюрьмы, два года тюрьмы, три года каторжныхъ работъ; такъ шло съ быстрой постепенностью въ теченіе одного года, и судьи не замедлили превратить юстицію въ орудіе мести за угрозу лишить классовыхъ привилегій.

Въ первомъ и самомъ значительномъ процессѣ, который Лассалю пришлось вести, дѣло шло о „Программѣ работниковъ“, которая, якобы, возбуждала въ неимущихъ классахъ ненависть и презрѣніе къ имущимъ классамъ. Рѣчи, въ которыхъ Лассаль защи-

щался, сначала передъ городскимъ судомъ, потомъ передъ высшимъ, являлись не только образцовыми произведеніями судебнаго краснорѣчія, но также цѣннымъ и дѣйствительнымъ оружіемъ для арсенала его соціально-политической агитаціи. Какъ и свою рѣчь передъ судомъ присяжныхъ въ 1849 году, Лассаль, передъ произнесеніемъ, издалъ ихъ въ печатномъ видѣ. Онѣ отъ этого нисколько не теряли свѣжести смѣлой борьбы, точно также тщательная подготовка нисколько не мѣшала поразительной находчивости, которую Лассаль обнаруживалъ во всѣхъ мѣняющихся обстоятельствахъ судебнаго производства. Въ первой инстанціи передъ городскимъ судомъ дѣло приняло очень бурный характеръ, и манера, съ которой Лассаль, какъ искусный спорщикъ, несмотря на всѣ препятствія со стороны предсѣдателя, умѣлъ постоянно продолжать свою рѣчь, была такой же классической, какъ и наказаніе, къ которому онъ присудилъ прокурора ф. Шеллинга, заставивъ его морально пройти сквозь строй цитатъ изъ сочиненій его отца, философа ф. Шеллинга.

Подняться до научной высоты программы работниковъ, разумѣется, не могли ни прокуроръ, ни судьи. Они находили выходъ въ тарабарщинѣ, о которой Лассаль въ своей апелляціонной оправдательной рѣчи сказалъ, что одно слово поѣдается другимъ. Какъ мухи къ клею, они прилипли къ слову „революція“, которое они умѣли опредѣлять только въ „смыслѣ сѣнныхъ вилъ“, понимать только какъ смертоубійство. Въ духѣ прусскаго „правового государства“, они вовсе не дѣлали тайны изъ того, что передъ рабочими не слѣдуетъ говорить такихъ вещей, о которыхъ вообще можно говорить безнаказанно. Единственный пунктъ, гдѣ они нападали, такъ сказать, по существу, это было, когда они оспаривали фактъ, что косвенные налоги непропорціонально тяжело ложатся на трудящіеся классы. Лассаль могъ съ полнымъ правомъ сказать

позднѣе передъ высшимъ судомъ: „Тяжело, горько потерпѣть наказаніе какъ разъ за то, что въ наукѣ уже въ теченіе трехъ столѣтій переходитъ изъ книги въ книгу до послѣдняго руководства, потерпѣть наказаніе только потому, что какой-нибудь прокуроръ и судъ никогда не брали въ руки краткаго учебника по политической экономіи“. Въ счетъ этого невѣжества Лассаль былъ приговоренъ къ четыремъ мѣсяцамъ тюрьмы, послѣ того, какъ прокуроръ потребовалъ девяти мѣсяцевъ. Тщетно заклиналъ Лассаль судей оправдать его, ради памяти, которая останется о ихъ именахъ въ исторіи; они предпочли вписать свои имена — Пипьхенъ, Кольнъ, ф. Вульфенъ — въ черный списокъ неправедныхъ судей. Прокуроръ же за свое моральное уничиженіе былъ утѣшенъ блестящей карьерой: онъ дошелъ до поста министра прусской и статсъ-секретаря германской юстиціи.

Свою защитительную рѣчь въ первой инстанціи Лассаль озаглавилъ: „Наука и рабочіе“. Она сводится къ слѣдующему положенію: „При всеобщемъ упадкѣ, охватившемъ, какъ это видно всякому болѣе или менѣе глубокому знатоку исторіи, всѣ стороны общественной жизни, остались только двѣ великихъ вещи, только двѣ вещи сохранили свѣжесть, продолжая развиваться среди разъѣдающаго эгоизма, пропитавшаго весь организмъ европейской жизни: наука и народъ, наука и рабочіе! Только соединеніе этихъ двухъ вещей можетъ оплодотворить новой жизнью ростокъ европейскихъ отношеній. Союзъ науки и рабочихъ, этихъ двухъ противоположныхъ полюсовъ общества, которые, обнявшись, раздавятъ въ своихъ желѣзныхъ рукахъ всѣ препятствія культуры — вотъ цѣль, которой я рѣшилъ посвятить мою жизнь, пока во мнѣ есть дыханіе“. Рѣчь вполнѣ достойна программы работниковъ, для защиты которой она и была произнесена, незадолго до того, какъ Лассаль выпустилъ „Гласный Отвѣтъ“: она не свободна отъ избытка идеологіи, и въ этомъ сохраняетъ

чисто лассалевскій характеръ, но еще свободна отъ мрачнаго озлобленія, напоминая образъ воина, въ блестящемъ вооруженіи котораго еще отражается яркое солнечное сіяніе, прежде чѣмъ поднялась пыль на полѣ брани.

Немного этой пыли уже видно въ небольшой рѣчи, въ которой онъ оспаривалъ передъ высшимъ судомъ приговоръ городского суда. Въ ней говорится о косвенныхъ налогахъ и положеніи трудящагося класса и въ ней доказывается, что косвенные налоги являются средствомъ свалить налоговое бремя съ имущихъ на неимущіе классы, доказывается такъ основательно и неопровержимо, какъ никогда ни до, ни послѣ того не доказывалось. Въ этомъ отношеніи она и теперь не потеряла своей цѣнности, и ея одной уже достаточно, чтобы опровергнуть глупое утвержденіе, будто Лассаль былъ диллетантомъ въ экономической области. Не менѣе убѣдительно возсталъ Лассаль противъ злоупотребленія словомъ „революція". Онъ опять опредѣлилъ революцію, какъ новый принципъ, вступающій на мѣсто существующаго порядка, все равно, при помощи насилія или безъ него, и прибавилъ ставшія знаменитыми слова: „Въ этомъ смыслѣ я могу сказать, что я, во всякомъ случаѣ, убѣжденъ въ наступленіи революціи въ будущемъ. Она придетъ либо во вполнѣ законной формѣ и со всѣми благодѣяніями мира, если у людей хватитъ мудрости рѣшиться ввести ее заблаговременно и сверху, или же она наступитъ въ какой-нибудь промежутокъ времени со всѣми эксцессами насилія, съ дико развѣвающимися кудрявыми волосами, съ мѣдными сандаліями на ногахъ. Въ томъ и другомъ видѣ, она, во всякомъ случаѣ, придетъ, и когда я, уединившись отъ дневного шума, погружаюсь въ исторію, я слышу ея шаги". Съ ѣдкимъ сарказмомъ бичевалъ Лассаль классовую юстицію, которая осуждаетъ не то, что было сказано, а лицо сказавшее, и мѣсто, гдѣ было сказано. Онъ имѣлъ возможность сослаться на то,

что управляющій прусскимъ статистическимъ бюро, тайный совѣтникъ Энгель, въ то же время, когда читалась „Программа работниковъ“, читалъ передъ буржуазной публикой училища пѣнія докладъ такого же содержанія, не будучи привлеченъ къ отвѣтственности; онъ прочелъ также вслухъ письмо, въ которомъ Энгель былъ настолько мужественъ, чтобы засвидѣтельствовать это совпаденіе и прозрачно намекнуть, что во всѣхъ процессахъ спеціально научнаго происхожденія центръ тяжести долженъ лежать въ мнѣніи эксперта точно такъ же, какъ и въ процессахъ техническаго или коммерческаго происхожденія. Такимъ образомъ, въ этой рѣчи Лассаля сильно преобладаютъ значительныя и выдающіяся стороны, но въ отдѣльныхъ мѣстахъ все-таки замѣчается, что онъ ее составилъ весною 1863 года, подъ первымъ свѣжимъ впечатлѣніемъ клеветъ, которыми осыпала его прогрессистская партія.

Такъ, совершенно правильную мысль о томъ, что неимовѣрный ростъ косвенныхъ налоговъ является отличительнымъ признакомъ буржуазнаго періода исторіи, періода, охватывающаго современный абсолютизмъ точно такъ же, какъ и буржуазную республику, онъ свелъ къ тому, что манчестерской буржуазіи противопоставлялъ государство, передъ судьями котораго онъ выступалъ. Онъ говорилъ имъ, что они вѣдь не принадлежатъ къ манчестерцамъ, къ тѣмъ новѣйшимъ варварамъ, которые ненавидятъ государство, не то или иное опредѣленное государство, не ту или иную государственную ф о р м у, а государство в о о б щ е, и которые, какъ они то тутъ, то тамъ вполнѣ опредѣленно признавались, очень охотно уничтожили бы всякое государство, продали бы съ публичныхъ торговъ юстицію и полицію и дали бы просторъ войнѣ акціонерныхъ обществъ, чтобы нигдѣ во всемъ мірѣ не было ни одного нравственнаго пункта, изъ котораго можно было бы оказать сопротивленіе ихъ вооруженной капиталомъ жаждѣ эксплоатаціи. „Какія бы большія

различія ни отдѣляли меня отъ васъ, милостивые государи, по отношенію къ этому уничтоженію всякой нравственности, мы идемъ рука объ руку. Вмѣстѣ съ вами я защищаю отъ этихъ новѣйшихъ варваровъ древній очагъ всякой цивилизаціи, государство!“ Это было очень опасное разсужденіе, которымъ легко могла злоупотребить и дѣйствительно злоупотребила реакціонная демагогія, именно, пятнадцать лѣтъ спустя, когда государство, у котораго высшій судъ былъ на службѣ, взвалило на рабочій классъ, которому оно насильственно зажало ротъ, новое страшное бремя косвенныхъ налоговъ, и „новѣйшіе варвары“, все равно изъ какихъ побужденій, одни воспротивились такому насилію надъ массами. Какъ мало толку можно было добиться отъ этого государства, Лассаль самъ скоро увидѣлъ изъ приговора высшаго суда. Высшій судъ, правда, вполнѣ основательно боялся обнаружить свою слабую сторону точно также, какъ это сдѣлалъ низшій, и уменьшилъ поэтому штрафъ до ста талеровъ, но юридической чудовищности перваго приговора онъ не уничтожилъ и также постановилъ уничтожить „Программу Работниковъ“.

Прокуроръ ф. Шеллингъ отомстилъ Лассалю, возбудивъ противъ него, по поводу его защитительной рѣчи въ первой инстанціи, процессъ объ оскорбленіи, завершившійся присужденіемъ Лассаля къ мѣсячному тюремному заключенію, и привлекши его, сверхъ того, къ отвѣтственности по обвиненію въ государственномъ преступленіи за обращеніе къ берлинскимъ рабочимъ. Лассаль выслушалъ это обвиненіе очень хладнокровно; „это чистѣйшая глупость, имѣющая источникомъ своимъ исключительно мстительность прокурора ф. Шеллинга“, писалъ онъ Даммеру. Дѣло разбиралось 12 апрѣля 1864 года въ высшемъ судѣ и, дѣйствительно, кончилось тѣмъ, что Лассаль былъ оправданъ по обвиненію въ приготовленіи къ насильственному измѣненію прусской конституціи,

Два же другихъ связанныхъ съ этимъ дѣла по обвиненію въ поношеніи государственныхъ учрежденій и оскорбленіи государственнаго министерства были изъяты изъ вѣдѣнія исключительнаго суда и переданы обыкновенному, и вмѣстѣ съ тѣмъ противъ защитительной рѣчи Лассаля было возбуждено новое обвиненіе на основаніи какой-то каучуковой статьи. Такимъ образомъ, не было отступленія отъ прекраснаго принципа,— изъ всякаго прекращеннаго обвиненія выростали два или три новыхъ. Въ защитительной рѣчи, которую Лассаль произнесъ во время процесса по обвиненію въ государственномъ преступленіи, онъ въ первой части шутя раздѣлывается съ юридическимъ вздоромъ главнаго прокурора Аделунга, во второй же части онъ освѣщаетъ политическую сторону обвиненія, обращая при этомъ вниманіе на все то, что, по мнѣнію Лассаля, можетъ побудить короля и Бисмарка насильственно измѣнить прусскую конституцію путемъ октроированія всеобщаго избирательнаго права.

Объ этомъ можно сказать то же, что и вообще о переговорахъ Лассаля съ Бисмаркомъ. Прогрессистской партіи въ рѣчи Лассаля достается больше, чѣмъ когда-либо до того. Онъ называетъ ее кликой, которая хочетъ задушить королевскую власть при помощи ожерелья, свитаго изъ королевскихъ милостей. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ забывать, что этотъ взглядъ самъ по себѣ безусловно соотвѣтствовалъ исторической правдѣ и всегда отстаивался Лассалемъ, возразить же можно только противъ того, что Лассаль высказалъ его при такихъ обстоятельствахъ и въ такой формѣ. То же самое, только въ болѣе вѣжливой формѣ сказалъ либеральный публицистъ Г. Б. Оппенгеймъ, когда писалъ: „Прусская конституція появилась на свѣтъ не вооруженной, знаки ея революціоннаго происхожденія давно уже стерлись, въ годы реакціи на нее наложена была печать соизволенія власти королевской“. Разрывъ между Лассалемъ и прогрессистской партіей

съ того и начался, что прогрессистская партія ограничила свою мнимую борьбу за свободу и право народа этимъ конституціоннымъ недоноскомъ. Въ рѣчи своей передъ высшимъ судомъ Лассаль также постоянно повторялъ: „Я—погонщикъ, господа же, стоящіе у кормила правленія,—погоняемые“; онъ, совершенно не стѣсняясь, говорилъ о ихъ „неспособности“, когда они не дѣлали того, чего онъ желалъ. Подобно тому, какъ онъ отклонилъ когда-то просьбу Бухера о болѣе осторожномъ выраженіи, такъ онъ теперь холодно отвѣтилъ, „это не годится“, когда Бухеръ просилъ его удалиться во время совѣщанія суда, чтобы имѣть возможность бѣжать въ случаѣ, если его все-таки приговорятъ къ тремъ годамъ каторжныхъ работъ, согласно предложенію главнаго прокурора.

Третій крупный процессъ возникъ вслѣдствіе рѣчи Лассаля во время смотра, подвергшейся въ Дюссельдорфѣ запрещенію. Онъ былъ особенно замѣчателенъ потому, что происходилъ въ либеральной Рейнской странѣ, а оберъ-прокуроръ черпалъ свои тирады изъ прогрессивной прессы. Въ остальномъ же ходѣ процесса ничѣмъ не отличался отъ процессовъ Лассаля передъ судами Восточной Пруссіи, какъ въ смыслѣ несправедливости обвиненія и приговора, такъ и по тяжести предлагаемаго и налагаемаго наказанія Онъ доставилъ Лассалю еще больше хлопотъ, чѣмъ какой бы то ни было другой изъ его процессовъ. Въ первой инстанціи Лассаль былъ заочно приговоренъ къ году тюремнаго заключенія, въ апелляціонной инстанціи личной защитой онъ добился уменьшенія наказанія до половины, но и здѣсь не обошлось безъ эпилога: возникло новое обвиненіе на почвѣ защитительной рѣчи. По отношенію къ Лассалю дѣйствительно были „реакціонной массой“, какъ либеральные, такъ и консервативные законовѣды.

Смерть Лассаля кассировала всю эту гору жалкихъ актовъ. Но и тогда, когда смертная часть его

ускользнула отъ классовой юстиціи, послѣдняя еще неутомимо преслѣдовала его безсмертную часть. Такъ, берлинскій уголовный судъ 15 февраля 1865 г. приговорилъ къ уничтоженію рѣчи о „Наукѣ и Рабочихъ" на основаніи статей о презрѣніи и ненависти. Юстиція и полиція все еще бичевали духъ Лассаля скорпіонами, между тѣмъ какъ оправдывались уже и надъ нимъ слово поэта: „Тогда онъ пройдетъ между шпалерами полицейскихъ, какъ возвышенное существо".

4. Бастіа-Шульце.

При такихъ печальныхъ условіяхъ у Лассаля хватило силы и времени написать свое полемическое сочиненіе противъ Шульце-Делича, теоретическое произведеніе, въ которомъ онъ, какъ рабочій агитаторъ, сказалъ свое послѣднее слово.

Поскольку Лассаль въ этомъ сочиненіи, появившемся въ январѣ 1864 г., полемизируетъ съ Шульце, о немъ можно сказать то же, что и о полемическомъ сочиненіи противъ Юліана Шмидта: Лассаль иногда дѣлаетъ слишкомъ много чести личности Шульце, воплощая въ ней цѣлую общественную язву. Правда, Шульце съ большимъ самодовольствомъ игралъ возложенную на него роль „короля въ соціальной области" и былъ готовъ покрывать своимъ именемъ всякій капиталистическій развратъ; вообще всякому полемическому излишеству Лассаля въ это время извиненіемъ служитъ то, что оно, по сравненію съ грѣхами противниковъ, было дѣтской игрой. Но и для себя самого и для своего дѣла Лассаль сдѣлалъ бы лучше, если бы изъ личныхъ нападокъ на Шульце онъ половину вычеркнулъ, а въ другой половинѣ страстно-неистовый тонъ смягчилъ на снисходительно-презрительный. Тѣ главы его сочиненія — а такихъ безусловно большинство—въ которыхъ сугубо развертывается вся побѣдоносная сила его діалектики и подчасъ еще плѣ-

нительнѣе, чѣмъ когда-либо прежде, отъ этого еще выиграли бы.

Эти главы, — въ своемъ родѣ, настоящіе образцы положительной критики. Было почти невозможной задачей въ составленномъ Шульце катохизисѣ для нѣмецкихъ рабочихъ, въ которомъ расплывчатая болтовня Бастіа снова разбавлялась водой, отыскать правильныя точки зрѣнія для познанія капиталистическаго общества. Но Лассаль сумѣлъ невозможное сдѣлать возможнымъ, и надежда, которую онъ высказалъ въ предисловіи, была, пожалуй, основательна. Заставляя его излагать важнѣйшія основныя положенія научной политической экономіи въ гораздо болѣе убѣжденной и живой полемической формѣ, его звѣзда вела его по болѣе благопріятному пути, чѣмъ если бы она ему предоставила шагъ за шагомъ развивать основы научной политической экономіи въ систематически составленномъ сочиненіи. Для исчерпывающаго рѣшенія этой задачи Лассаль былъ слишкомъ юристомъ и философомъ, и его экономическое сочиненіе, рядомъ съ экономическимъ сочиненіемъ Маркса, было бы, какъ деревянное линейное судно рядомъ съ броненосцемъ, тогда какъ „Бастіа-Шульце" шнырялъ впереди этого броненосца, какъ проворный миноносецъ, причинявшій подчасъ страшное опустошеніе среди изъѣденныхъ червями сундуковъ непріятельскаго флота.

Въ „Бастіа-Шульце" Лассаль разорвалъ всѣ покровы, въ которые облекали сущность капиталистическаго общества манчестерцы и, въ нѣсколько иномъ родѣ, историческая школа: ограниченное представленіе, будто нынѣшнее общественное состояніе является вѣчнымъ естественнымъ состояніемъ человѣчества, обманчивое увлеченіе самопомощью, согласно которому отдѣльный, предоставленный самому себѣ, человѣкъ является кузнецомъ своего счастья, систематическое искаженіе экономическихъ категорій къ вящшей чести

буржуазіи, утвержденіе, что источникомъ капитала можетъ являться только сбереженіе, что предпринимательская прибыль является вознагражденіемъ за духовный трудъ или моральное воздержаніе и дюжина подобныхъ же тенденціозныхъ сказокъ, которыя тогда предлагались на всѣхъ перекресткахъ, какъ чистѣйшіе плоды науки. Критическимъ разрушеніемъ этихъ предразсудковъ Лассаль вскрылъ настоящую истину; онъ доказалъ, что капиталистическій способъ производства является исторической категоріей, опредѣленнымъ историческимъ періодомъ, начало и конецъ котораго онъ сумѣлъ изобразить съ одинаковой ясностью. Онъ излагалъ историческій процессъ, благодаря которому капиталъ помѣнялся ролями съ рабочимъ, превративъ живого рабочаго въ мертвое орудіе труда, а себя, мертвое орудіе труда,— въ живой органъ воспроизведенія, и онъ показалъ, какимъ образомъ вопіющія противорѣчія капиталистическаго общества могутъ быть разрѣшены только тѣмъ, и неизбѣжно ведутъ къ тому, что крупное производство всего общества опять превратитъ капиталъ въ мертвое служебное орудіе труда и тѣмъ самымъ откроетъ новые источники общественнаго богатства. Именно буржуазная собственность, говоритъ Лассаль, представляетъ собою анархическій соціализмъ, раздѣлъ собственности ради общества, незнаніе общественныхъ взаимоотношеній, которыя, въ качествѣ стихійныхъ силъ природы, мстятъ за это незнаніе и превращаютъ капиталистическій способъ производства въ азартную игру, при которой спина трудящихся классовъ является зеленымъ столомъ, на которомъ спекулянты и предприниматели пытаютъ свое счастье. Отличительной чертой капиталистическаго общества является уничтоженіе въ экономической области личной отвѣтственности каждаго въ отдѣльности, и именно соціализмъ стремится, разумно опираясь на общее и солидарное въ человѣческомъ обществѣ, установить свободу и отвѣтственность людей.

Отдѣльныя мѣста въ „Бастіа-Шульце“ представляются съ точки зрѣнія современнаго научнаго познанія, спорными и непріемлемыми, въ цѣломъ же это сочиненіе, ко времени своего появленія, являлось и въ теоретическомъ, и въ историческомъ отношеніи трудомъ, лучше котораго или равнаго которому, за единственнымъ исключеніемъ Маркса и Энгельса, не могъ бы совершить ни одинъ современникъ. Нѣтъ ничего неосновательнѣе критики Рошера, когда онъ, со своей томительно-скучной грудой расплывчатыхъ понятій и безсодержательныхъ примѣчаній, пытается смотрѣть сверху внизъ на „фельетониста“ Лассаля. „Бастіа-Шульце“ трижды побилъ всю буржуазную ученость. Она отомстила за это, со свойственной ей беззастѣнчивостью, пытаясь въ теченіе тридцати лѣтъ доказать, что исторія политической экономіи не видала такого замѣчательнаго и всесторонняго плагіатора, какимъ былъ Лассаль.

Къ сожалѣнію, близкіе друзья Лассаля первые дали начало этой отвратительной травлѣ. Циглеръ утверждалъ, что Лассаль позаимствовалъ всю свою теорію у фурьериста Тусееля, Бухеръ уничтожилъ, будто бы, а въ дѣйствительности скрылъ изъ наслѣдства Лассаля планъ агитаціи, потому что этотъ планъ, будто бы, по мнѣнію Родбертуса, списанъ у Прудона. Что Лассаль подражалъ самому Родбертусу, трубили по всему свѣту съ самыхъ различныхъ сторонъ. Другіе говорили, что Лассаль—это чистѣйшій Бюше, иные опять—что онъ чистый Базаръ, еще съ полсотни другихъ утверждали, что онъ чистый Луи-Бланъ. Что онъ ко всему тому грабилъ также еще и Маркса, это составляетъ ежедневную мудрость подающихъ надежду привать-доцентовъ. Болѣе смѣлые умы среди нихъ находятъ также, что пора уже настроить старую шарманку на новый ладъ, и вотъ они умудряются разсказывать, что Лассаль укралъ статью, которую Марксъ опубликовалъ лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Лассаля. Геніальныя выдумки,

будто Лассаль умѣлъ совершать плагіатъ у другихъ соціалистовъ, не только изъ статей, появившихся до его смерти, но и изъ появившихся послѣ его смерти или изъ тѣхъ, которыя еще только появятся, открываетъ, во всякомъ случаѣ, честолюбію буржуазныхъ изслѣдователей необозримое поле глубокомысленныхъ открытій.

Методъ изслѣдованія этихъ господъ такъ же милъ, какъ его результаты. Такъ какъ соціализмъ со времени Сенъ-Симона и даже уже со времени Томаса Мора выросъ изъ отрицательныхъ сторонъ капиталистическаго способа производства и хочетъ устранить эти стороны, то общность происхожденія и цѣли придаетъ всѣмъ соціалистамъ новаго времени нѣкоторое общее направленіе мысли. Въ предѣлахъ этой общности характеръ, вліяніе и воля каждаго отдѣльнаго соціалиста опредѣляются его естественными задатками, его образованіемъ и воспитаніемъ, даннымъ развитіемъ капиталистическаго общества и классовой борьбы въ немъ, уже достигнутой высотой соціалистическаго познанія, словомъ, всей исторической средой, въ которой ему приходится мыслить, дѣйствовать и говорить. Все это надо изслѣдовать, если желаютъ установить мѣсто, которое принадлежитъ какому-нибудь соціалисту въ исторіи соціализма. Судить о немъ только по общимъ чертамъ, принадлежащимъ всему новѣйшему соціализму такъ же умно, какъ если бы какой-нибудь естествоиспытатель сталъ утверждать, что левъ и овца или мышь и китъ это одни и тѣ же животныя, потому что имъ общи свойства млекопитающихъ. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ прибавить, что этотъ безсмысленный методъ исторической критики имѣетъ свое разумное основаніе. Чѣмъ чувствительнѣе и больнѣе какой-нибудь соціалистъ нападаетъ на какое-нибудь опредѣленное общество, тѣмъ болѣе стараются апологеты этого общества изобразить его въ качествѣ абстрактнаго призрака, собравшаго со всѣхъ возможныхъ уголковъ

всякія общія боевыя словечки. Оригинальности научно-теоретическихъ произведеній Лассаля, не проникшихъ въ массы, не оспаривалъ еще ни одинъ нѣмецкій профессоръ или приватъ-доцентъ; наоборотъ, чѣмъ больше великое теоретическое произведеніе Маркса становится общимъ достояніемъ массъ, тѣмъ чаще появляются университетскія сочиненія съ утѣшительнымъ доказательствомъ, что Марксъ былъ такимъ же жалкимъ плагіаторомъ, какъ Лассаль.

Самъ Лассаль никогда не выдавалъ себя теоретикомъ соціализма, прокладывающимъ новые пути; даже въ качествѣ соціалистическаго агитатора, онъ не заявлялъ притязанія на то, что пускаетъ въ обращеніе въ массахъ новыя мысли. Напротивъ! Онъ неустанно повторяетъ, что хочетъ сообщить рабочимъ только то, что твердо установлено и легко обосновать, что онъ не говоритъ имъ ничего такого, что не было бы давно установлено въ наукѣ, что у людей науки не считалось бы давно азбучной истиной. Если Лассаль любилъ при этомъ ссылаться на буржуазные авторитеты, то это не изъ желанія скрыть какую-нибудь кражу у соціалистическихъ предшественниковъ, а на томъ совершенно открыто признаваемомъ имъ основаніи, что такими авторитетами онъ могъ сильнѣе поразить своихъ буржуазныхъ противниковъ. Историческій центръ тяжести его агитаціи лежитъ не въ томъ, были ли отдѣльныя требованія его и мысли въ болѣе или менѣе подобной формѣ уже высказаны другими, а въ томъ, правильно ли онъ понялъ историческій моментъ, когда нужно было организовать политическую классовую борьбу германскаго пролетаріата, и сумѣлъ ли онъ правильно организовать эту борьбу. Только въ этихъ рамкахъ вообще можетъ быть рѣчь о томъ, всегда ли удовлетворялъ онъ въ своихъ агитаціонныхъ сочиненіяхъ тѣхъ представителей соціалистической теоріи и практики, которые были его учителями.

Въ дѣйствительности, Лассаль ничѣмъ не обязанъ утопическому соціализму, немногимъ онъ обязанъ мелкобуржуазному соціализму, но зато, болѣе всего — новѣйшему научному коммунизму. Долженъ ли онъ былъ по поводу каждой отдѣльной мысли или даже оборота рѣчи, въ которыхъ онъ опирался на французскую соціалъ-демократію до-мартовскихъ временъ, всякій разъ указывать источникъ, это вопросъ, отвѣтъ на который можно дать только въ каждомъ случаѣ отдѣльно. Если на него честно отвѣчать, то на это пришлось бы затратить гораздо больше труда, чѣмъ это, въ концѣ концовъ, стоитъ. По существу дѣла, германская соціалъ-демократія, основанная Лассалемъ, рѣшительно отличалась отъ французской соціалъ-демократіи Луи Блана и товарищей; такимъ образомъ, у Лассаля, который на каждомъ шагу долженъ былъ остерегаться дать вѣроломнымъ противникамъ новый поводъ для кривотолковъ, были достаточно важныя основанія не ссылаться на французскій соціализмъ, что онъ могъ дѣлать лишь совершенно внѣшнимъ образомъ и со многими оговорками, и чего не дѣлать, въ худшемъ случаѣ было больше невѣжливостью, чѣмъ несправедливостью.

Совсѣмъ не таковы отношенія Лассаля къ новѣйшему научному коммунизму. Его агитація и особенно „Бастіа-Шульце" немыслимы безъ предварительной духовной работы Маркса. Такъ, въ своемъ главномъ трудѣ по политической экономіи Лассаль цитируетъ сочиненіе, опубликованное Марксомъ въ 1859 году въ видѣ критики нѣкоторыхъ положеній политической экономіи, и онъ не только цитируетъ его, но и осыпаетъ живѣйшими похвалами, не переводя духа, называя его въ высшей степени значительнымъ, мастерскимъ, превосходнымъ, отличнымъ, историческимъ.

При такомъ не преувеличенномъ, но слишкомъ громоздкомъ восхваленіи представляется непривѣтливо суровымъ, когда Марксъ, въ предисловіи къ пер-

вому тому капитала, говоритъ, что при передачѣ того, что Лассаль позаимствовалъ изъ сочиненія 1859 года о величинѣ и субстанціи цѣнности, съ нимъ приключились „серьезныя недоразумѣнія“. Еще больше непривѣтливости слышится въ прибавленіи, которое Марксъ дѣлаетъ „en passant“: „Если Ф. Лассаль многія общія теоретическія положенія своихъ экономическихъ трудовъ, напримѣръ, объ историческомъ характерѣ капитала, о связи между производственными отношеніями и способомъ производства и т. д. и т. д., почти дословно, вплоть до созданной мною терминологіи, заимствовалъ изъ моихъ сочиненій, при томъ безъ указанія источника, то это объясняется соображеніями пропагандистскаго характера. Я, разумѣется, не говорю о томъ детальномъ развитіи и о тѣхъ практическихъ выводахъ, которые онъ изъ этого дѣлаетъ, и до которыхъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла“. Имѣя въ виду именно это мѣсто, одинъ буржуазный біографъ Лассаля говоритъ, что Марксъ лично былъ такъ далекъ отъ Лассаля, какъ тяжелый и раздражительный умъ бываетъ обыкновенно далекъ отъ подвижнаго и общительнаго. Но это ни на чемъ не основанная вылазка противъ Маркса, и достаточно обратиться къ самимъ фактамъ, чтобы найти объясненіе, воздающее каждому изъ этихъ людей свое, не причиняя несправедливости никому изъ нихъ. Какъ далекъ былъ Лассаль отъ того, чтобы украдкой рядиться въ перья Маркса, видно уже изъ того большого значенія, которое онъ придавалъ совмѣстной работѣ съ Марксомъ, изъ того стремленія совмѣстно съ Марксомъ начать агитацію среди рабочихъ въ Германіи, которое онъ обнаруживалъ вплоть до лѣта 1862 года. Если же Марксу не было „никакого дѣла до детальнаго развитія и практическихъ выводовъ“ Лассаля, если онъ, другими словами, отвергалъ особенную форму, которую, по мнѣнію Лассаля, слѣдовало придать германскому рабочему движенію, то Лассаль, очевидно, находился въ затрудни-

тельномъ положеніи. Съ одной стороны, онъ не могъ отречься отъ своихъ научныхъ убѣжденій, которыми онъ былъ обязанъ Марксу, съ другой — онъ не могъ также ссылаться на Маркса, не вызывая публичнаго обсужденія того, въ чемъ онъ съ нимъ не былъ согласенъ. Въ такой мѣрѣ, но только въ такой, поведеніе Лассаля опредѣлялось „соображеніями пропагандистскаго характера", и, повидимому, получается такая вещь, что пользуясь тѣмъ случаемъ, когда онъ, въ виду полнаго согласія съ Марксомъ, считалъ, что можетъ ссылаться на него, онъ хотѣлъ избыткомъ похвалы возмѣстить то, чего въ другихъ мѣстамъ онъ въ значительной мѣрѣ противъ воли долженъ былъ не дѣлать. Но и Марксъ къ этимъ „соображеніямъ пропагандистскаго характера" относился съ уваженіемъ, не только при жизни Лассаля, но и послѣ смерти его, и это тѣмъ болѣе важно, что въ томъ одномъ мѣстѣ, гдѣ Лассаль ссылается на Маркса, онъ сильно искажаетъ его взгляды. Марксъ выяснилъ положеніе лишь тогда, когда въ первой главѣ капитала вновь вкратцѣ повторилъ всѣ свои прежнія разсужденія о товарѣ и деньгахъ и изложилъ, по-возможности популярно, именно имѣя въ виду „значительныя недоразумѣнія", внесенныя Лассалемъ.

Эти недоразумѣнія, въ сущности, сводились къ глубочайшему различію, существовавшему между Лассалемъ и Марксомъ, различію между философско-правовымъ и экономическо-матеріалистическимъ воззрѣніемъ. Въ „Бастіа-Шульце" Лассаль совершенно разбилъ категорію услуги, которою Бастіа и другіе софисты прибыли на капиталъ подмѣнивали теорію цѣнности англійскихъ экономистовъ. Онъ возстановилъ эту теорію въ ея прежней чистотѣ, въ духѣ Рикардо, согласно которому всякая цѣнность сводится къ количеству труда, а послѣднее—къ рабочему времени. Затѣмъ, руководствуясь Марксомъ, онъ развивалъ тотъ взглядъ, что въ обществѣ, гдѣ отдѣльный человѣкъ произво-

дитъ не потребительныя, а мѣновыя цѣнности, гдѣ каждый трудится не ради своихъ потребностей, а ради потребностей всѣхъ другихъ, цѣнность товаровъ образуетъ не индивидуальное рабочее время, какъ таковое, и не имъ измѣряется цѣнность, а лишь поскольку въ немъ воплощается всеобщее общественное рабочее время, получающее въ деньгахъ свое самостоятельное существованіе. Тѣмъ не менѣе въ предположеніи Лассаля, будто, разсказавъ такимъ образомъ о деньгахъ и общественномъ рабочемъ времени, какъ мѣрилѣ цѣнности, онъ далъ „краткій экстрактъ тѣхъ мыслей“, которыя Марксъ развилъ о величинѣ и субстанціи цѣнности, во всякомъ случаѣ, скрывались „серьезныя недоразумѣнія“. Изъ развитой Марксомъ теоріи цѣнности онъ взялъ только то, что соотвѣтствовало его философско-правовому міровозрѣнію: доказательство того, что общественное рабочее время, образующее цѣнность, дѣлаетъ необходимымъ совмѣстное общественное производство, чтобы обезпечить рабочему полный продуктъ труда. Для Маркса же развитая имъ теорія цѣнности являлась разрѣшеніемъ всѣхъ загадокъ, заключающихся въ капиталистическомъ способѣ производства, нитью, по которой можно прослѣдить образованіе цѣнности и прибавочной цѣнности, какъ всемірноисторическій процесъ, который долженъ превратить капиталистическое общество въ соціалистическое. Такимъ образомъ, Лассаль не замѣтилъ разницы между трудомъ, производящимъ потребительныя цѣнности, и трудомъ, производящимъ мѣновыя цѣнности, той двойственной природы заключающагося въ товарахъ труда, которую Марксъ опять обстоятельно разобралъ въ первомъ томѣ „Капитала“, какъ исходный пунктъ, около котораго вращается пониманіе политической экономіи. На новомъ пути, проложенномъ Марксомъ, Лассаль нѣкоторое разстояніе прошелъ вмѣстѣ съ нимъ, чтобы далѣе снова загородить этотъ путь своимъ морально-правовымъ пониманіемъ

теоріи цѣнности, и вполнѣ понятно, что Марксъ, предпринявъ продолженіе своего труда, начатаго въ 1859 году, долженъ былъ устранить это препятствіе. Сердобольныя души, жалующіяся теперь на несправедливость, которую потерпѣлъ Лассаль отъ Маркса, разумѣется, не понимаютъ ни Маркса, ни, еще меньше, Лассаля. Онъ былъ слишкомъ искреннимъ и честнымъ поклонникомъ науки, чтобы не привѣтствовать выясненія основного заблужденія, даже если это происходило на его счетъ. Въ томъ, что Марксъ потребовалъ обратно свою духовную собственность, онъ видѣлъ освобожденіе отъ непріятнаго принужденія. Онъ могъ тѣмъ болѣе терпѣливо снести это, что Марксу не было „никакого дѣла до детальнаго развитія и практическихъ выводовъ“ его. Они были оружіемъ, которымъ Лассаль вооружилъ германскій пролетаріатъ, и то, что онъ вновь пробудилъ отъ пятнадцатилѣтней дремоты германское рабочее движеніе, это, какъ Марксъ сказалъ въ другой разъ,—безсмертная заслуга Лассаля.

5. Лассаль и рабочіе.

Громадная масса труда, которую Лассалю пришлось выполнить зимою съ 1863 на 1864 годъ, сосредоточилась, главнымъ образомъ, на заботѣ о Всеобщемъ Германскомъ Рабочемъ Союзѣ. Если онъ развивался въ крупную политическую силу, то главная цѣль была достигнута, и всякія другія удачи и неудачи могли считаться дѣломъ второстепеннымъ. Если же развитіе это не имѣло мѣста, то Лассаль, по его собственному пониманію, лишился все-таки крупной ставки, на которую онъ затратилъ почти нечеловѣческую энергію. И въ его смыслѣ, надежды, съ которыми онъ началъ свою агитацію, не исполнились.

Самъ по себѣ, правда, Союзъ росъ въ довольно почтенныхъ размѣрахъ. Та тысяча членовъ, которую онъ насчитывалъ осенью 1863 года, приблизительно, въ теченіе года упятерилась. Но при этомъ Союзъ

все же сохранялъ лишь игрушечные размѣры, и это внушало отвращеніе Лассалю; къ тому же этотъ ростъ совершался съ такими терзаніями и муками, что Лассаль въ мрачные часы „преисполнялся, совершенно преисполнялся отвращеніемъ“. Въ дѣйствительности дѣла шли совсѣмъ не такъ, какъ ихъ рисовалъ себѣ на бумагѣ Лассаль. Невозможно было въ одну ночь вызвать изъ-подъ земли сомкнутую армію рабочихъ.

Если ошибочно утверждать, будто агитація Лассаля вытекала изъ личнаго честолюбія, то, по меньшей мѣрѣ, преувеличеніемъ является утвержденіе, будто Лассаль питалъ лишь научно-историческій интересъ къ освободительной борьбѣ пролетаріата. Имѣются довольно убѣдительные доказательства въ пользу того, что его влекла къ рабочему классу глубокая симпатія, что онъ умѣлъ съ нимъ жить и чувствовать. Но что ему все-таки по существу осталось чуждымъ, это—внутренняя жизнь рабочаго класса, какъ массы, его тяжелая борьба съ нищетою и нуждою, съ ежедневными мелочами, борьба, которая постепенно должна привести его на прочную почву его современнаго классоваго сознанія, его тщетныя наступленія и мучительныя отступленія, неразрывно связанныя съ этой борьбой. Никогда и нигдѣ современная пролетарская революція не можетъ родиться, какъ Паллада-Аѳина, изъ головы смѣлаго мыслителя, а о „шатаніяхъ, недостаточности и слабостяхъ ея первыхъ опытовъ“ Лассаль не имѣлъ правильнаго пониманія, по крайней мѣрѣ, такого яснаго пониманія, какое имѣли Марксъ и Энгельсъ.

Нѣмецкій пролетаріатъ началъ просыпаться, а вмѣстѣ съ этимъ развивался и духъ добровольной дисциплины и солидарности, который долженъ одушевить его борьбу за освобожденіе. Пламенное краснорѣчіе Лассаля могло въ бурѣ увлечь за собой этотъ духъ, но быстрое появленіе пѣны смѣнилось столь же быстрымъ исчезновеніемъ ея. Изъ тысячъ, которыя, затаивъ дыханіе, слушали Лассаля, въ списки Всеобщаго Германскаго

Рабочаго Союза записывались, самое большее, сотни, а изъ этихъ сотенъ едва дюжины исполняли обязанности, взятыя на себя этой записью. Для Лассаля это было самымъ горькимъ разочарованіемъ, тогда какъ въ дѣйствительности это былъ совершенно неизбѣжный и въ результатахъ своихъ поправимый процессъ. Современный рабочій классъ долженъ самъ ковать свою судьбу, чтобы всегда крѣпко держать ее въ рукахъ; пространство, отдѣляющее первое его могучее пробужденіе отъ прочной его организаціи въ готовые къ бою батальоны, нужно пройти, его нельзя перелетѣть.

Такимъ образомъ, самъ Лассаль въ высокой степени не дооцѣнивалъ вліянія своей агитаціи. Искры, которыя онъ разбрасывалъ, попадали на сырой еще лѣсъ, и онъ совершенно неправильно считалъ ихъ потухшими потому, что онѣ тотчасъ не вспыхивали яркимъ пламенемъ. То, что онъ бросалъ въ массы, продолжало дѣйствовать не часъ, не день, не годъ. И главное дѣло его все-таки удалось: онъ создалъ прочный скелетъ для могучей рабочей арміи. Такой кадръ, какъ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ, уже нельзя было отбросить, и онъ не отбрасывался больше въ самый разгаръ бурныхъ порывовъ. Почти въ то самое время, только нѣсколькими мѣсяцами позже, когда Лассаль жаловался „на глубокое, мучительное разочарованіе, на гложущую досаду", которую ему причиняютъ равнодушіе и апатія рабочей массы, когда онъ проклиналъ раздражавшее его до смерти métier de dupe, тѣмъ болѣе, что онъ не можетъ дать выхода этому раздраженію и долженъ подавлять его въ себѣ и часто даже утверждать противоположное, — въ это самое время такой умный и безпристрастный наблюдатель, какъ Альбертъ Ланге, писалъ, что Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ „чрезвычайно важный питомникъ руководителей въ рабочемъ классѣ", и прибавлялъ къ этому, что кому дѣйствительно при-

ходится имѣть общеніе съ рабочими, тотъ легко замѣтитъ, что вліяніе этого Союза распространяется далеко за предѣлы списковъ его членовъ; среди рейнскихъ рабочихъ вообще нѣтъ приверженцевъ Шульце въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ.

Дѣйствительно, среди этихъ рабочихъ Союзъ былъ тоже сильнѣе представленъ, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Изъ 4610 членовъ, насчитывавшихся осенью 1864 года, больше половины выпадало на Рейнскія провинціи, а изъ этой половины опять больше половины приходилось на Эльберфельдъ-Барменъ и сельскіе форпосты давно существующей въ Вуперталѣ, непрестанно революціонизируемой, благодаря прогрессу техники и конъюнктурамъ мірового рынка, текстильной промышленности, именно на Ронсдорфъ и Вермельскирхенъ. Гуго Гильманъ, уполномоченный для Эльберфельда, неутомимо исколесилъ всю страну; это былъ прирожденный агитаторъ и не внушалъ въ политическомъ отношеніи никакихъ опасеній относительно своей надежности, несмотря на то, что его во время лондонскаго изгнанія, безъ всякаго основанія, считали не совсѣмъ надежнымъ; лично же, въ виду разстроенныхъ дѣлъ, онъ былъ весьма неразборчивъ въ выборѣ средствъ и потому часто подвергался нападкамъ. На жалобы союзнаго кассира на Гильмана Лассаль съ раздраженіемъ отвѣчалъ, что съ Гильманомъ у него такое же положеніе, какъ у Наполеона съ Даву: если бы у него было два такихъ, то одного изъ нихъ онъ велѣлъ бы застрѣлить, но такъ какъ у него онъ только одинъ, то онъ ему нуженъ.

Рядомъ съ Эльберфельдъ-Барменомъ, Золингенъ съ 500 членами являлся центромъ рейнскаго движенія. Здѣсь, въ лицѣ Карла Клингса и Эдуарда Вильмса, Лассаль пріобрѣлъ ревностныхъ приверженцевъ. Золингенское просвѣтительное общество рабочихъ совершенно растворилось во Всеобщемъ Германскомъ Рабочемъ Союзѣ, а золингенское потребительное общество

публично заявило, что въ теченіе своего полуторагодового существованія оно всегда было далеко отъ того „смѣшного и самонадѣяннаго воззрѣнія“, будто можно улучшить классовое положеніе рабочихъ посредствомъ потребительныхъ обществъ; цѣлью его всегда было лишь обезпечить своихъ членовъ отъ барышничества мелочной лавочки и все возрастающей поддѣлки жизненныхъ средствъ. Шлифовальщики и рабочіе, изготовлявшіе ножницы, шпажные мастера и шпажные кузнецы Золингена уже десятки лѣтъ такъ тяжело чувствовали удары бича капитала, что они легко и быстро поняли пролетарскую классовую борьбу. Въ Ремшайдѣ, Гагенѣ, Изерлонѣ пропаганда встрѣчала еще на своемъ пути сильныя препятствія въ ремесленномъ образѣ мыслей, то же самое въ Крефельдѣ, на лѣвомъ берегу Рейна. Въ Дуисбургѣ же, съ его многочисленнымъ фабричнымъ населеніемъ, дѣло хорошо подвигалось впередъ, точно такъ же въ Дюссельдорфѣ, гдѣ имѣли свое вліяніе также личныя воспоминанія о жизни Лассаля на Рейнѣ; каждый изъ этихъ двухъ городовъ насчитывалъ, приблизительно, по 250 членовъ. Медленнѣе развивался Кёльнъ, гдѣ рейнская буржуазія оказывала сильнѣйшій отпоръ. Моисей Гессъ уѣхалъ въ декабрѣ 1863 года въ Парижъ, а его преемникъ въ должности уполномоченнаго не былъ въ состояніи неблагопріятныя мѣстныя условія сгладить личнымъ искусствомъ.

Послѣ Рейнскихъ провинцій цитаделью Союза былъ Гамбургъ и сосѣдній Гарбургъ. Оба города насчитывали, приблизительно, 700 членовъ. Классическое мѣсто нѣмецкой крупной торговли предоставляло пролетарской классовой борьбѣ такія же благопріятныя условія, какъ классическое мѣсто нѣмецкой крупной промышленности. Гамбургское просвѣтительное общество рабочихъ существовало еще съ 1848 года и подъ пепломъ годовъ реакціи сохраняло тлѣющія революціонныя искры; кромѣ того, въ пятидесятыхъ годахъ въ Гамбургѣ возникли два крупнѣйшихъ потребитель-

ныхъ общества Германіи. Когда же теченіе Національнаго Союза перекинулось въ просвѣтительное общество, изъ среды его немедленно развилась энергичная оппозиція. Вождемъ ея былъ Юргенъ Людерсъ, экономъ просвѣтительнаго общества, а главнымъ ораторомъ ея былъ Августъ Перль, по первоначальной профессіи бывшій писцомъ у адвоката, сдѣлавшійся въ одномъ изъ этихъ потребительныхъ обществъ бухгалтеромъ. За оппозицію его исключили изъ просвѣтительнаго общества, а Юргена Людерса отрѣшили отъ должности эконома, послѣ чего онъ открылъ маленькій трактиръ, въ которомъ Перль сносился со своими товарищами. Къ нимъ присоединился въ ноябрѣ 1862 года молодой Яковъ Аудорфъ, проведшій въ качествѣ слесаря пять лѣтъ тяжелаго ученичества у тисковъ и въ кузницѣ, а затѣмъ много переживщій и многому научившійся за пять лѣтъ странствованій въ Германіи Швейцаріи, Парижѣ, Лондонѣ. Какъ чисто пролетарская натура, онъ стоялъ къ массамъ ближе, чѣмъ Перль, который не лишенъ былъ дарованій и сдѣлался даже впослѣдствіи докторомъ и адвокатомъ, но тѣмъ самымъ погибъ для рабочаго движенія. Въ Гарбургѣ уполномоченнымъ Союза былъ Теодоръ Іоркъ, смѣлый, упрямый пролетарій, котораго мало безпокоилъ упрекъ въ упорствѣ, разъ дѣло касалось обезпеченія самостоятельности рабочему движенію. Изъ Гамбурга Густавъ Деквитцъ, молодой столярный подмастерье, перенесъ движеніе въ Бременъ, но онъ поддался запугиванію со стороны сената, толковавшаго фактъ отсутствія въ Бременѣ закона о союзахъ въ томъ смыслѣ, что тамъ никакой политическій союзъ не можетъ быть терпимъ. Такимъ образомъ, Деквитцъ ограничивался мирной агитаціей, привлекшей лишь нѣсколько десятковъ членовъ.

Королевство Саксонія не было представлено въ Союзѣ пропорціонально своему промышленному значенію. Оно давало, приблизительно, столько же членовъ, сколько Гамбургъ и Гарбургъ вмѣстѣ взятые, при чемъ

половина членовъ приходилась на Лейпцигъ съ его промышленными предмѣстьями Коппевицомъ, Штёттерицомъ, Тонбергомъ. Прежде, чѣмъ Вельтейхъ переселился осенью 1863 года въ Берлинъ, онъ велъ агитацію въ Гросенгайнѣ, Гросбургѣ, Нейгерсдорфѣ, Россвейнѣ, съ немалымъ сначала, но быстро уменьшавшимся успѣхомъ. Въ одномъ отчетѣ изъ Нейгерсдорфа объ этомъ говорится такъ: „Члены не рѣшаются открыто примыкать къ Лассалю вслѣдствіе преслѣдованій. Ткачъ давно уже зарабатываетъ въ день не больше 3 зильбергрошей 6 пфенниговъ. Этимъ объясняется также то сочувствіе, которое встрѣтилъ господинъ Вальтейхъ. Вообще рабочіе думали, что готовится выступленіе для улучшенія положенія“. Эти простыя слова рабочаго поразительнѣе, чѣмъ что-либо, изображаютъ отвратительные результаты капиталистической эксплоатаціи домашней промышленности: голодная заработная плата въ самомъ страшномъ смыслѣ этого слова, попеременно толкающая душевную жизнь эксплоатируемаго пролетаріата отъ рабскаго страха къ дикой мстительности.

Среди болѣе развитыхъ слоевъ рабочихъ Саксонскаго королевства буржуазный радикализмъ, который здѣсь не такъ дискредитировалъ себя, какъ на Рейнѣ, все еще пользовался большимъ вліяніемъ; густую сѣть просвѣтительныхъ обществъ рабочихъ, покрывавшую Саксонію слѣва отъ Эльбы, нельзя было порвать однимъ ударомъ. Въ Дрезденѣ число членовъ едва достигало дюжины, среди которыхъ мѣдникъ Фёрстерлингъ выдавался больше ревностью, чѣмъ талантомъ. Въ Лейпцигѣ Вутке оставался вѣрнымъ Союзу и читалъ передъ членами доклады о французскомъ соціализмѣ. Есть свѣдѣнія, что онъ не пользовался большимъ успѣхомъ, что можно было объяснить тѣмъ, что его способность изложенія не стояла на одинаковой высотѣ съ его ученостью. Уполномоченнымъ для Лейпцига былъ Даммеръ, молодой ученый съ доходомъ въ 300 талеровъ и съ быстро растущей семьей, сильно угнетаемый лич-

ной борьбой за существованіе; такимъ образомъ, дѣл агитаціи находилось преимущественно въ сильных рукахъ Фрицше, принадлежавшаго къ старой гвардi дрезденскихъ майскихъ борцовъ.

Въ силезскихъ ткацкихъ округахъ дѣла приняли лучшій оборотъ, чѣмъ въ саксонскихъ, но лишь посл смерти Лассаля. Много радости, безъ достаточнаг основанія, еще доставило ему и много мукъ, безъ больших результатовъ, стоило ему небольшое количеств приверженцевъ, которое онъ пріобрѣлъ въ богемскомъ городкѣ Ашѣ. Это было около сотни чулочниковъ и ткачей, славныхъ и честныхъ молодцовъ, выброшенныхъ благодаря машинѣ, на мостовую и видѣвшихъ передъ собою „голодную смерть, какъ выходъ изъ такой всемірной комедіи". Но „потомками старыхъ гусситовъ", какъ ихъ называлъ Лассаль, ихъ можно было бы считать только за ихъ благочестивое, а не революціонное настроеніе. „И высшіе и низшіе должны руководствоваться библіей, и такова именно тенденція президента господина Лассаля и его умныхъ приверженцевъ", писалъ чулочникъ Мартинъ, назначенный Лассалемъ въ качествѣ уполномоченнаго для Аша. Эта полная неясность показывала, что въ лицѣ членовъ въ Ашѣ Лассалю приходилось имѣть дѣло съ дикимъ побѣгомъ, а не съ настоящимъ корнемъ агитаціи; разумѣется, благодаря этому, старанія Лассаля защитить своихъ тамошнихъ приверженцевъ отъ притѣсненія властей и фабрикантовъ, не теряли своей цѣны.

Въ Южной Германіи агитація нашла лишь слабую почву; причиной этому, отчасти, можетъ быть, было ея прусское происхожденіе, частью все еще сильное преобладаніе южно-германской мелкой буржуазіи. Во Франкфуртѣ на Майнѣ невозможно было побудить Геймана и Теодора Мюллера занять должность въ Союзѣ, хотя они сочувствовали дѣлу. Франкфуртское просвѣтительное общество рабочихъ также продолжало свое существованіе, такъ какъ Мюллеръ прежде всего хо-

тѣлъ содѣйствовать просвѣтительнымъ стремленіямъ рабочихъ, и Лассаль, въ виду услугъ, оказанныхъ ему Мюллеромъ, отнесся съ уваженіемъ къ его желанію; его попытка добиться исключенія Зоннемана изъ Союза за его поведеніе на цюрихскомъ рабочемъ конгрессѣ разбилась о большинство въ два голоса. Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ началъ свое существованіе во Франкфуртѣ при 67 членахъ, число которыхъ медленно, но неуклонно росло. Это были на половину портные, затѣмъ другіе ремесленники, какъ, напримѣръ, мѣдникъ Фрицъ Эльнеръ и портфельщикъ Велькеръ, также отдѣльные литераторы, какъ Бернгардъ Беккеръ и молодой Генрихъ Обервиндеръ. Со Швейцеромъ Лассалю все-таки не удалось добиться своего; при его посредничествѣ Швейцеръ сдѣлался членомъ въ Лейпцигѣ. Когда прежній уполномоченный во Франкфуртѣ, торговецъ сигарами Штраусъ, оказался не подходящимъ, на его мѣсто сталъ Бернгардъ Беккеръ. Гораздо хуже, чѣмъ во Франкфуртѣ, было положеніе въ Майнцѣ, гдѣ часовщикъ Шепплеръ очень скоро вернулся въ материнскія объятія прогрессистской партіи. На томъ, что происходило въ Майнцѣ, особенно разительно обнаруживалась быстрая смѣна приливовъ и отливовъ, которой такъ часто характеризуется начало новѣйшаго рабочаго движенія. Краснорѣчіе Лассаля, казалось, однимъ ударомъ побѣдило майнцскихъ рабочихъ; затѣмъ наступилъ такой полный отливъ, что въ теченіе полутора лѣтъ до смерти Лассаля вновь собралось лишь около десяти или двѣнадцати членовъ; но когда по городу проходила похоронная процессія съ трупомъ Лассаля, майнцскіе рабочіе устроили ему траурную манифестацію, какъ королю.

Въ Рейнскомъ Пфальцѣ, въ Баденѣ, въ Вюртембергѣ, въ классическихъ центрахъ мелкой буржуазіи, агитаціи Лассаля не удалось нигдѣ твердо стать на ноги. Напротивъ, въ іюнѣ 1863 года вюртембергскія просвѣтительныя общества, которыхъ было очень

много въ Штутгартѣ, Эслингенѣ, Ульмѣ, Гёльброннѣ, Гёппингенѣ, Рейтлингенѣ, Гмюндѣ, Каннштадтѣ и другихъ мѣстахъ, объединились въ особый сельскій союзъ и, годъ спустя, устроили свое первое сельское собраніе въ Гёппингенѣ. Въ правленіяхъ этихъ обществъ засѣдали фабриканты, профессора, учителя, аптекаря и другіе ученые господа, но очень рѣдко рабочіе. Нѣсколько иначе обстояли дѣла въ Баваріи. Хотя Баварія являлась, главнымъ образомъ, земледѣльческой страной съ чрезвычайно отсталымъ промысловымъ законодательствомъ, тѣмъ не менѣе Аугсбургъ, Мюнхенъ и Нюренбергъ представляли собою отдѣльные центры металлической и текстильной промышленности, насчитывавшіе тысячи промышленныхъ рабочихъ. Въ особенности Аугсбургъ, со своими прядильными, ткацкими и ситценабивными фабриками, привлекалъ цѣлую армію рабочихъ. Аугсбургскіе рабочіе прошли недурную школу, такъ какъ текстильные бароны вначалѣ, когда строили свои фабрики, выписывали изъ Эльзаса и Швейцаріи чужихъ рабочихъ для обученія отечественныхъ; кромѣ того, въ Аугсбургѣ было значительное число рабочихъ, принимавшихъ участіе въ баденско-пфальцскомъ возстаніи и еще не лишившихся своего мятежнаго духа. Но и здѣсь о вовлеченіи рабочихъ массъ въ политическую жизнь больше всего позаботилась баварская буржуазія. Она начала зазнаваться и завязала борьбу съ ультрамонтанами, съ выступавшими подъ этимъ именемъ юнкерами и попами; она хотѣла именно разбить рамки промысловаго и таможеннаго законодательства, затруднявшія ей участіе въ конкурренціи на всемірномъ рынкѣ. Аугсбургскіе прядильные короли, нынѣшніе протекціонисты, тогда были ревностными манчестерцами и обѣщали эксплоатируемымъ ими рабочимъ всѣ райскія блага отъ тысячелѣтняго царства свободной торговли. На время они могли этимъ обмануть рабочихъ, при чемъ, однако, въ наиболѣе передовыхъ рабочихъ пробуждалось

болѣе правильное воззрѣніе. Когда аугсбургскій рабочій, механикъ Фридрихъ Дюрръ, примкнувшій въ Гамбургѣ къ агитаціи Лассаля, вернулся въ свой родной городъ, онъ привлекъ нѣсколько десятковъ товарищей. Дѣло, однако, подвигалось туго, такъ какъ не хватало ораторскихъ силъ, а обвиненіе Лассаля въ ереси со стороны либеральной прессы встрѣчало еще слишкомъ много вѣры среди рабочихъ.

Въ общемъ, ко времени смерти Лассаля, Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ распространялся, приблизительно, на 50 съ лишнимъ германскихъ городовъ; болѣе, чѣмъ въ трети изъ нихъ, онъ, несомнѣнно, числился только на бумагѣ, въ другой трети онъ насчитывалъ свыше 100 членовъ. За предѣлами Германіи о своей готовности примкнуть заявило коммунистическое просвѣтительное общество рабочихъ въ Лондонѣ, но Лассаль отнесся къ нему сдержанно, указывая на то, что нигдѣ нѣтъ больше трудностей и осложненій, чѣмъ на лондонской почвѣ. Вѣроятно, онъ хотѣлъ избѣгнуть всякой возможности столкновенія съ Марксомъ. Въ Швейцаріи Іоганнъ Филиппъ Беккеръ выступилъ въ пользу Лассаля съ открытымъ письмомъ, но жаловался на малый успѣхъ, такъ какъ ремесленные рабочіе еще насквозь пропитаны иллюзіями Шульце и каждый смотритъ на себя уже какъ на будущаго члена доходнаго товарищества.

Если ростъ Союза въ ширину остался далеко позади ожиданій Лассаля, то не менѣе того или, скорѣе, еще болѣе отставало внутреннее его развитіе. И здѣсь Лассаль хотѣлъ пожать, едва посѣявъ. Онъ выходилъ изъ терпѣнія изъ-за нерегулярнаго доставленія отчетовъ уполномоченными, изъ-за неаккуратной уплаты членскихъ взносовъ или полной пріостановки ихъ, изъ-за „треній, мелочности, интригъ, столкновеній въ духѣ прогрессистской партіи“, въ чемъ не было недостатка въ молодомъ Союзѣ. „Игра въ Союзъ“ неоднократно вызывала его проклятія. До правильнаго функціони-

рованія созданнаго имъ организма онъ такъ и не дожилъ, несмотря на всю неутомимость, съ которой онъ, путемъ просьбъ, увѣщаній и, въ крайнемъ случаѣ, даже угрозъ, понукалъ уполномоченныхъ. Касса Союза съ самаго начала была обременена крупнымъ и все растущимъ дефицитомъ, который уменьшался, но отнюдь не уничтожался благодаря доходамъ отъ его агитаціонныхъ статей, благодаря доброхотнымъ займамъ у 2—3 богатыхъ членовъ союза, благодаря авансамъ кассира и другимъ финансовымъ операціямъ. Если даже Гильманъ въ Эльберфельдѣ, Перль въ Гамбургѣ и Даммеръ въ Лейпцигѣ запаздывали со своими счетами и отчетами, то чего было ожидать отъ уполномоченныхъ, которые имѣли за собой сравнительно мало членовъ, и, какъ простые рабочіе, должны были послѣ трудового дня агитировать, а затѣмъ еще вести счеты и писать, при ихъ неопытности владѣть перомъ?

Чтобы поднять внутреннюю жизнеспособность Союза, Лассаль прибѣгнулъ къ нѣкоторымъ мѣропріятіямъ, направленнымъ къ увеличенію самостоятельности членовъ. Прежде всего онъ ввелъ въ Эльберфельдѣ, Барменѣ и Ронсдорфѣ отдѣльныя, избираемыя мѣстными членами, кассовыя управленія. Они должны были состоять изъ двухъ кассировъ и двухъ контролеровъ; рядомъ съ ними два цензора имѣли задачей понуждать неаккуратныхъ членовъ къ уплатѣ взносовъ, но одному уполномоченному принадлежало право распоряженія мѣстными расходами, съ тѣмъ, чтобы они безъ особаго согласія президента никогда не могли въ теченіе мѣсяца превышать половину мѣсячныхъ поступленій. Затѣмъ, нѣсколько позже, Лассаль постановилъ, чтобы въ этихъ трехъ мѣстахъ, а также въ Дюссельдорфѣ, Золингенѣ и Вермельскирхенѣ мѣстные члены выбирали на постъ уполномоченнаго трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ президентъ долженъ былъ сдѣлать окончательный выборъ. Оба учрежденія, распространеніе которыхъ на весь Союзъ предусматривалось заранѣе,

были уступкой демократическому принципу. Но они, кажется, не внесли большого улучшенія, такъ какъ бѣда больше заключалась въ томъ, что организація вообще еще не обжилась, чѣмъ въ томъ, что не такъ быстро обнаруживаются ея недостатки.

Во всѣхъ этихъ дѣтскихъ болѣзняхъ обнаружилось все-таки, что Союзъ былъ здоровымъ ребенкомъ. Въ пользу этого говорили многочисленные знаки вѣрности и доказательства быстраго пониманія, которые Лассаль получалъ отъ членовъ. Они всегда дѣйствовали успокаивающимъ образомъ на его нетерпѣніе и доставляли ему большое удовлетвореніе. Вѣдь это была избранная часть германскаго пролетаріата, которая въ добровольной дисциплинѣ признала его своимъ вождемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ уже рано обнаружилось, что Союзъ не былъ сектой, рабски принимающей на вѣру каждое слово учителя, а быстро развивающейся партіей, которая очень скоро начала рвать помочи диктаторскаго руководства. Правда, никѣмъ еще не подтвержденъ разсказъ о томъ, будто Лассаль натолкнулся на рѣшительное сопротивленіе своихъ берлинскихъ приверженцевъ, когда хотѣлъ взять съ нихъ обѣщаніе въ борьбѣ между королевской властью Божьей милостью и либеральной буржуазіей стать на сторону королевской власти противъ буржуазіи. Такое требованіе стоитъ въ такомъ непримиримомъ противорѣчіи со всѣми документально провѣренными требованіями Лассаля, что оно, вдобавокъ, переданное черезъ третьи руки, должно быть отнесено къ области басенъ. Но въ другомъ случаѣ Лассаль, къ сожалѣнію, увлекся до того, что сдѣлалъ очень несправедливое посягательство на революціонный образъ мыслей рейнскихъ рабочихъ. Два золингенскихъ точильщика, по имени Молль, и одинъ эльберфельдскій рабочій, по имени Лотцъ, были весною 1864 года приговорены къ четыремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія за то, что они, будто, нанесли раны нѣсколькимъ прогрессистскимъ буянамъ во время рѣчи Лассаля на

смотру въ Золингенѣ. Тогда Лассаль предложилъ осужденнымъ обратиться къ королю съ подкрѣпленной большимъ адресомъ рабочихъ просьбой о помилованіи. Но честные ребята рѣшительно отказывались. Они говорили, что если бы имъ пришлось даже сидѣть четыре года, то стать обязанными королю было противно ихъ образу мыслей, и ихъ товарищи согласились съ ними. Лассаль долженъ былъ покориться этому рѣшительному отказу, и онъ принялъ это, по крайней мѣрѣ, честно, признавъ, что онъ долженъ гордиться тѣмъ, что стоитъ во главѣ такихъ людей. Но это все-таки не совсѣмъ излѣчило его, и онъ еще разъ получилъ отказъ, когда предложилъ подать адресъ съ жалобой безъ просьбы о помилованіи.

Гораздо болѣе неосновательной, чѣмъ этотъ протестъ золингенскихъ рабочихъ, была сама по себѣ оппозиція Вальтейха противъ Лассаля. 1-го февраля 1864 года Вальтейхъ сложилъ съ себя должность секретаря Союза, такъ какъ онъ не могъ лично съ Лассалемъ сойтись; его мѣсто занялъ Эдуардъ Вильмсъ, отлично ладившій съ Лассалемъ. Вальтейхъ переселился въ Дрезденъ, гдѣ онъ перенялъ должность уполномоченнаго. Его стремленія были направлены теперь къ децентрализаціи Союза, къ болѣе тѣсному сближенію съ болѣе рѣшительными направленіями буржуазіи, при этомъ у него не было недостатка въ замѣчаніяхъ о призрачномъ существованіи Союза, объ очень опасномъ шарлатанствѣ президіума и тому подобныхъ выраженіяхъ, которыя явно были направлены лично противъ Лассаля. По существу, Вальтейхъ со своими стремленіями стоялъ, во всякомъ случаѣ, на ложной дорогѣ; что вышло изъ сближенія рабочихъ съ прогрессистской партіей, онъ испыталъ на собственной шкурѣ. И если централизація Союза разбивалась о неумѣніе рабочихъ приняться за политическую партійную организацію, то его децентрализація была попросту смертнымъ приговоромъ для всей агитаціи.

Лассаль правильно видѣлъ въ этомъ не начало конца, но самый конецъ, приличный предлогъ, чтобы распустить Союзъ, если только онъ дѣйствительно долженъ былъ подвергнуться распущенію. Если Вальтейхъ не вѣрилъ больше въ успѣхъ, то, въ виду его прошлаго, для него было бы какъ разъ гораздо проще выйти изъ Союза, вмѣсто того, чтобы разстраивать его, и вполнѣ понятно было, что оппозиція Вальтейха причиняла Лассалю все больше и больше огорченія.

Несмотря на все это, эта оппозиція заключала въ себѣ значительный моментъ. Уже давно раздавалось много несправедливыхъ или, по крайней мѣрѣ, сильно преувеличенныхъ упрековъ противъ той организаціи, которую Лассаль придалъ рабочему движенію; когда онъ, напримѣръ, въ своихъ циркулярахъ началъ называть группы мѣстныхъ членовъ попросту общинами, то въ этомъ простомъ, разумномъ сокращеніи неуклюжаго выраженія видѣли религіозный духъ секты, тогда какъ въ дѣйствительности оно было возрожденіемъ обозначенія, которымъ пользовался для своихъ мѣстныхъ членовъ уже Союзъ Коммунистовъ. Но нельзя спорить противъ того, что въ организаціи Лассаля крылась опасность превращенія въ секту, и потому оппозиція, уже скоро поднявшаяся противъ Лассаля внутри Союза, была признакомъ внутренней силы, принимала ли она сначала, какъ въ случаѣ съ золингенскими рабочими, правильную форму, или, какъ въ случаѣ съ Вальтейхомъ, — неправильную. Она никогда потомъ совсѣмъ не заглохла, пока существовалъ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ, и исчезла только вмѣстѣ съ опасностью, противъ которой она была направлена, съ опасностью, связанною со всякой личной диктатурой.

Когда Лассаль видѣлъ въ пролетарской классовой борьбѣ соединеніе авторитета со свободой, когда онъ видѣлъ въ ней прообразъ будущей формы общества, то онъ это понималъ въ широкомъ смыслѣ. Несомнѣнно, его личная диктатура также была благотворна и по-

лезна, пока нужно было пробудить сильное классовое самосознаніе пролетаріата и устранить нелѣпую безсвязность, вносимую въ его ряды прогрессистской партіей. Но, по достиженіи этой цѣли, личная диктатура изъ рычага превращалась въ тормозъ, и ее необходимо было, въ свою очередь, устранить. Исторически подымающійся классъ, сознавшій свою революціонную волю, соединяетъ авторитетъ и свободу въ себѣ самомъ, и ему нѣтъ надобности отдавать свою волю, какъ молотъ, въ руки одного человѣка. Истинное оправданіе личной диктатуры, какою она была въ рукахъ Лассаля, заключается въ томъ, чтобы самой сдѣлать себя излишней, и въ этомъ смыслѣ доказательствомъ самостоятельной внутренней силы движенія служило то обстоятельство, что передовые рабочіе, какъ Іоркъ, Вальтейхъ и золингенскіе шлифовальщики, уже рано начали проявлять недовольство диктаторскимъ руководствомъ Лассаля.

Прежде, чѣмъ личная диктатура сама сдѣлала себя излишней, долженъ былъ пройти не одинъ годъ, и процессъ ея уничтоженія не разъ приводилъ къ сильнымъ потрясеніямъ. Но въ этомъ отражался только тотъ невидимый ходъ пролетарской революціи, дающій противникамъ желанный поводъ къ очень дешевымъ тріумфамъ, пока не обнаруживается, что онъ является условіемъ для ея неудержимаго успѣха.

Глава третья.

Конецъ Лассаля.

---

8 мая 1864 года Лассаль предпринялъ свое лѣтнее путешествіе, изъ котораго ему не суждено было возвратиться. Чтобы отряхнуть отъ своихъ ногъ берлинскій прахъ, на этотъ разъ ему не было надобности въ объясненіи и оправданіи. Безпримѣрное напря-

женіе зимы совершенно разстроило его здоровье. Уже въ февралѣ онъ писалъ уполномоченнымъ: „Я усталъ до смерти, и какъ ни крѣпокъ мой организмъ все-таки онъ пошатнулся до мозга костей. Возбужденіе у меня такъ велико, что я больше не сплю по ночамъ. Я ворочаюсь до пяти часовъ на постели и встаю съ головной болью и сильно изнеможденнымъ. Я страдаю въ самой страшной степени отъ чрезмѣрнаго труда, чрезмѣрнаго напряженія, чрезмѣрнаго утомленія". То же самое около того же времени онъ писалъ Родбертусу: „Отъ чрезмѣрнаго напряженія и слишкомъ большого нервнаго возбужденія отъ труда я такъ ослабѣлъ, что нервы болтаются у меня какъ веревки". Дни Лассаля были сочтены; горловая болѣзнь, причинявшая ему сильныя страданія уже во время его агитаціонныхъ рѣчей въ прошломъ году, оставляла ему для жизни, по мнѣнію его дюссельдорфскаго врача, лишь очень короткій срокъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ не хотѣлъ уступить, пока на горизонтѣ мерцалъ еще маленькій лучъ надежды. Онъ все еще разсчитывалъ на то, что удастся вырвать у правительства всеобщее избирательное право, и эта мысль все болѣе и болѣе становилась движущей силой того, что онъ думалъ и говорилъ въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни. Такъ какъ онъ гнался за блуждающимъ огнемъ, то все больше уклонялся отъ правильнаго пути, хотя никогда онъ не уходилъ настолько далеко, чтобы для него во всякій моментъ невозможенъ былъ возвратъ. Дѣйствія его около этого времени носятъ многочисленные слѣды духовнаго и физическаго утомленія, но Лассаль никогда не терялъ при этомъ самого себя, и дѣлу своему онъ не измѣнилъ ни на волосъ. Принципъ его оставался всегда неизмѣннымъ, какіе бы разнообразные скачки подчасъ ни продѣлывала его тактика.

Лассаль употребилъ май мѣсяцъ на новый смотръ своей арміи. Онъ начался въ Лейпцигѣ и распро-

странился затѣмъ опять на всѣ рейнскія общины, завершившись торжествомъ годовщины Союза, отпразднованнымъ въ Ронсдорфѣ 22 мая 1864 года. По Ронсдорфу же обыкновенно называютъ рѣчь, которую Лассаль раньше уже, правда, въ болѣе краткомъ видѣ, произнесъ 9 мая въ Лейпцигѣ, 14-го въ Золингенѣ, 15-го въ Барменѣ, 18-го въ Вермельскирхенѣ, всюду встрѣчаемый ликованіями и привѣтствіями со стороны рабочихъ массъ, утопая въ тріумфахъ, которые должны были вознаградить его за безконечныя муки. Жадно глотало его алчущее сердце эти яркіе солнечные лучи успѣха, за которыми скоро должна была послѣдовать вѣчная ночь. Въ неописуемомъ ликованіи рейнскихъ массъ онъ воображалъ себя Фаустомъ, мирно, съ чувствомъ удовлетворенія, стоящимъ у цѣли своего земного странствованія, и у него всегда получалось впечатлѣніе, что такъ должно было быть при возникновеніи новыхъ религій. Кто станетъ нынче спорить противъ этихъ словъ умирающаго?

Ронсдорфская рѣчь вообще считается слабѣйшею изъ всѣхъ агитаціонныхъ рѣчей, произнесенныхъ Лассалемъ. Отчасти ея слабость проистекаетъ оттого, что она не носитъ цѣльнаго характера. Сначала она должна была быть „внутреннимъ обзоромъ", какъ рѣчь на прошлогоднемъ смотру была „внѣшнимъ обзоромъ". Она должна была пробудить въ членахъ истинное рвеніе и духъ и закончиться краткимъ рельефнымъ изображеніемъ политическаго положенія. Затѣмъ планъ рѣчи подвергся существенному измѣненію, благодаря тому, что депутація силезскихъ ткачей, незадолго передъ рѣчью Лассаля, была принята королемъ, и этотъ инцидентъ, повидимому, предоставлялъ Лассалю прекрасный поводъ для тактическаго поворота. Такимъ образомъ, рѣчь все-таки вышла „внѣшнимъ обзоромъ", что видно изъ самаго ея названія: „Агитація Всеобщаго Германскаго Рабочаго

Союза и обѣщаніе прусскаго короля". Черезъ головы рабочихъ Лассаль обращался со своей рѣчью къ „парѣ господъ въ Берлинѣ", на которыхъ онъ уже своей рѣчью на прошлогоднемъ смотру пытался повліять.

Но чѣмъ сильнѣе становились козыри его тактики, тѣмъ яснѣе обнаруживалась также ея основная ошибка. Съ одной стороны, Лассаль хотѣлъ пригвоздить короля къ ничего не говорящимъ фразамъ, при помощи которыхъ хотѣли отдѣлаться отъ ткачей: „посмотримъ же, сдержитъ ли королевская власть это обѣщаніе, будетъ ли она госпожей даннаго трудящимся классамъ слова". Лассаль заставлялъ короля свидѣтельствовать въ пользу основныхъ соціалъ-демократическихъ положеній, доказывая, что съ обѣщаніемъ законодательнаго регулированія рабочаго вопроса обѣщано и всеобщее избирательное право, такъ какъ народное представительство, выбранное на основѣ классной избирательной системы, вѣдь никогда не дастъ денегъ, необходимыхъ для уничтоженія нужды рабочихъ. Если къ этому прибавить, что Лассаль очень безцеремонно обращался съ экземпляромъ королевскаго отвѣта, переданнаго депутаціи ткачей изъ оффиціальной типографіи, то, можетъ быть, тотъ или другой неразвитый рабочій и не понялъ ѣдкой насмѣшки Лассаля по адресу королевской власти, но масса рабочихъ, несомнѣнно, знала, въ чемъ дѣло. Съ другой стороны, никто обыкновенно не понимаетъ насмѣшливаго обращенія быстрѣе, чѣмъ его жертва, и какъ могъ Лассаль надѣяться, что ронсдорфская рѣчь, заботливую передачу которой Бисмарку онъ довѣрилъ совѣсти секретаря союза, проведетъ травленаго волка — дипломата!

И картины своихъ агитаціонныхъ успѣховъ, которыя Лассаль рисовалъ въ этой рѣчи, предназначались больше по берлинскому адресу, чѣмъ для рабочихъ. Онѣ были сильно преувеличены. Такъ какъ дѣйствительно вліяніе его пропаганды было сильно,

но пока оно не было осязательно видно, то Лассаль искалъ ея осязательныхъ и видимыхъ плодовъ тамъ, гдѣ ихъ не было или долго еще не было въ такихъ размѣрахъ, какъ онъ утверждалъ. Онъ нарисовалъ каррикатуру, которой онъ самому себѣ причинилъ самую жестокую несправедливость; насколько эта подчасъ почти романтическая легенда стояла ниже того историческаго толчка, который онъ на самомъ дѣлѣ далъ! Такъ, ему совершенно справедливо уже давно ставили въ упрекъ то, что онъ парадировалъ на епископѣ майнцскомъ, передъ прогрессистскими манчестерцами, выставляя его „княземъ церкви", считающимся „на Рейнѣ чуть не святымъ", „уже много лѣтъ отдавшимся ученымъ изслѣдованіямъ" и почувствовавшимъ теперь „велѣніе совѣсти сказать свое слово по рабочему вопросу". Когда епископъ Кеттелеръ въ незначительной статейкѣ призналъ желѣзный законъ заработной платы, чтобы досадить либеральной буржуазіи, и отстаивалъ божественное происхожденіе собственности, чтобы нанести ударъ освободительной борьбѣ пролетаріата, то это была поповская демагогія, по которой какой-нибудь Шульце-Деличъ могъ оказаться „почти святымъ". Именно, по отношенію къ рейнскимъ рабочимъ, изъ которыхъ еще очень многіе жили въ духовномъ рабствѣ у ультрамонтановъ, Лассаль поступилъ бы лучше, если бы сорвалъ съ этого волка овечью шкуру, вмѣсто того, чтобы пользоваться имъ, какъ стоющимъ вниманія авторитетомъ, противъ капитализма.

Только въ концѣ своей ронсдорфской рѣчи Лассаль поднялся на прежнюю высоту своего краснорѣчія. Послѣднимъ показателемъ успѣха онъ называлъ то преслѣдованіе, которому онъ подвергся. Онъ съ торжествомъ напоминалъ о процессахъ, которые онъ уничтожилъ своими рѣчами, какъ острымъ мечомъ, но, какъ хорошій знатокъ пролетарской классовой борьбы, онъ прибавлялъ, что сталкиваясь съ извѣстнымъ озлобленіемъ.

одинъ человѣкъ долженъ погибнуть, какъ бы силенъ онъ ни былъ. Вѣяніе смерти уже носилось надъ нимъ, когда онъ произносилъ свою клятву, и слушатели его съ энтузіазмомъ клялись, что съ нимъ это могучее и національное культурное движеніе не погибнетъ, что пожаръ, который онъ зажегъ, будетъ распространяться все дальше и дальше, пока хоть одинъ изъ нихъ будетъ еще дышать.

Съ конца мая до конца іюня Лассаль провелъ въ Эмсѣ, ища облегченія въ болѣзни горла. Здѣсь онъ написалъ возраженіе на рецензію, данную Вагенеромъ въ „Kreuzzeitung" на „Бастіа—Шульце". Среди политическихъ дѣятелей изъ лагеря феодаловъ Вагенеръ усерднѣе всѣхъ пользовался всеобщимъ избирательнымъ правомъ для ловли раковъ; онъ очень много говорилъ о трусливой буржуазіи, забросившей въ чуланъ свои политическія блага и свободы, чтобы спасти свой денежный мѣшокъ. Однако то, что онъ самъ хотѣлъ спасти, это были „политическія блага и свободы" „христіанскаго общественнаго и государственнаго порядка", а сословность, которой онъ хотѣлъ изуродовать всеобщее избирательное право, сводилась въ концѣ концовъ къ феодальному изданію плутократической трехклассной системы избирательнаго права, октроированіе котораго было прикрашено еще тѣмъ, что оно, будто, заключаетъ въ себѣ „всеобщее избирательное право".

Вагенеръ слишкомъ ненавидѣлъ капитализмъ, чтобы не знать его хорошо.. Онъ зналъ, что возстановленіе феодально-цеховой общественной организаціи— безсмыслица и потому сталъ въ рѣзкое противорѣчіе со старымъ романтикомъ Ф. Герлахомъ, который посвятилъ его нѣкогда въ тайны феодальнаго соціализма и который теперь, когда дѣла начали принимать жгучій характеръ, предпочиталъ еще возиться съ Шульце-Деличемъ, чѣмъ съ Лассалемъ. Вагенеръ не ошибался также, подобно Бисмарку, на счетъ „мо-

нархическаго образа мыслей“ Лассаля; онъ прекрасно понималъ, что конкретное прусское государство до отчаянія мало общаго имѣетъ съ абстрактной государственной идеей Лассаля. Но, передъ послѣдовательнымъ развитіемъ научнаго соціализма, какое давалось въ „Бастія—Шульце“, Вагенеръ былъ уже совершенно безпомощенъ, и его рецензія на это сочиненіе исчерпывалась совершенно обыденными фраза ми объ основахъ христіанскаго государства, о сохраненіи средняго сословія, какъ единственно правильной формы, связывающей капиталъ съ трудомъ, и тому подобными ходячими словечками. Вагенеръ сдѣлалъ даже стыдливое позаимствованіе у вульгарныхъ манчестерцевъ, утверждая, что повышеніе общаго дохода иной разъ, по крайней мѣрѣ, такъ же важно, какъ и его распредѣленіе, а его конекъ о томъ, что рабочіе тоже не всѣ герои добродѣтели, капиталисты не всѣ грѣшники, могъ бы съ такимъ же успѣхомъ парадировать на столбцахъ „Народной Газеты“, какъ и на столбцахъ „Крестовой Газеты“.

Лассаль имѣлъ личныя сношенія съ Вагенеромъ въ Берлинѣ и будто бы сдѣлалъ ему, какъ любезно разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Вагенеръ, комплиментъ, сказавъ, что три умнѣйшихъ человѣка въ Пруссіи, это — Лассаль, Бисмаркъ и Вагенеръ, — въ такомъ именно порядкѣ. Если Лассаль дѣйствительно позволилъ себѣ эту шутку, то онъ, должно быть, не слишкомъ высокаго мнѣнія былъ о духовныхъ способностяхъ Вагенера, а рецензія Вагенера на его „Бастія—Шульце“, навѣрно, не могла внушить ему болѣе высокаго понятія объ этомъ передовомъ борцѣ феодализма. Тѣмъ не менѣе онъ рѣшился серьезно ему отвѣчать; какъ видно изъ содержанія возраженія, онъ хотѣлъ дать новый поводъ для октроированія всеобщаго избирательнаго права. Онъ безъ труда опровергъ грубыя заблужденія Вагенера; онъ доказывалъ, что отъ носителей существующаго общественнаго

и государственнаго порядка вполнѣ зависитъ, осуществится ли неизбѣжная соціально-политическая потребность современности путемъ реформы или революціи; онъ энергично протестовалъ противъ всякихъ мелкихъ экспериментовъ съ производительными ассоціаціями и обосновывалъ всеобщее избирательное право тѣмъ, что нѣтъ ничего болѣе способнаго къ организаціи, какъ широкія массы, и ничего болѣе интеллигентнаго, какъ ихъ здравый смыслъ. Это было, несомнѣнно, совершенно вѣрно, но это должно было смутить именно тѣхъ людей, которыхъ Лассаль хотѣлъ убѣдить, ибо, какъ бы тамъ дѣло съ „умомъ" Бисмарка и Вагенера ни обстояло, но, въ качествѣ извѣстныхъ представителей господствующихъ классовъ, они боялись интеллигентности и организованности массъ, какъ чумы.

Въ концѣ іюня Лассаль прибылъ въ Дюссельдорфъ, чтобы лично защищаться передъ апелляціонной инстанціей отъ обвиненія, представленнаго ему вслѣдствіе его рѣчи на прошлогоднемъ смотру. Поскольку его защита вращалась въ предѣлахъ политики, она являлась отголоскомъ ронсдорфской рѣчи. Затѣмъ Лассаль провелъ недѣли двѣ во Франкфуртѣ и Пфальцѣ, занявшись именно приготовленіями къ изданію регулярно выходящей газеты Союза. Часто задавался вопросъ, почему онъ раньше не позаботился о томъ, чтобы пополнить этотъ чувствительный пробѣлъ въ его вооруженіи, тѣмъ болѣе, что „Сѣверная Звѣзда" становилась все хуже и хуже. Очень простой отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ томъ, что до этого времени ему приходилось затрачивать тройную человѣческую силу на то, чтобы рѣшить еще болѣе настоятельныя задачи. Онъ уже съ зимы былъ занятъ планомъ изданія союзнаго органа; окончательно завершились подготовительныя работы лѣтомъ 1864 года. Редакцію газеты долженъ былъ взять на себя Швейцеръ, а вмѣстѣ съ нимъ Жанъ Баптистъ фонъ-Гофштет-

тенъ, баварскій лейтенантъ въ отставкѣ, обладавшій нѣкоторымъ имуществомъ, добродушный и любезный, но не очень даровитый человѣкъ, и немножко фантазеръ, находившійся совершенно подъ духовнымъ вліяніемъ Швейцера. Мѣстомъ выхода новой газеты былъ назначенъ Берлинъ.

Въ срединѣ іюля Лассаль переселился въ Риги-Кальтбадъ для лѣченія сывороткой, и тамъ, его живо продолжали занимать дѣла Союза. Стремясь наложить „отпечатокъ на событія", онъ иногда обдумывалъ мысль о томъ, чтобы осенью предложить гамбургскимъ рабочимъ принять резолюцію, требующую отъ Бисмарка присоединенія Шлезвигъ-Голштиніи противъ воли Австріи. Шлезвигъ-Голштинская война теперь закончилась. Послѣ крушенія лондонской конференціи, прусскія войска овладѣли 29 іюня островомъ Альсеномъ, 10 іюля вся Ютландія была во власти австрійцевъ и пруссаковъ, а 20 іюля датское правительство изъявило готовность къ мирнымъ переговорамъ. Лассаль оказался хорошимъ пророкомъ, когда онъ предвидѣлъ, что Австрія и Пруссія вцѣпятся другу другъ въ волосы изъ-за общей добычи, и видѣлъ въ этомъ внѣшнее осложненіе, благодаря которому Бисмаркъ вынужденъ будетъ воспользоваться козыремъ всеобщаго избирательнаго права. Но этимъ, разумѣется, не оправдывалась резолюція, которую онъ думалъ предложить гамбургскимъ рабочимъ. Напротивъ того, изъ всѣхъ ложныхъ шаговъ, къ которымъ приводилъ Лассаля его тактическій поворотъ, это было бы самымъ ложнымъ; онъ отнюдь не наложилъ бы „печати на событія", а только сдѣлалъ бы рабочее движеніе орудіемъ прусской завоевательной политики. Впрочемъ, очень сомнительно, чтобы у Лассаля это было рѣшеннымъ дѣломъ, какъ позднѣе утверждала графиня Гатцфельдъ и другіе. Судя по его письмамъ, въ которыхъ эта мысль сначала въ дни чрезмѣрныхъ ожиданій пред-

ставлялась ему „великимъ, очень великимъ, можетъ быть, дѣйствительно важнымъ переворотомъ“, а въ ближайшіе дни уже дѣломъ, отъ котораго онъ самъ многаго не ждалъ, она скорѣе является выраженіемъ состоянія чрезмѣрнаго нервнаго раздраженія, какъ это и видно изъ интимныхъ писемъ и бесѣдъ, стало быть, безъ того, чтобы отъ мысли къ дѣлу былъ уже перекинутъ мостъ.

Гораздо больше хлопотъ, чѣмъ этотъ, еще витавшій въ облакахъ планъ, причинилъ Лассалю въ Риги-Кальтбадѣ его споръ съ Вальтейхомъ. Взаимное нерасположеніе вылилось наружу во время приготовленій къ первому общему собранію Союза, которое, по уставу, должно было имѣть мѣсто еще до конца 1864 года. Составъ общаго собранія, по уставу, опредѣлялся такъ: въ томъ мѣстѣ, гдѣ собраніе имѣло мѣсто, всѣ явившіеся члены голосовали каждый за себя, изъ другихъ же мѣстъ участвовали въ голосованіи избранные делегаты, имѣвшіе каждый столько голосовъ, сколько всего членовъ въ томъ мѣстѣ, представителемъ котораго онъ являлся. Относительно путевыхъ издержекъ для делегатовъ въ уставѣ ничего не было сказано. Поэтому Лассаль поступилъ совершенно такъ, какъ того требовали обстоятельства и отнюдь не противъ устава, когда, въ согласіи съ Даммеромъ, котораго онъ на время отсутствія своего изъ Германіи опять назначилъ вице-президентомъ, попытался воспользоваться этимъ пробѣломъ въ уставѣ для того, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія. Они внесли предложеніе, чтобы тѣмъ общинамъ, которыя не могутъ или не хотятъ возмѣстить путевыя издержки для отдѣльныхъ делетатовъ, предоставлено было передавать свое представительство членамъ, живущимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходитъ общее собраніе или по близости отъ него. Правда, широкое примѣненіе этого предложенія должно было сильно умалить значеніе общаго собранія, но, при бѣдности

и численной слабости многихъ общинъ, не было другого средства устроить общее собраніе и провести въ жизнь соотвѣтствующее предписаніе устава. Во всякомъ случаѣ, это предложеніе нисколько не ограничивало права членовъ, такъ какъ каждой общинѣ было вольно посылать делегатовъ изъ своей среды, при томъ условіи, что она сможетъ и захочетъ возмѣстить путевыя издержки.

Вальтейхъ, какъ членъ правленія, выразилъ протестъ противъ предложенія Лассаля и Даммера. Онъ утверждалъ, что оно, будто, ограничиваетъ общины въ выборѣ ихъ делегатовъ. Вальтейхъ соглашался признать правомѣрность общаго собранія лишь въ томъ случаѣ, если путевыя издержки для делегатовъ будутъ покрыты или изъ союзной кассы, или путемъ чрезвычайнаго обложенія членовъ союза. Но, помимо того, что союзная касса была тяжело обременена долгами, а чрезвычайное обложеніе, при той неаккуратности, съ которой члены уплачивали даже свои регулярные взносы, было бы вилами по водѣ писано, Вальтейхъ не могъ даже ссылаться на уставъ, въ которомъ нигдѣ не говорилось, что путевыя издержки делегатовъ на общее собраніе должны покрываться Союзомъ. Формально и матеріально Вальтейхъ со своимъ требованіемъ въ такой же степени былъ неправъ, въ какой Лассаль и Даммеръ были правы. Кромѣ того, обоснованіе, которымъ Вальтейхъ снабдилъ свое требованіе, было пропитано, если не тономъ ненависти, то, во всякомъ случаѣ, тономъ враждебности, который самъ по себѣ могъ привести Лассаля въ раздраженіе, тѣмъ болѣе, что было очевидно, что поведеніе Вальтейха было лишнимъ звеномъ въ его децентрализаторскихъ стремленіяхъ.

Тѣмъ не менѣе, только физическимъ страданіемъ и душевнымъ возбужденіемъ Лассаля можно объяснить то, что онъ въ обширномъ циркулярѣ, обращенномъ ко всѣмъ членамъ правленія, помѣченномъ 27 іюля,

свое столкновеніе съ Вальтейхомъ сдѣлалъ вопросомъ о кабинетѣ, что онъ, въ очень ясныхъ намекахъ, угрожалъ, что сложитъ съ себя обязанности президента, если правленіе не исключитъ Вальтейха изъ Союза. Такое, очень недемократическое поведеніе, благодаря нѣкоторымъ сопровождающимъ обстоятельствамъ, приняло еще болѣе некрасивый характеръ; правленіе, которое до этого почти не функціонировало, должно было на первый разъ выступить какъ бы въ роли полицейскаго; далѣе, Лассаль тогда же принялъ въ правленіе Бернгарда, Беккера и Швейцера, о которыхъ онъ зналъ, что они раздѣляютъ его взгляды; и, наконецъ, онъ далъ союзному секретарю наставленіе разослать циркуляръ всѣмъ членамъ правленія немедленно, Вальтейху послать лишь тогда, когда Вильмсъ предварительно съѣздитъ въ Дрезденъ и подготовитъ надлежащимъ образомъ Фёрстерлинга, чтобы предупредить „интриги“ Вальтейха въ Дрезденѣ и вообще въ саксонскихъ общинахъ. И, къ несчастью, этимъ рѣзкимъ диссонансомъ заканчивается дѣятельность Лассаля на пользу Союза.

За день до того въ Риги-Кальтбадѣ появилась Елена ф. Дённигесъ, и развилась и быстро пошла къ развязкѣ драма, завершившаяся смертью Лассаля 31 августа. Событія эти, сами по себѣ, не имѣютъ непосредственной связи съ исторіей германской соціалъ-демократіи, и о нихъ такъ много говорилось, что нѣтъ надобности еще разъ излагать ихъ. Лишь постольку, поскольку по отношенію къ этой дамѣ распространено нѣкоторое сентиментальное сочувствіе на счетъ Лассаля, эти событія заслуживаютъ краткаго освѣщенія.

По свободному побужденію явилась m-lle ф. Дённигесъ въ Риги-Кальтбадъ, и только фарисеи могутъ порицать Лассаля за то, что онъ, больной, уже нѣсколько дней подверженный непривѣтливой горной погодѣ, изнуренный отъ труда и заботъ, не уклонился

отъ такой далекой встрѣчи. Тутъ дама эта капризно отвергла хитро задуманный Лассалемъ планъ свиданія, поставивъ ему въ женевскомъ отелѣ на выборъ, или какъ глупому мальчишкѣ, увезти ее тайкомъ, или, какъ благопристойному филистеру, отвести ее въ родительскій домъ. Лассаль потомъ горько раскаивался въ томъ, что, вмѣсто бѣгства, рѣшился на „комедію великодушія и мѣщанскаго приличія“, но это далеко еще не значитъ, что въ своемъ безвыходномъ положеніи онъ не сдѣлалъ того, что болѣе всего соотвѣтствовало его личному достоинству и достоинству его положенія. Разговоры о томъ, будто онъ своимъ поступкомъ смертельно оскорбилъ беззавѣтно отдавшееся ему женское сердце, только тогда подлежали бы обсужденію, если бы m-lle ф. Дённигесъ въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ заикнулась бы хоть словомъ объ оскорбленномъ женскомъ сердцѣ. Въ дѣйствительности ничего подобнаго не было. Судя по тому, какъ, по единогласному свидѣтельству Рюстова и адвоката Генле, вела себя эта мнимая жертва Лассаля въ рѣшительной сценѣ драмы, получало субъективное оправданіе то слово, которымъ Лассаль квалифицировалъ эту даму, чтобы принудить къ дуэли ея отца и сначала отвергнутаго, а теперь снова признаннаго жениха.

Конечно, Лассаль сильно скомпрометировалъ себя, желая добиться своего, желая избѣгнуть позора смѣшного пораженія, котораго онъ, питавшій смертельное отвращеніе ко всякому серьезному пораженію, совершенно не могъ бы вынести. Шаги, которые онъ предпринялъ у баварскаго министра внутреннихъ дѣлъ и черезъ графиню Гатцфельдъ у епископа майнцскаго, сама дуэль, на которую согласился Лассаль, несмотря на то, что былъ принципіальнымъ противникомъ дуэли, нѣкоторыя заявленія, сдѣланныя имъ письменно и устно въ эти бурные дни, не могутъ быть оправданы. Непріятное впечатлѣніе остается, сколько бы смягчаю-

щихъ обстоятельствъ ни приводить: долгъ Лассаля защитить пострадавшую изъ-за него женщину, пока онъ вынужденъ былъ считать, что она хочетъ защиты, умышленное оскорбленіе его справедливаго чувства собственнаго достоинства спесивымъ поведеніемъ семьи Дённигесъ, безнадежное истощеніе его физическихъ и душевныхъ силъ, съ потрясающей правдой проглядывающее въ каждой строчкѣ его писемъ того времени. Лассаль могъ бы умереть болѣе красивою смертью и все-таки, если позволено по содержанію богатой жизни судить о тихихъ мысляхъ смертнаго одра, то онъ и эту смерть, вѣроятно, привѣтствовалъ, какъ избавительницу.

Онъ не былъ привязанъ къ жизни ради жизни; его страшила отупляющая старость, приближеніе которой онъ видѣлъ въ наступленіи сорокалѣтняго возраста, на порогѣ котораго онъ стоялъ. Неопредѣленнымъ и неяснымъ было для него ближайшее будущее. Тѣ, которые думаютъ, какъ, напримѣръ, его другъ Бухеръ, что онъ когда-либо одѣвалъ бисмарковскую ливрею, судятъ, какъ слѣпые о цвѣтахъ. Поскольку Лассаль вообще строилъ опредѣленные планы будущаго, о нихъ можно судить по тѣмъ заявленіямъ, которыя онъ дѣлалъ въ послѣднія недѣли Филиппу Беккеру. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ старымъ борцомъ за свободу, Лассаль заявилъ, что силы его истощены, и что ему необходимо сдѣлать передышку; что онъ думалъ было, соціалистическое движеніе завершить въ какой-нибудь годъ, но онъ видитъ теперь, что для него требуются десятки лѣтъ, а для этого не хватаетъ его физическихъ силъ, такъ какъ именно онъ не сможетъ вынести предстоящія тюремныя заключенія. На этихъ словахъ лежитъ печать истины. По совѣту Беккера, Лассаль намѣревался пробыть два года въ Женевѣ, чтобы пріобрѣсть тамъ право гражданства, и это намѣреніе онъ, вѣроятно, выполнилъ бы, если бы онъ больше жилъ. Но тогда онъ все-таки былъ бы птицей со сломанными

крыльями, а онъ былъ слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ, чтобы медленному хирѣнію предпочесть быструю смерть. Поэтому менѣе всего пріемлема новѣйшая легенда, будто эта смертельная дуэль является „косвеннымъ самоубійствомъ“ Лассаля изъ страха передъ конференціей съ Марксомъ и Энгельсомъ, которая должна была состояться осенью и поставила бы его передъ альтернативой: отреченіе и отступленіе или борьба на жизнь и смерть со старыми друзьями. Ни въ одномъ изъ имѣющихся документовъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на эту конференцію; напротивъ, изъ письма Лассаля къ Вильмсу, написаннаго еще 29 іюня, недвусмысленно явствуетъ, что тогда ему совершенно не было извѣстно, какъ Марксъ смотритъ на его агитацію. Не стоитъ теперь разоблачать несостоятельность этой легенды съ психологической и всякой другой точки зрѣнія; если же угодно сдѣлать уже для Маркса и Энгельса не менѣе обидное, чѣмъ для Лассаля, предположеніе, что такое судилище имѣлось въ виду, то, во всякомъ случаѣ, у Лассаля не было ни малѣйшаго повода уклоняться отъ этого путемъ „косвеннаго самоубійства“. Свою агитацію онъ могъ защищать съ открытымъ забраломъ передъ всякимъ, въ томъ числѣ и передъ Марксомъ и Энгельсомъ. Въ его пользу свидѣтельствовали германскіе рабочіе, которыхъ онъ пробудилъ къ классовому самосознанію, которымъ онъ проложилъ путь для могучей борьбы и огромныхъ побѣдъ. И они массою вступились за своего покойнаго вождя, когда черезъ полгода стали ясны различія во взглядахъ, существовавшія между Лассалемъ и его старыми друзьями; впереди всѣхъ пошли рейнско-вестфальскіе рабочіе и среди нихъ также бывшіе члены Союза Коммунистовъ.

Можно предоставить буржуазнымъ фабрикантамъ романовъ фабриковать своего Лассаля, то въ видѣ благочестиваго холопа Фридолина, благоговѣйно преклоняющаго колѣна передъ трономъ Гогенцоллерновъ

то въ видѣ дикаго чудовища, которымъ стращаютъ патріотическихъ ребятъ, — историческій Лассаль требуетъ часто суроваго дыханія исторической правды, но это не колеблетъ его бронзовой фигуры. Онъ былъ больнымъ и умирающимъ человѣкомъ, когда онъ нашелъ въ Швейцаріи свой преждевременный конецъ. Пуля валахскаго юнкера, прекратившая жизнь такого великаго человѣка, казалась безсмысленной, тѣмъ не менѣе она убила только то, что было смертнаго въ мыслителѣ и борцѣ Лассалѣ. Если принимать во вниманіе положеніе дѣлъ въ то время, и что представлялъ собою Лассаль, то слѣдуетъ признать, что онъ выполнилъ свою историческую миссію; его пылкая душа испустила послѣднее дыханіе, а остатокъ былъ слишкомъ человѣческой страстью. Тѣмъ не менѣе былъ нѣкоторый серьезный смыслъ въ томъ совершенно ложномъ взглядѣ его вѣрныхъ приверженцевъ, что онъ палъ за рабочее дѣло. Такъ и Марксъ въ утѣшеніе писалъ графинѣ Гатцфельдъ: „Онъ умеръ молодымъ, съ тріумфомъ, какъ Ахиллъ“.

Германскій рабочій классъ вполнѣ тактично отклонилъ отъ себя роль судьи мертвецовъ надъ могилой Лассаля; онъ сохраняетъ по отношенію къ нему глубокую и несокрушимую вѣрность, дѣлающую ему такую же честь, какъ и Лассалю.

№ 20.

Великое Учредительное Собраніе 1789 года.

Сочиненіе **Л. Мовича.**

Въ увлекательной полубеллетристической формѣ авторъ излагаетъ событія 1789 года во Франціи. Здѣсь дается описаніе общественныхъ отношеній въ этой „странѣ нищихъ", какой являлась Франція наканунѣ Великой Революціи, ярко характеризуются безсильныя потуги стараго режима и напрасные поиски имъ новыхъ путей, колебанія и шатанія правительства и — въ противоположность всему этому — сплоченіе народныхъ массъ вокругъ образовавшагося Учредительнаго Собранія. Это — яркій историко-политическій памфлетъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Цѣна 45 коп., въ изящномъ переплетѣ 57 коп.

№ 21.

Квинтъ-эссенція соціализма.

Сочиненіе **А. Шеффле.**

Переводъ съ нѣмецкаго **С. С. Б-на.**

Авторъ, бывшій австрійскій министръ, видный политико-экономъ, создавшій цѣлую школу послѣдователей, является противникомъ соціализма и въ настоящемъ трудѣ, съ присущей ему основательностью, критикуетъ требованія соціализма, насколько они касаются преобразованій въ современной системѣ народнаго хозяйства. Эта книга можетъ быть рекомендована всякому, кто желаетъ самостоятельно разобраться въ такомъ кардинальномъ вопросѣ, какимъ является соціализмъ.

Цѣна 18 коп., въ изящномъ переплетѣ 30 коп.

Типографія Т-ва „Просвѣщеніе". С.-Петербургъ, 7 рота, с. д. № 20.